

Юрий Райн Бестиарий спального района

Аннотация

Обычный спальный район огромного города. Гастарбайтеры метут двор, мент привычно собирает дань, сантехник починяет трубы. Вроде бы заурядные жители окраины большого города. Для нас – людей. А друг для друга они джинн, потерявший мощь, ишии, утопленник. Настанет день – и сойдутся они вместе, чтобы вернуть джинну его страшную силу.

Юрий Райн Бестиарий спального района

Автор благодарит Льва Рыжкова за массу идей и советов при написании этой книги.

Часть первая Соавторы: старт

Виновод. Понедельник, 15:47

Он долго стоял под прохладным душем. Который это сегодня по счету – пятый, кажется? А, лень считать...

Вытираться не стал. Натянул трусы на мокрые чресла, прошлепал на кухню, вытащил из холодильника очередную бутылку пива, скovyрнул крышку и, глотая на ходу, двинулся на балкон.

Пожмотил кондишн установить – теперь страдай. Хорошо хоть, на работу ходить не обязательно – слава богу, сам себе хозяин. И правильно сделал, что не пошел. С ума сойти можно, как подумаешь, что надо выходить в эту геенну огненную. Нет, дома все-таки легче.

А от работы не убудет – в крайнем случае сотрудиички позвонят. Которые там маются. Пусть маются, им за это деньги платят... На случай некрайний – вон, компьютер стоит, Интернет подклучен, можно и поработать. Вот только не хочется...

В Клуб зайти, что ли? Ага, можно. Литературный Интернет-Клуб, подумал он, отрада дней моих суровых. Там, правда, сейчас тоже сонное царство. Наверняка. Нет, неохота.

Написать туда рассказик? Вот это, пожалуй, можно. Не торопясь, пиво потягивая, со вкусом, в общем. Коротенький такой рассказик. На длинный сейчас сил нет.

Сигаретку только сначала выкурить, тут, на балконе. В комнате лучше не курить. Жена с детьми, правда, на дачу сбежала, но все равно. И так дышать нечем...

Курить вообще-то не очень хотелось, но как пить пиво без сигареты, он не представлял. Поэтому закурил. Принялся смотреть во двор.

Народу совсем мало. Смуглый парень в оранжевом жилете на голое тело копошится под стенами дома. Мелкий мусор собирает, в тачку бросает. Под таким солнцем... Впрочем, узбеки привычные. Или таджики, без разницы...

Вот Вася бредет по двору наискосок. Ей-богу, призрак какой-то, а не человек. Костлявый, безмозглый призрак под два метра ростом. Глядит строго перед собой, ничего вокруг не замечает, ничего не соображает – это и издали видно. В пиджаке своем вечном, драпом и вонючем... Кошмар...

Пиво допилось, сигарета догорела до фильтра. Он примерился швырнуть окурок вниз – оранжевый и подберет, – однако в последний момент передумал. Нехорошо. К тому же из-за угла дома показался другой оранжевый, тоже то ли туркмен, то ли киргиз – кто их разберет, – но властного такого вида, значительного. Гортанно сказал что-то первому, потом голову кверху задрал, взглядом по балконам полоснул.

Пришлось тащиться на кухню, тушить бычок в раковине, совать в ведро. Впрочем, не зря сходил – очередную бутылку пива из холодильника извлек.

По другой диагонали двора старуха ковыляет. Незнакомая старуха. Тоже, похоже, больная на всю голову. Платок повязала, кацавейку какую-то нацепила, корзину тащит... Чистая Яга.

Все, больше никого. Нет, вот еще милиционер мелькнул. Распаренный весь, неопрятный. Мелькнул и исчез.

В соседнем дворе – его краешек просматривается – работяги в котловане копошатся. Когда-то, давным-давно, на этом месте коровник стоял, теперь будет магазин шаговой доступности. Мужики опалубку под бетон готовят. Несчастные.

Вернулся в комнату, сел за компьютер. Рассказик, значит... Что бы этакое изобразить?

С ходу не придумывалось. Это не страшно, надо просто пересест в кресло – нечего пока у компьютера делать, – глотнуть пивка, расслабиться, глаза закрыть. Все само придет. Алкоголь, в умеренных если дозах, он способствует. И сюжет родится, и слова лягут... Конечно, лучше бы вина, оно креативнее, особенно красное. Или коньяку. Очень к философии располагает. Можно бы и водки – какой дурак, кстати, сказал, что в жару водка не идет? Очень даже идет, если холодная. Только от водки на подвиги тянет. Или на безобразия, это смотря сколько выпьешь.

Да, что бы ни пить, главное – не перебрать, а то вместо рассказика протокол получится. Из милиции. Как говорится, имеем опыт...

Впрочем, сейчас – только пиво. Ледяное. И чтоб все пристойно!

Он задремал. В голове что-то неспешно проворачивалось. То картинки из жизни южного города, лет так сто назад, то почему-то танковые колонны, прорывающие чью-то оборону, то причудливо искаженные эпизоды времен конца перестройки – замызганное кафе, какие-то тяжело глядящие друг на друга люди. В общем, чепуха всякая.

Очнулся от внезапно сгустившейся тьмы за окном. Как можно проснуться оттого, что стало темно, он не понимал, но точно знал – разбудило его именно это.

Он потряс головой, глотнул пива – нагреться еще не успело, значит, кемарил недолго. Что ж темно так? Гроза, что ли, откуда ни возьмись надвигается?

За окном что-то зашелестело. Он повернул голову и увидел, как со стороны балкона штору отодвигает большая темная ладонь. Сердце зашло и почти остановилось, он хотел крикнуть и не смог. Ладонь исчезла. Привиделось, ффу... Но беззвучный ветерок снова приоткрыл штору, и за стеклом показалось лицо, бессмысленное лицо, похожее на Васиного, только чуточку зеленоватое.

Там же не балкон, в панике подумал он. За этой створкой окна никакого балкона нет. А этаж, между прочим, двенадцатый...

Лицо исчезло. Следовало встать, посмотреть, но никаких душевных сил на это не было. Сердце теперь бешено колотилось, руки-ноги противно дрожали, во рту пересохло.

Однако безумно хотелось курить, а сигареты лежали на подоконнике. Деваться некуда – пришлось собраться, встать, подойти к окну. Не выглядывая за штору, нашарил сигареты, зажигалку, закурил, два раза с силой затянулся – и решился.

Зря решился: с темного неба прямо к нему на балкон пикировала давешняя бабка с корзиной, прикрываемая сзади-справа потным расхлюстанным милиционером. Снизу, со двора, донесся гортанный окрик на незнакомом языке, парочка заложила вираж, отлетела в сторонку, взмыла вверх и снова ринулась в атаку.

ТЬфу, подумал он, направляясь под очередной душ. Надо же, с пива, и чтоб так повело... Вот тебе и рассказик. А с другой стороны, оно, может, и к лучшему. От этих рассказиков толку – ноль. Самолюбие, конечно, тешит, когда в Клубе тебя хвалят. Но не более того.

Роман бы написать, размышлял он, стоя под струей воды комнатной температуры. Вот что там, в первой дремоте, виделось? Начало прошлого века, приморский город, потом война – танки, огонь, дым, пыль, грязь, голод и холод, – потом бандиты уже конца века... Может, это роман о двадцатом веке? Ого! Честно говоря, даже о-го-го... Амбиции не по возможностям...

В соавторстве с кем-нибудь, может, еще бы и ничего. С кем? Гипнапомпа пригласить? Псевдоним, то есть ник, странный, зато фантазия у мужика – это что-то... Ладно, обдумать требуется...

С бутылкой в руках он подошел к компьютеру. В правом нижнем углу экрана мигал желтый конвертик. Гипнапомп, легок на помине, требовал связи через почтовую программу.

Гипнапомп. Понедельник, 15:47

Он помедлил в относительно прохладном подъезде, выкурил сигаретку и наконец решился. Опасливо выдвинулся на улицу, зашагал в направлении сквера. Вспотел мгновенно. Ну и погода, дьявол ее разberi.

От гаражей, мимо которых пришлось проходить, несло горячим ржавым железом. Ну что за идиотизм – арендовать помещение в промзоне! Ладно бы еще обычная контора, а то ведь – журнал! Средство массовой информации! Пусть журнал и желтоватый, но ведь творческие же как-никак люди в нем работают. А их зимой по снежному месиву или по наледи ходить заставляют, летом же – словно через микроволновку...

М-да, причуды олигархов... Приспичило пельменному магнату занять собственную медиаимперию... На кой это ему ляд, неизвестно, тем более журнал-то однозначно убыточный. Может, в обществе блеснуть: не просто пельмени человек производит, а еще и медиабизнес у него. Ради того деньги на ветер и выкидывает. Ну так не сэкономил бы тогда

на мелочах! На редакционном помещении не экономил бы!

Спасибо хоть скверик недалеко, посидеть можно, отдышаться после дурацкого совещания, на котором магнат традиционно орал матом и брызгал слюной, а остальные обливались потом. На кондиционер-топельменичик тоже пожидился.

Посидеть, значит, в тенечке, прохладительного чего-нибудь попить. Жалко, пива нельзя, ибо в глухой завязке. Ладно хоть колы какой-нибудь... Лишь бы похолоднее...

В киоске, что по дороге к скверу, слава богу, нашлась возжеленная холодная кола, а в самом сквере свободных скамеек оказалось полным-полно. Сел, присосался к напитку. Потом вынул сомнительной свежести платок, вытер лоб и шею. Немного полегчало. Закурил, откинулся на спинку, задумался.

Сейчас посидеть тут, скажем, часок – и домой. Там душ, наверное, принять, потом пожрать что-нибудь... Опять яичницу придется, Милка-то в Тамбове, у родителей, в субботу только вернется. А и черт с ней, с яичницей, все равно аппетита никакого.

Кстати, что Милки нет, оно даже к лучшему. Что-то о женитьбе заговаривать начала... В такую-то жару, с ума сошла...

Потом чаю холодного, да со льдом, компьютер включить, в Интернет-Клуб литературный зайти. После хоть и забавной, но по большому счету удручающе квазитворческой суеты на работе Клуб – это, можно сказать, отдохновение для измученной души.

Правда, вряд ли там сегодня что-то особо интересное происходит – все будто вымерли... Ладно, тогда написать туда что-нибудь. Новеллку небольшую. Сюжет уже складывается, только слова расставить.

В поисках дополнительных впечатлений для новеллки огляделся. Почти пусто в сквере. Лишь брела по направлению к нему пара, неторопливо так брела. Странная пара, даже издали показалось. Приблизилась – разглядел. Не пара, тройка. Яркая, эффектная, одетая в мешковатый балахон из разноцветных лоскутков молодая женщина с плотно спеленутым младенцем на руках, чуть сзади смуглый мужчина во всем кожаном. Как им только не жарко?

Проходя мимо его скамейки, красотка вдруг повернула голову, взглянула, точно выстрелила – неприятно кольнуло сердце, – смуглый пробормотал что-то на непонятном наречии, женщина ответила переливчатой фразой, прозвучавшей, показалось, насмешливо.

Сквер снова опустел. Потом где-то в кустах истошно заорали коты. И не лень им? – вяло подумал он. Через минуту-другую коты опрометью пересекли дорожку – сначала рыжий, за ним черный, оба здоровенные – и скрылись в кустах напротив.

Посмотрел на часы. Скоро пять, а легче не становится, парит и парит. Что ж, еще сигаретку, и пора все-таки домой, хотя пошевелиться лень. А то, пожалуй, и не спешить – вот вздремнуть тут, в теньке, как бы ненароком, глядишь, и концовка для новеллки придет. Он знал: вот так закемаришь – почти обязательно что-нибудь да увидишь. Гипнампией это его свойство называется, если по-научному...

Закурил, задумался. Там в конце должен быть такой поворот... Чтоб читатель мозги сломал! Крышелет чтобы!

Сигарета выпала из его пальцев – разморило все-таки. Голова опустилась на грудь, из уголка рта вытекла ниточка слюны.

В дреме привиделось что-то, к новеллке не относящееся. Какие-то балбесы – то четверо, то пятеро – носились по всей стране на манер неуловимых мстителей, только не мстили никому и не шпионили, а искали – то ли бесценное сокровище, заброшенное почему-то из будущего внеземной цивилизацией, то ли сокровенное знание, тоже неким загадочным образом связанное с гостями из космоса. Найти никак не могли, лишь фрагменты им попадались, да к тому же обманные – совсем не того фрагменты, что искали.

А потом все внезапно умерли. Короче, бред.

Вдруг что-то тонко, но мощно зазвенело. Он встрепенулся, поднял голову, утер слюну, помотал головой. Звон не прекращался.

Он был в скверике абсолютно один. И даже поток машин по обе стороны сквера совершенно иссяк.

И этот звон.

Отчего-то стало страшно.

Цыганка появилась словно ниоткуда. Она отдаленно напоминала ту яркую женщину с ребенком, но никакого ребенка с ней не было. А вот пристальный взгляд внушал безотчетный ужас и, казалось, выкачивал последние силы.

Встать, развернуться – и бегом, хоть домой, хоть даже обратно в редакцию! Нет, тело не слушалось.

Цыганка издевательски подмигнула, оскалилась – и исчезла.

А звон усилился.

На противоположном конце скамейки что-то завожилось, потом заверещало тоненько. Обмирая, повернул голову – перевязанный яркими шелковыми лентами сверток, а из него – плач младенца.

Желудок свело болью – это от страха, понял он. Превозмогая себя, придвинулся к свертку, протянул руку. Из свертка, как на пружинке, выскочил длинный мохнатый палец с кривым когтем, потянулся к его руке, застыл в каком-нибудь сантиметре. Потом невидимые когти, вроде кошачьих, полоснули по ноге.

Холод, казалось бы вождеденный в такую жару, а на самом деле жуткий, мертвенный, чужой настолько, насколько что-нибудь может быть чужим живому человеку, – этот холод стиснул ему сердце, все вокруг померкло, а затем и совсем погасло.

...Он очнулся полужележащим на скамейке. С трудом сел. Под ногами валялись пустая бутылка из-под колы, пара окурков.

Уфф, надо же, сморило как... А насчет новеллки ничего в голову не пришло... Ладно, домой... Попить только еще взять...

Всю дорогу он безуспешно придумывал конец новеллки, а уже открывая дверь квартиры, вдруг скривился от отвращения: дался ему этот малый формат! Роман, роман писать надо! Вот о поисках этого самого сокровища... или знания... или чего там еще, вот об этом и написать. Простор-то какой, по всей России, да что по России, по всему миру героев погонять можно. А уж что искать – это придумаем, это пара пустяков.

Одно смущает: непростая это задача. Писать-то надо ох как аккуратно! Свести все тщательно, да и характеры выписать... А характеры выписывать – не интригу придумывать... Интригу придумать – это нам как делать нечего, а вот характеры... диалоги там всякие... детальки – мелкие, но придающие достоверность и шарм...

Да, по первому-то разу без соавтора не обойтись. Виноводу предложить? С сюжетами у него так себе... воображения, что ли, не хватает... Зато типажи неплохо получаются, психология, детальки эти самые, то да се...

Решительно включил компьютер, запустил почтовую программу, вызвал Виновода.

Глава 1

Два гастарбайтера

Как обычно, Мансур проснулся за полчаса до рассвета. Как обычно, первым осознанным ощущением нового дня стал запах газов, испускаемых организмами двух таджиков, двух киргизов и одного армянина из Туркмении, снимавших эту двушку вместе с ним, Мансуром. И как обычно, первой за день пришла – на древнем языке, название которого он забыл, – нехитрая мысль: «Восточный человек – чистый человек. Не воняет, не потеет, даже мыться не обязательно. А газы – от еды. У восточного человека от русской еды всегда будут газы. И у русского человека тоже. Но у русского человека от всякой еды будут газы. А у восточного человека – только от русской. И еще от американской. А от восточной еды у восточного человека никогда не будет газов. Достану моим восточным людям барашка, достану риса, хорошего риса, коричневого, длинного, шербет достану, урюк достану, пусть

кушают!»

Организм самого Мансура газов без специальной команды не вырабатывал, ибо Мансур был, хотя, без сомнения, и восточным, но – не человеком.

Он тихо встал, прошлепал на кухню, доверху налил и поставил на плиту большой желтый чайник с местами облупившейся эмалью, воспользовался сортиром и гортанно крикнул по-русски:

– Э! Чурки черножопые! На работу пора!

По-русски – потому, что кричать по-таджикски, по-киргизски и по-армянски получилось бы слишком долго, да и вообще утомительно. Разумеется, Мансур знал и эти языки, и еще, наверное, какие хуже, какие лучше, сто двадцать других – не считал, но наверняка не меньше, – однако в России, в ее сердце, ну, пусть не в самом сердце, а в спальном районе сердца, следовало говорить, кричать, шептать по-русски. Так он думал.

В комнатах зашевелились, а Мансур, прочно заняв ванную, почистил зубы, принял душ – просто чтобы освежиться, – причесался и приступил к важнейшей утренней процедуре – бритью. Эта шайтан-баба из ДЭЗа-шмеза требовала, чтобы чурки мели дворы чисто выбритыми, да и менты-шменты не любили, когда борода. Мансур полагал мудрым уступить здесь, чтобы выиграть в другом.

Хотя, конечно, терял он много. Ведь сбритые волосы значительно слабее выдернутых. Девять из десяти вообще оказываются холостыми, а один оставшийся – так, кошачьи слезы...

Брови, надо сказать, лучше сохраняли силу, но их приходилось жестко экономить – после бритья почему-то расти переставали. Мансур с неудовольствием посмотрел в зеркало. Вон как поредели... В ушах еще тоже волосы растут, буйно растут, но ушные волосы – они неправильные, от них никогда не знаешь, чего ожидать. И никакой «тох-тибидох» тут не поможет. Не говоря уж о «ляськах-маськах». Мансура прямо тошнило от такой профанации. Ай, глупые люди эти русские! Почти такие же глупые, как американцы!

Мансур в жизни не встречал американцев, но считал их самыми глупыми и вообще очень не любил.

Брился он опасной бритвой и всегда всухую. Мыльной пеной пользоваться, да хоть бы даже и водой лицо смачивать – это потом целый день возиться надо, чтобы отделить заряженные волоски от пустых.

Сбритое падало на газетку, которой Мансур выстелил раковину. Время от времени он приостанавливал бритье, клал на ладонь щепотку волосков, тщательно изучал их, некондицию сбрасывал в ванну, а кондицию складывал в пенальчик из-под зубочисток.

Ай, чего только эти русские не придумают! В зубах палочками ковыряться! У восточного человека пища между зубами никогда не застревает, у восточного человека пища вся в желудок попадает...

Но пенальчик полезный.

В коридоре поднялся гвалт: один из киргизов и туркменский армянин ссорились из-за очередности посещения туалета. Мансур на мгновение включил восьмое из девяти своих чувств, сразу все понял и грозно крикнул:

– Э!

Спорщики притихли.

– Пусть Вазген первым будет, – изрек Мансур, – он уже совсем никак терпеть не может!

Покончив с бритьем, Мансур сунул драгоценный пенальчик в карман рабочих брюк, поношенных, но чистых, прибрался за собой, посмотрелся в зеркало. Ну что – с длинными волосами и бородой внушительнее бы выглядел. И старше. А так – лет сорока, невысокий, худощавый, черноволосый, черноглазый, смуглый... Обычный.

Он вернулся на кухню, выпил не торопясь большую пиалу крепкого чая, за ней вторую и стал собираться. Заглянул в чулан – спецодежда, метлы, лопаты на месте, все в строгом порядке, – взял свой оранжевый жилет с надписью на спине «ДЭЗ № 22», аккуратно скатал его, завернул в газету и положил в старую, но прочную сумку из болоньи. Сунул туда же еще одну газету. Застегнул серую рубашку на все пуговицы, вбил ноги в стоптанные башмаки.

Крикнул:

– Эй! В ДЭЗ пойду, деньги брать буду! А вы с восемнадцатого дома начинайте, потом к шестнадцатому идите!

И вышел за дверь.

Уже вовсю светило и пригревало солнце. Улицы потихоньку наполнялись народом – кто в гараж спешил за машиной, кто на автобусную остановку. Это в основном те, кто на заводах работает, – там с восьми начинают, а то и раньше. А в конторах чаще с девяти. Ну, кому на машине в центр, тому, чтобы к девяти успеть, самое время выезжать. Как же люди себя истязают!..

Шайтан-баба, которая командовала дворниками и тянула с выдачей зарплаты, тоже являлась к девяти. Два часа еще впереди, но Мансуру хотелось спокойно посидеть на солнышке. Хорошее здесь место – на болоте построено, и свиноферма тут когда-то рядом находилась, и коровник. Для него – хорошее место. Родные места – вот только они и лучше.

Ему хватило пяти минут, чтобы добраться до ДЭЗа. Сел на корточки около залитой ярким солнцем глухой стены одноэтажного здания, замер. Задумался.

Ну что? Как живется, джинн? Неплохо живется, если правильно понимать.

Вспомнились тысячелетия, проведенные в глиняном сосуде. Какое бешенство наполняло и переполняло его тогда! Как неудержимо и как безнадежно мечтал он – найти бы эту старую пархатую сволочь Сулеймана ибн Дауда и эту гнусную кривоногую суку Бислик, родоначальников всех джиннов, творцов их противоестественных судеб, найти бы и... Особенно психовал, когда сосуд прятали в какие-то особые места, непроницаемые даже для седьмого, восьмого и девятого чувств. И как мучила тогда бессонница... Долгие века... От этого тоже ярость захлестывала, белая, раскаленная! Молодой был...

Потом память перепрыгнула – вот сосуд извлекают и выносят на свет сильные волосатые руки. Вот укладывают в седельную сумку. Скачут куда-то, стреляют, орут, рубят друг друга саблями. Вот в отчаянии выхватывают глиняный сосуд из сумки и что есть сил швыряют в полчища врагов. Сосуд раскалывается, он, Мансур, в испуге вскакивает ввысь, злорадно хохочет, устремляется вниз, на врагов, скачущих под кровавыми знаменами, нацеливает всю свою страшную силу, выпускает ее – и... ничего не происходит. Только жеребец под главным кровавознаменным чуть запинаясь. «Я же говорил тебе, Файзулла, что это бабские сказки!» – плачущим голосом произносит щеголеватый белобрысый всадник в мундире с аксельбантами. «Протух, отродье шайтана и шелудивой!» – оскалив зубы, бешено ревет в ответ чернобородый Файзулла, обладатель тех самых сильных волосатых рук. Его тюрбан пронзает пуля, и разлетаются его мозги, и он бессильно повисает на стременах.

Мансуру понадобилось всего несколько дней, чтобы осмотреться и вникнуть. Советская власть ему совсем не понравилась, а что чернобородым ей противопоставить нечего, он не сомневался. И решил уйти в горы – хоть немного отоспаться после многовековой бессонницы. Настроил себя проснуться, когда кончится эта власть (в том, что она ненадолго, тоже был уверен).

Проснулся. И правда, кончилась советская власть. Протухла, как и он сам. Только он-то, хоть и протух, не кончился.

Спустился с гор. Следует признать, спросонья плохо соображал. Словно в тумане все видел. Снова кто-то в кого-то стрелял, воровали все кругом, грабили. Люди...

Многие тогда уезжали в Россию. Ну и он, толком еще не проснувшись, тоже поехал. Сошел с поезда на Казанском вокзале, посмотрел на безумный город и решил: «Это мне подходит. Кто в этом городе главный? Он, похоже, из наших, из джиннов. Мы ведь созданы царем Сулейманом и царицей Бислик для того, чтобы рушить города и возводить дворцы...»

Почему-то сознание очень быстро прояснилось. Сила не вернулась – так, крохи, – а вот мудрость пришла. Он понял, что жить тут можно, и неплохо жить, только высовываться не надо, будь отцы города хоть трижды джиннами. И уверенно подался на окраину. Работа нашлась, жилье нашлось, чурки нашлись – веселее все-таки, – а остатков силы вполне хватало, чтобы ментов отваживать, и дураков бритоголовых отпугивать, и задержанной

зарплаты добиваться. С умом только нужно этими остатками пользоваться, не разбрасываться.

И может, все даже к лучшему. Да, можно долго жить, спокойно жить. Придет срок – перебраться в другое место. Кто заметит, кому он нужен? И пополнять, пополнять, пополнять копилку своей мудрости.

Однако пора. Мансур посмотрел на солнце – точно, девять часов двенадцать минут сорок три секунды. Шайтан-баба Алла Валентиновна на месте, нет нужды восьмым чувством проверять. Он достал из кармана пенальчик, осторожно вытряхнул на левую ладонь волосок, закрыл пенальчик, положил на место, зажал волосок большим и указательным пальцами правой руки, поднялся и пошел в контору.

– Здравствуйте, Алла Валентиновна, – сказал он, войдя в крохотный кабинет, прижал руку к сердцу и слегка поклонился. – Как ваше здоровье, уважаемая?

– Что тебе, Мансурка? – раздраженно спросила Алла Валентиновна, одутловатая, потная крашенная блондинка сорока пяти лет от роду. – Говори быстро, некогда мне!

– Денег нет совсем, – запел Мансур, – зарплату не дают, голодаем мало-мало!

Он утрировал акцент, надеясь разжалобить начальницу и сберечь волосок. Но – напрасно.

– Нету в кассе денег! – повысила голос Алла Валентиновна. – Я тебе говорила – нету! Ты русский язык понимаешь?! Что ж за наказание?! В понедельник приходи, в понедельник, понял?! Иди, не мешай, не до тебя!

Что ж, понял Мансур, делать нечего. Он поднес руку к губам, разжал пальцы, дунул на волосок и произнес про себя на древнем языке те слова, которые следовало произнести.

...Через час с небольшим – пришлось ждать, пока оформят все ведомости-шмедомости, да потратить немного времени и еще один волосок, чтобы убедить кассира выдать Мансуре зарплату на всех шестерых, – он вышел из конторы и направился к шестнадцатому дому.

Народу на улице было уже много. Как бы деньги не своровали, подумал Мансур и поплотнее ухватился за сумку, на дне которой, под жилетом, лежали завернутые в газету зарплаты.

В чахлах кустах истошно орали коты. Видно их не было, но Мансур любил этих зверей и потому включил седьмое чувство – не отказал себе в маленьком удовольствии. И не пожалел. Красавцы! Двое, один угольно-черный, другой золотистый, несмотря на пыль – сияющий. Мед, залюбовался им Мансур. Огромные оба! Стоят друг напротив друга, выгнув спину, подняв хвост, и упоенно орут. Ай, молодцы, подумал Мансур, ай, джигиты. Поллюбовался немного и собрался двигаться дальше.

– Эй ты, аллах-акбар! – раздался сзади гнусавый окрик. – А ну, стоять!

Мансур выключил седьмое чувство и обернулся. Мент. Жирный, неопрятный. Руку на дубинке резиновой держит.

Черный кот вдруг шарахнулся на тротуар – прямо менту под ноги. Тот с неожиданной ловкостью подцепил кота мыском сапога под живот и швырнул обратно в кусты. Коты взмывкнули и кинулись в разные стороны.

Совсем плохой человек, понял Мансур.

– Документы предъяви, ты, аллах-акбар! – сказал мент. Ему, видимо, нравилась эта шутка.

– Зачем такие слова говоришь, начальник? – вкрадчиво произнес Мансур.

Он и вправду очень не любил, когда при нем упоминали бога и всех этих – Мариам, Ису, Осириса, Кетцалькоатля...

– Умничать будем? – угрожающе процедил мент. И гаркнул: – Документы! И мешок сраный – к досмотру!

Да, подумал Мансур, менты и вообще не рахат-лукум, а этот еще хуже. Кстати, всех ментов тут знаю, этого мента не знаю... Сумку тебе...

– Что ты, начальник, зачем умничать, как можно? – сказал он смиренно и молниеносным движением выдернул из брови длинный волос. Хороший волос, из последних.

Жалко, а как же, но куда деваться?

Разом заработали все чувства, вплоть до девятого. На самой дальней периферии восприятия мелькнул один из давешних котов, медовый. Он сидел на крыше трансформаторной будки, истово умывался лапой, но, кажется, просто прикрывал этим занятием жгучий интерес к Мансуру и менту. Ладно, не до кота сейчас.

Мансур *увидел* мента. Будь в полной силе, увидел бы мгновенно. А так, покалеченный – с задержкой секунды в полторы. Это могло привести к ненужным проблемам, но выручила исключительная быстрота реакции, которую Мансур, надо полагать, унаследовал от извращенца Сулеймана и проститутки Бислик. Уж чем-чем, а реакцией они оба обладали феноменальной...

Нет, возможностей Мансура не хватило бы на то, чтобы превратить эту гниду в гниду настоящую или в жужелицу, например, чтобы сладострастно раздавить ее ботинком. Увы. Но очень сильный и совсем жидкий понос, прямо сейчас, на этом самом месте, был гниде обеспечен.

Мансур удержался в последнюю наносекунду.

Мент был *свой*. Не джинн, конечно, но и не человек. Свой.

– Ты что же, ишачий выкидыш, своих не узнаешь? – зловеще прошипел Мансур.

– Да я тебе, тварь черножопая... – Мент побагровел и потянул было дубинку из петли. Дубинку заело.

– Девятое чувство включи, о безмозглое отродье жабьей жопы и свиного копыта! – Мансур кипел от злости.

Мент растерялся. Медовый кот, отметил Мансур краем сознания, перестал умываться. Теперь он сидел на крыше прямо и неподвижно, будто статуэтка. И явно наблюдал.

– У меня только семь, – пролепетал мент тоном школьника, прямо на уроке уличенного в занятиях онанизмом.

– Тогда седьмое подключи, недоразвитый помет дохлого мула, – отрезал Мансур. – Только боком его поверни. Ну?!

Из свекольно-багрового мент сделался поганочно-бледным.

– От же ж гивно какое... – В его речи вдруг прорезался явственный украинский акцент. – Звиняйте, дядьку, нэ признав...

– О, горе мне, – устало вздохнул Мансур, бережно укладывая ценнейший волос в пенальчик. – Ты кто?

– Сержант милиции Шищенко, – отозвался мент. – А по правде – шиш.

– Шиш... – повторил Мансур. – Маленький самум на краю дороги?

– Согласно этому... как его... Брокгаузу и Ефрону, – угрюмо сказал Шищенко, продолжая вовсю смячать «г», – нечисть, живущая в вихрях на обочинах дорог... Ничего не помню больше... Сам он нечисть, козел... А вы-то кто будете, дядьку? Не разберу что-то...

Мансур вдруг затосковал. Вся его жизнь, такая длинная, показалась теперь короткой и пустой. Никогда, никогда за две с лишним тысячи лет он не встречал *своих*. Знать о них – знал, много знал, но не встречал. Судьба наша, горько подумал он... И тут же сообразил: ай, хорошее место это Новокузино, не зря на болоте стоит. Тянет сюда наших. И шиш этот. Не нашего рода, конечно, и ущербный, но все-таки. Вроде земляка. И коты, чтоб я не был джинн. Кстати, исчез куда-то медовый.

– Джинн, – коротко представился он. – Джинн Мансур.

– А... – уважительно протянул Шищенко. – Ну а я, стало быть, шиш Шищенко.

– Слушай меня, шиш, – сказал Мансур, волнуясь. – Посидим с тобой, э? Кушать будем, шербет пить будем, э? Поговорим, э? Деньги есть... – Он потрянул сумкой.

– А посидим! – выдохнул Шищенко. – А то живешь, сука, один, а все козлы! А насчет бабла, это вы, дядя Мансур, зря, обижаете. Я, как-никак, в форме. Пошли вон туда, к хачикам в кабак. Только это... шербета или как его... нету у них, наверно. Зато коньяк есть.

...О шербете в кафе даже никогда не слышали, плов был недоваренной рисовой кашей с тремя сухими кусочками совсем постной свинины, коньяк наводил на мысли о спирте,

настоянном на моче жеребой кобылы, кофе отдавал жженой пластмассой. Мансур отказался от всего, заказал себе только блюдо винограда и, пощипывая жухлые ягоды, смотрел, как Шищенко жрет и пьет. И слушал излияния шиша-инвалида. Ныне сержанта милиции. «Не стану платить, – рассеянно думал Мансур. – За такую еду они сами должны платить. Пусть этот дурак с ними разбирается. Он, дурак, не понимает: сегодня они его кормят-поят, а завтра уже он им обязан будет».

Мансур уже жалел, что поддался порыву. Ибо самое первое впечатление не обмануло – шиш оказался редкостной дубиной и жуткой паскудой.

– Я ведь, дядя Мансур, – говорил шиш, жуя и глотая, – ваше здоровье, кстати! – молодой еще. Мне ведь всего-то... ну, точно не скажу, но ста нету, факт. Я и детство свое хорошо помню. Черниговские мы, село Белые Вежи, слышали? Нет? Зря, хорошее село! Бывало, вертишься у дороги, глядишь – лошадь телегу тащит. Так вознице пыли в глаза, а клячу испугаешь, она и понесет, когда и вусмерть расшибется! Га-га-га! Будьте здоровы! А бывало, лучше того, девки по дороге идут, песни голосят. Послушаешь. Ретивое-то взиграет, и под подол ей, и ну щупать! Девка визжит, подружки визжат, а ты знай щупаешь! Всех перешупать можно, ежели умеючи! Только, – помрачнел он, – я ведь, дядя Мансур, сирота. А сироту всяк обидеть норовит. Ну и начали до меня докапываться, свои же и начали. Козлы! Ты, говорят, уже шиш не малый, вон какой вымахал, а дурной, безобразия на дорогах, говорят, творишь глупые, селяне, говорят, попа звать хотят, святить, мол, дорогу, а нам, говорят, расхлебывай. За дело, говорят, берись, ветр! постигай, от Бикимона какого-то, говорят, обороняться учись...

– Боканона, – мертвым голосом поправил Мансур. – Дух безобидный, но, поворачиваясь спиной, поражает газами...

– Вот, я и говорю, – подхватил Шищенко. – А оно мне все в елдак уперлось, нет? Вот же козлы, верно, дядя Мансур? Ну, будьте! Да, так я о чем? А, ну да, козлы однозначные. Короче, выжили меня.

– Выгнали? – равнодушно спросил Мансур.

– Ага, выгнали, суки. То есть нет, не выгнали. Щас бы они меня выгнали! Надоели, я сам ушел. В Киев. Только мне что оранжевые эти, что синие – поперек ауры. Они ж, дядя Мансур, пылят на дорогах, как ни одному шишу не приснится! Я ж тогда, поверите – будьте, кстати! – бабе их этой, как ее, Оля, что ли, дура драная, ну, прическа у ней еще такая... или Юля... да хер бы с ней, я ей, короче, в прическу хотел, га-га-га, мусору сыпануть по приколу... зашибись, да?... не могу... так, козлы, как пошли флагами махать, не вышло, вот облом-то! А этому... блин... здоровый такой придурок... да тоже хрен бы с ним, шапку хотел у него снести, так охрана, сука, закипешилась, увела придурка! Не, дядя Мансур, нету там жизни для нашего брата! Ну, короче, плюнул я и сюда подался. Москва – она мать городов русских. Будьте!

– Киев, – поправил Мансур.

– Ага, Киев говно, – подвел итог украинской теме Шищенко. – А тут нормуль. Ну, зробыв, як надо, я ж не пальцем деланный, га-га-га, у меня ж тут дядька двоюродный на Рублевке пошаливает... в ГАИ он, по специальности... так что паспорт мне сделали. А в ГАИ не взяли, суки, и дядька не помог, козел. Знать, говорит, тебя не хочу, зря, говорит, тебе с паспортом помогал. Ну и пошел бы он! Я вон в патрульно-постовую, и нормуль! Будем! Эй, ара, еще коньяку тащи! Вот, дядь Мань, так и живем, не тужим ни хрена! И ты, дядь Мань, не бзди, мы с тобой тут делов наворотим, мало никому не покажется! Ну давай, дерни уже, а то сидишь, как неродной, ты чё, меня не уважаешь, что ль?

До чего же никчемная и бессмысленная нечисть, подумал Мансур. Не повезло с общением. С джинном бы встретиться... Но это очень большая редкость: предназначение у джиннов такое – одиночество. А шиши, наоборот, общинами живут, компанейскими слывут. Так послала же судьба этокое ничтожество...

– Ладно, шиш, – сказал он, поднимаясь. – Пойду, а ты сиди. Сиди-сиди. – Он грозно поднял руку, блефуя, конечно, но Шищенко явственно испугался. – Дела у меня. А ты,

главное, меня не трогай, моих не трогай, хорошо будет.

И пошел домой.

Чурки кое-как обедали.

– Ты, Мансур, где был? – осторожно спросил Вазген.

– Деньги получил, – ответил Мансур и кинул сверток на стол. – На всех. Давай разбирай, потом давай кто сколько может, на базар пойду, барашка возьму, хурму возьму, урюк возьму, пепси возьму. Пировать будем. А вы, пока я все брать буду, в четырнадцатый идите, потом в двенадцатый, за ним в десятый. И чтобы чисто мели-скребли! А то вот я вас, чурки!

Он шел на рынок и неспешно обдумывал, чего бы лучше взять. И прикидывал, придется ли использовать волоски из пенальчика, чтобы избежать обмана. Выходило, что придется: на рынке восточные люди торгуют, восточные люди – умные люди, обманут – недорого возьмут.

А еще думал про нечисть. Шиш пусть подальше от него держится, а вот котов не худо бы, наоборот, поближе рассмотреть.

Глава 2 Там, в зазеркалье, дуб зеленый

1

Весь день стоял душный зной. Асфальт на солнце плавился, над ним висело марево.

Из реальности в реальность перемещались разнообразные Существа. Делали это не то чтобы с какой-то Целью и приходили не по Зову. По большей части они искали прохлады, надеясь, что, если не в одном Мире, так в другом жар будет не столь изнурительным.

Ведь один из Вечных Законов гласит – кто реален в Зазеркалье, тот в Городе или в Лесу не может быть никем, кроме как призраком. И наоборот.

Вечные Законы не только помогали сохранять Миры в равновесии. Они еще и очень неплохо спасали от жары. Ведь если ты – насквозь, во всех смыслах, прозрачен и, более того, призречен, раскаленное пекло тебе нипочем. Да и лютый мороз тоже.

Из Города в Зазеркалье забредали в основном безобидные спящие люди. Эти-то пусть ходят, не жалко, полагали коренные обитатели Зазеркалья. Спящие ведь всегда безобидны. Им бы по Саду побродить или по Дворцу. Бродят себе, никого не трогают – дурачки дурачками...

Правда, иногда, если спящие заходили не туда, местным жителям приходилось пугать их. Кто не ленился – считывал информацию о врагах и страхах у спящих из мозга. А лентяи – просто прикидывались чудовищами и отпугивали дурачков «ходоков» от территорий, куда тем заходить не стоило.

Случались в Зазеркалье и не такие уж безобидные гости. Например, нынешней весной сюда пыталась пройти целая экспедиция призрачных леших из Москвы. Пугали их долго и изощренно. Наконец лешаки попятнулись, поддались. Больше не приходили. Пока.

Казалось бы: ну что плохого в том, что они в виде призраков будут здесь ошиваться? Пускай, жалко, что ли? А вот жалко! Потому что хорошо известно: ушлый гость из другого Мира, даже будучи бестелесной сущностью, способен сожрать тут столько очень даже лакомой пищи, что местным не хватит. Ее, пищи этой, на всех, извините, не рассчитано.

Все ведь не так уж и сложно. Каждый обитатель любого из Миров окружен неким сиянием, кольцом – из мыслей, желаний, эмоций. Кто-то называет его аурой, кто-то эффектом Кирлиана. Это не важно, как назвать. Главное – каждый человек сияет. И гость-призрак способен без особого труда забрать часть этого сияния, этой энергии себе, не спрашивая ничего на то согласия.

...Рыжий спал на дереве. Его Черный брат злился, точил когти о мощный ствол, яростно, как врага, драл кору. Но кошачьи царапки вековому дубу нипочем. Да что говорить –

даже многотонная цепь, обмотанная вокруг могучего древесного тела, смотрелась совсем небольшим, не внушающим никакого трепета украшением. Этакой фенечкой.

– Эй, жирный! – потеряв терпение, заорал Черный. – Мрряу! Хватит дрыхнуть! Жрать хочу! Вставай!

Рыжий лениво приоткрыл один глаз – совершенно медового цвета, зевнул, свесил голову с ветки, благожелательно посмотрел на брата:

– Мрр... Хочешь, я тебе трясогузку поймаю? Или лучше сам поймай...

– Трясогузку?! – зашипел Черный, выгнув спину. – Ты что, Люб, издеваешься?! Мрря-а-у-у!!! Хватит притворяться, лодырь, на Охоту пора!

Рыжий не спешил с ответом, вылизывал языком свою блестящую, с солнечно-золотым отливом, шерсть.

– Я гостей жду, – наконец объявил он предельно вальяжным и даже высокомерным тоном.

– Каких еще гостей?! – завопил Черный кот.

– Не скандаль. Помнишь, заходил как-то ко мне поэт один? Я с ним еще по Саду гулял, Дворец показывал?

– Пушкин, что ли? Так его застрелили давно!

Пушкина оба кота помнили хорошо. В свое время, лет двести назад, им даже довелось познакомиться с его призраком. Случайно, конечно: к Великому Древу принесло паренька-призрака, страшно любопытного и на редкость сообразительного. Коты провели экскурсию. Вернее, все заслуги приписал себе Рыжий брат. А вот Черный, как ни крутился под ногами, как ни пытался попасться гостю на глаза, остался незамеченным. Ух и злился он тогда!

Потом паренек написал стихотворение, ставшее в Зазеркалье очень популярным:

У лукоморья дуб зеленый;
Златая цепь на дубе том:
И днем и ночью кот ученый...

Имелся в виду Рыжий Люб. Уж он-то постарался блеснуть ученостью, заболтал поэта, произвел впечатление. Хотя на самом деле следовало читать «Там, в Зазеркалье, дуб зеленый». Но призрак поэта что-то не так запомнил. Или из головы вылетело. Поэты, они такие.

– Нет, – сказал Люб. – Не Пушкин. Другой какой-то.

– Быков? – принялся гадать Черный кот, забыв на минуту о своем голоде. Очень уж он был к поэтам равнодушен. Сияние у них совершенно особенного вкуса... – Или Орлов?

– Хоть бы и Губерман, – мурлыкнул Рыжий брат. – Я экскурсантам всегда рад... А то какой-то Хрено... и не выговоришь... в общем, поблизости ошивался. Еще тут шастали – тоже язык сломаешь. Странные фамилии у современных поэтов... Не то что раньше – Пушкин! Державин!

Черный еще больше разозлился. Он, понимаешь, с голоду помирает, а этот лентяй о поэзии рассуждает, да еще, видите ли, загадками изъясняться изволит. Ну, держись, решил он.

– Значит, так. Если ты сей же момент не оторвешь свою толстую тушку от этого толстого дуба, я чудовищем обернусь, распугаю твоих поэтиков так, что им твое дерево дурацкое в кошмарах сниться будет. Хрен тебе, а не экскурсанты!

Рыжий забеспокоился. Он, как и брат, любил призраков творческих профессий, особенно поэтов – считал их изысканным деликатесом. А с Черного ведь станется.

– Нелюб, я тебя уважать перестану, – нерешительно сказал Рыжий.

– Да ты меня и так не уважаешь! Плюешь с высокого дуба на мой голод!

– Мы же только вчера охотились, – возразил Рыжий. – На свадьбе гуляли. Или не помнишь?

– Кто гулял, а кто и лапу сосал!

Рыжий смущенно посмотрел на Черного.

– А ведь и верно, – нехотя признал Люб. – Как-то я о тебе не подумал... Увлёкся, понимаешь... Правду говорят, не разумеет, ох не разумеет сытый голодного... Ну, прости, брат! Не сердись, уже встаю...

– Сегодня смотри не увлекись! – сверкая глазами, предупредил Черный.

Рыжий зевнул, показав крупные и острые клыки.

– Да, хорошая была свадьба. Особенно под конец. Жених с невестой – прямо в свадебном лимузине. Шафер – со свидетельницей. Брюнетка Люся с охранником Славой.

– Уж этих мог бы и мне оставить, – прошипел Нелюб.

– А вот тебе, – мечтательно промурлыкал Люб, – и самая интригующая и, казалось бы, невозможная связь: отец невесты с тетей жениха...

– Ты, Люб, обжора патологическая! – заявил Черный кот. – Ты от поглощенной энергии лопнешь раньше, чем я сдохну с голоду. А уж о брате подумать – это тебе и вообще недосуг.

– Ты прав, Нелюб, – виновато сказал Рыжий. – Я, как разойдусь, обо всем на свете забываю. Бывает. Ну вкусно же! Прости, брат... Сегодня будет – твой вечер. Не злился, а? Что ж ты нервный такой, мрр...

Люб поднялся на ноги, выгнул спину, потянулся, неожиданно ловко – для его комплекции – спустился с дуба. А затем два кота прыгнули через Стену Реальности и стали призраками. Такими же котами, крупными, хищными, только – прозрачными, невесомыми.

Вечерело. Братья-коты бежали от двора к двору.

– Здесь, – вдруг сказал Рыжий, замирая около одного из подъездов серой шестнадцатиэтажной жилой башни. – Чувствую эманации. По-моему, восьмой этаж.

И действительно – одно из окон жилого дома ярко светилось золотистым, манящим сиянием.

Без всяких проблем братья прошли сквозь металлическую дверь подъезда, взлетели по лестнице на восьмой этаж.

– Вот здесь, – облизнулся Рыжий около двери квартиры номер 116.

Дверь тоже была железной. Но какие двери могли остановить этих братьев? Разве что заговоренные.

2

– Я от тебя уйду. Слышишь, Смирнов?

Вика собирала вещи. Она порывисто металась по квартире, швыряла в раскрытый чемодан какие-то тряпки, какие-то коробки с обувью, какую-то косметику. Злилась.

Вроде – серьезно. Тем не менее Дима не мог избавиться от ощущения, что жена шутит. Нельзя же так серьезно заводиться из-за каких-то пустяков! Деньги на посещение вертикального солярия – все-таки не повод. Да и какой еще солярий, когда в доме работает только он, денег после выплаты кредита – конкретно в обрез, а до зарплаты – почти целая неделя.

Вечер был жаркий, безветренный. Однако Диме вдруг показалось, что по комнате прошел сквозняк – совершенно вроде бы невозможный. И мало того – этот сквозняк еще и словно бы потерялся о Димину ногу.

Остро и пронзительно Дима вдруг понял, что любит Вика. Любит сильно, до головокружения. И плевать на взбалмошность, капризы, запросы, разорительный шопинг! Плевать, это все мелочи, не заслуживающие скандала! Даже и говорить не о чем, подумаешь, триста рублей!

– Викусь! – сказал Дима. – В конце концов, у нас своя квартира, а это уже немало! Мы счастливы! Скоро я начну больше зарабатывать...

– Не очень-то замечая, чтобы ты пытался, – парировала Вика. – И не переживай. Найдешь себе другую. Хорошую девочку. Приезжую. Экономную. Будет в рот тебе заглядывать.

Дима и Вика были вместе полтора года. Диме вдруг захотелось вернуться к времени их первого знакомства, когда душа и тело были в полном восторге от Вики, когда счастливо кружилась голова, когда совершались прекрасные безумства. Сейчас ему очень хотелось обнять Вика. Она, конечно, будет сопротивляться, но он не даст ей вырваться. Он поцелует ее любимое местечко – за ушком. Вика ахнет, расслабится, вся задрожит, прекратит, наконец, скандалить, и они, потеряв голову, совсем как раньше, рухнут на диван. Или на ковре устроятся.

Впрочем, не менее вероятен и другой исход событий. Вика, например, может его сейчас оттолкнуть, поднять крик. В общем, вывести конфликт на новый уровень – когда уже кричат и бьют об пол посуду.

3

Мир устроен несправедливо. Кого-то природа одаряет щедро, кого-то – совсем чуть-чуть. И кому, как не братьям-котам, было об этом знать.

Рыжему Любу везло всегда. И не только с поэтами. Везло хотя бы потому, что получить свою пищу Люб мог независимо от Черного Нелюба. Рыжему, по-хорошему говоря, достаточно было всего-то устроиться в непосредственной близости от занимающихся любовью людей, счастливо урчать и поглощать их золотистые позитивные эманации.

Другое дело Нелюб. Он питался энергией другого знака – негативной. Энергией эмоционального взрыва, которая происходила от мгновенной трансформации всех тех «розовых соплей», которыми подъедался рядом с милующимися парочками братец.

Есть у людей песня про черного кота. Только черному коту и не везет... Истинная правда! Нелюб, впервые эту песенку услышав, помнится, чуть не расплакался, хотя коты плакать и не умеют. Все правда! Не везет! Так еще и братец – эгоистичный, наглый, рыжий... Сколько раз такое бывало: объедается своим золотым сиропом, а о Нелюбе даже не думает, все себе, все себе! А Черному что остается – знай облизывайся, ссору-то затевать во время пиршества – страшное, немыслимое преступление против Вечных Законов... Только и подкормишься, когда в него, Рыжего, больше уже не лезет...

Ну, уж тогда-то Нелюб старался! Еще бы – ведь следовало набить себя энергией основательно и надолго. Ах, какой он мастер, как тонко умеет провоцировать неловкие ситуации, дурацкие шуточки, неодолимые влечения к дурным привычкам! В приторный сироп, произведенный братцем, попадала грязь. И тогда-то пища наконец становилась съедобной для Черного кота.

Сейчас Рыжий был занят созданием поля с положительным зарядом. Он потерял о ноги взволнованного мужчины. А потом легким, мастерским прыжком вспрыгнул женщине на руки. В следующее мгновение, втянув когти, перебрался к ней на плечи, пушистым, упитанным телом обвился вокруг шеи, замурлыкал.

Как ни сдерживал себя Нелюб, но слюнки уже текли.

4

– Жарко что-то, – сказала Вика и сняла футболку. Лифчиков она, сколько Дима помнил, не признавала. Особенно в жару.

Дима застыл. Поди пойми этих женщин! То ли это призыв к действию, то ли Вике действительно стало жарко... «Была не была!» – решил Дима, шагнул ближе, вытянул руки, почти ухватил жену за талию. Почти. Потому что Вика вырвалась да вдобавок больно ущипнула его за запястье.

– Не смей меня лапать!

– Да ладно, Вик, чего завелась-то?

– Чего завелась?! – Вика повернулась к нему, картинно уперла изящные руки в потные бока.

Впрочем, в поту были не только бока. Вспотела и пышная, манящая грудь. На потолке горела люстра, и в ее свете ладный бюст давал соблазнительные блики, словно посылал сообщение световой азбукой: «Я твоя! Возьми меня!»

Игнорировать такую грудь Дима не мог. Он хотел жену сильно, непреодолимо, как в самом начале их отношений. Он был не просто готов к бою. Ему казалось, что вся кровь прилила к его охваченному безумием предстоящей битвы тарану, которому предстоит – вот-вот! – сокрушать ворота теплой и мокрой крепости.

5

Черный кот смотрел на брата. Тот блаженно мурлыкал, обернувшись ласковым воротником вокруг шеи женщины.

Невидимые для людей эманации исходили из их пупков плотными золотистыми потоками.

Люб жмурился, облизывался. Но на лакомство не покушался.

Черный расчетливо подогрел свою злость. Он голоден! А эти – любовью заниматься собрались! А вот получите!

Воинственно задрав хвост, Нелюб подскочил к женщине, поднял лапу, полоснул гладкую ногу острыми когтями.

Физическое тело женщины ничего не почувствовало. Впрочем, Черный кот намеревался причинить боль не телу, а исключительно душе.

И преуспел: золотой поток энергетических частиц стал окрашиваться темной краской, как... как лимонад, в который впрыснули чернила. Грязно-черные частицы расплывались по потоку, окрашивали его причудливыми, призрачными кляксами.

Еда была готова. Почти.

Теперь ее следовало приправить. И Нелюб вонзил в точеную ногу уже не когти, а клыки. Пошла реакция! Энергия забурилась, забила мощным фонтаном, и Черный кот даже подумал, что для насыщения хватит только молодой женщины.

6

Дима быстро и без труда достиг того состояния, когда доводы разума уже не способны влиять на действия человека. Когда в голове плещется сладкий и мутный кисель, а желание, если не будет удовлетворено, может причинить разрушения.

– А кто же это говорил, что я много денег на шопинг трачу? – издевалась Вика, ловко уворачиваясь от объятий. – Кто над каждой копеечкой, как гомосек, трясется?

– Гобсек! – поправил Дима.

– Короче, Смирнов, я больше не могу с тобой жить! – сказала Вика. Жесткими интонациями голоса она дала понять, что все для себя уже решила.

– Но куда же ты пойдешь, на ночь-то?

– Ну и останусь! Имею право! Но буду спать вон там! А ты можешь нежиться в спальне! Бессовестный!

– Вот как? – горько промолвил Дима.

– Да, именно так!

Вика ушла в дальнюю комнату, включила там телевизор.

Дима стоял на пороге, вслушивался – не встанет ли с дивана, не направится ли к двери. И тогда он сначала отбежит к окну и замрет к двери спиной, немного ссутулившись, и тут она войдет, а он повернется к ней и...

Но Вика и не думала выходить. Дима изнывал, последним усилием рассудка удерживая себя от того, чтобы не заметаться, не забегать по комнате, словно тигр, запертый в четырех зарешеченных стенах.

Сегодняшние Викины фокусы только распалили Диму. Ведь, когда жена злилась, она

становилась нечеловечески, да что там – демонически! – соблазнительна. Сейчас Дима вожделел ее с силой, как в их медовый месяц, когда они... Еще одного усилия стоило отогнать от себя сладкие воспоминания.

«Название монгольской столицы Улан-Батор в переводе означает «Красный богатырь», – бархатно произнес за дверью телеведущий.

Дима толкнул дверь и вошел.

Наверное, Вика это предвидела. Она вскочила с дивана, бросилась к нему. Решительно, даже пуская в ход ногти, стала выталкивать прочь.

– Вик, ну пусти! – сказал Дима, уже оказавшись за дверью.

– Смирнов! – крикнула из-за двери жена. – Еще раз попытаешься ворваться – заору!

7

Только приступив к трапезе, Черный кот понял, как же он изголодался. О, эта энергия – сытная, изысканно приправленная человеческим страхом, глупостью, агрессией. Что ж, аппетит приходит во время еды! Надо все-таки цапнуть и мужчину.

Нелюб не разочаровался. Черноты в мужчине было много. И такой лакомой! А послевкусие!..

Призрачное тело кота наполнялось сладкой тяжестью. Он знал: скоро захочется вздремнуть.

8

Делать это с рукой было совсем не то же самое, что с Викой. Но Дима просто сходил с ума. Ему требовалась хоть какая-то разрядка, чтобы не думать о потном, бликующем теле, чтобы его, Диму, просто не разорвало на части.

И вот, наконец, образ жены померк. Подернулся серой рябью и перестал быть таким уж заманчивым.

– Уфф! – сказал Дима, прислоняясь лбом к кафельной плитке. Почему-то он чувствовал себя выпитым до дна. На душе было пусто.

9

Наконец-то Нелюб наелся, да так плотно, как давно не насыщался. Последнее подобное пиршество, насколько он мог припомнить, происходило пару недель назад, в одной из соседних многоэтажек. Это был просто феерический супружеский скандал. А взаимные негативные эмоции были совершенно изумительных – пряного и с дымком – оттенков вкуса.

Захотелось подремать.

– Ну что? – спросил Рыжий. – По домам?

– Подожди, – сказал Черный, насторожив уши. – Я врага чую.

– Что?! – отпрянул Рыжий брат.

– Он над нами, – продолжал Нелюб. – Семь-восемь этажей.

Люб тоже напряг все свои чувства.

– Похоже, лешак, – удрученно мяукнул он.

– Или Ырка, – прошипел Черный.

И лешаки, и Ырки были существами здешнего Мира. Однако встреча с ними отнюдь не сулила добра братьям-котам: те же лешаки запросто могли видеть призрачных гостей из Зазеркалья, могли и отобрать добытую энергию. Во всяком случае, попытаться.

– А, ладно, что они нам сделают? – мрачно сказал Нелюб. – Останемся, еще ночью, чувствую, будет чем поживиться. Ночь моя, Люб, не забудь!

– А вдруг и здесь достанут? – поежился Рыжий.

– Кто, местные? Ну, они ж тут не призраки! – махнул хвостом Черный. – Сквозь двери

проходить не могут, а станут ломиться – с балкона спрыгнем.

– Ладно, – нехотя проворчал Люб, устраиваясь подремать возле женщины. – Уговорил. Хотя и жаль! К дубу поэт может прийти, а меня нет... Эх, такая экскурсия сорвалась!

– Зайдет еще к тебе твой Хре... как его... – буркнул Нелюб.

– Да нужен он мне... – важно ответил Рыжий. – Ладно, что с тобой поделаешь... Остаемся. Утром, наверное, здесь же и позавтракаем, – промурчал он, погружаясь в сон.

– Ночь – моя, моя, моя! – выгнул спину Черный брат.

– Умгу, – невнятно отозвался Рыжий кот.

А Нелюб не без зависти подумал: «Это как же надо было обожраться на свадьбе?»

10

Было уже два ночи, но заснуть Дима не мог. Вика тоже не спала. Ходила у себя по комнате, вроде бы даже плакала.

«Может, сейчас?» – подумал Дима. Встал с постели, вошел в комнату. Вика сидела на краю постели.

– Ты мерзкий, – сказала она, не глядя ему в глаза, – совершенно мерзкий человек! Ты довел меня до слез!

– Ну Викочка! – Дима присел рядом, коснулся плеча жены.

– Отстань! – Она сбросила его руку.

– Я больше не буду...

– Что ты больше не будешь? Жадничать, что ли? Каждую копейку несчастную считать? Все! Я больше не могу жить со скрягой!

– Викусик! Я... Ну... Слушай, может, не будем?

– Все, разговор окончен!

– Нет! – с некоторой даже злостью воскликнул Дима. – Ничего он не окончен!

Он действовал, что называется, на инстинктах. Повалил жену в постель, навалился сверху, стал покрывать поцелуями шею и грудь. Вика отбивалась, но не так, чтобы в полную силу. И вскоре Дима сумел ее раздеть, раздвинуть коленом бедра.

Однако происходило что-то неладное. Дима чувствовал, как по его спине разгуливает неприятный, словно бы царапающий сквозняк. Это дуновение ветерка, казалось, имело непосредственную связь с тем, что померк мысленный, невыносимо яркий и соблазнительный образ Вики в голове. Образ, зовущий к подвигам его красного богатыря. Который по-монгольски «улан-батор».

– И что это? – Вика брезгливо, двумя пальцами, держала богатыря. А тот вовсе не рвался в бой, норовил устроиться в маленькой женской ладошке, прикорнуть. – Что-то ты, Смирнов, мне в последнее время все меньше нравишься. Даже изнасиловать по-человечески не можешь...

– Это я-то не могу?! – вскочил Дима, потом перешел с крика на шепот. – А может... э-э... ну... ну, орально?

– Что?! Ты мне деньги жмотишь, а я тебе еще и «орально»? Это вот ты мне давай «орально», тогда еще посмотрим!

Теперь Дима знал: примирение не за горами.

11

Утром супруги опять поссорились. Потом помирились. В общем, позавтракали оба брата-кота.

Люб снова выглядел обьевшимся.

– Все, не могу больше. Пошли домой! Мне надо готовиться к ик... ик... экскурсии!

Братья бежали по полоске травы, отделенной кустами от раскаленного тротуара.

– Может, еще на вечер останемся? – вдруг предложил Нелюб.

– Никогда в жизни, – зашипел Люб и выгнул спину.
– Но почему? – яростно взвыл Черный. – Мрря-а-у-у!
– Потому, что здесь опасно! – взорвался Рыжий. – Мрря-а-у-у! Я из-за твоего обжорства страху натерпелся такого, что похудеть могу! Тут Ырки бродят, а ты – останемся!
– Из-за моего обжорства?! – заорал Черный. – Это я-то обжора?! Ах ты, наглая рыжая морда! Да еще и трусливая! Вот, смотри, как поступают настоящие бесстрашные коты!
Он лихо вылетел из кустов на тротуар – прямо под ноги двоих беседующих людей: средних лет азиата и молодого, но обрюзгшего милиционера.
– И никому мы на фиг не нужны! – издевательски распевал Черный.
В тот же миг сержант милиции поднял ногу и отфутболил Нелюба прочь.
Черный кот летел над улицей и возмущенно мяукал, не в силах поверить в то, что произошло. Его видят люди?! Тогда – наутек! Домой!
Около самой Стены Реальности, однако, остановился. Негоже коту-храбрецу бросать брата.
– Они оба нас видели, – сообщил Рыжий брат, догнав Нелюба. – И смуглый, и толстый. И вообще, они, кажется, не люди, я за ними немного понаблюдал. Говорил же тебе: в Городе – опасно. А ты все «останемся, останемся». Безрассудство – это, брат, не храбрость. Это глупость. Ну, пошли.
– Я с ним еще разберусь, – мрачно пообещал Черный. – Он у меня импотентом станет.
...Уже в Зазеркалье Нелюб уловил запах – соблазнительный и манкий. Запах – вернее, тончайший аромат – зазывно разлетался по окрестностям, переворачивая душу сладкими грезами. У кого-то из местных кошек начался брачный сезон.
Нелюб оглянулся на брата. Тот карабкался на дерево, чтобы поспать.
«Ну и спи!» – подумал Нелюб. Он мчался на запах. Душу грела мысль, что он хоть в чем-то – но превзойдет обжору брата.

Глава 3 Жажда

Графиня изменившимся лицом лежит пруду.
И. Ильф и Е. Петров. Золотой теленок

Плотный, с тусклыми глазами навывкате и большими залысинами мужик, известный всему дому как Стекланный Вова, вышел из подъезда, огляделся и уселся на лавочке, подальше от переполненного мусорного контейнера. Рядом с собой Вова водрузил потертый, давно потерявший форму портфель из кожзаменителя. Извлек из портфеля бутылку «Клинского», сноровисто скovyрнул зубом крышку, присосался. Утолив первую утреннюю жажду, уставился куда-то вдаль, где никто другой ничего разглядеть не мог. Впрочем, Вова тоже не мог. Да и не пытался.

Кличка Вове подходила. Сидя на этой скамейке – утром, перед работой, с полчасика, а вечером, после, часа два, – он молча накачивался пивом и, действительно, как бы стекленел. Некоторые ему даже завидовали – легко мужик живет, без забот. Правда, жену и детей Вовиных, наоборот, жалели.

А вот Василий никому не завидовал и никого не жалел. Никогда. Особенно в последние годы. Не по злобе не жалел, не по благородству не завидовал – просто в голову не приходило.

Огромный, костлявый, коричневолицый, одетый в местаи рваный пиджак и старые жеванные брюки, он вышел из того же подъезда минут через пять после Вовы. Медленно, словно в плавь, добрался до противоположного конца лавочки – вплотную к контейнеру, сел, положил подле себя старую холщовую сумку, закинул корявую ногу в разлапистом башмаке сорок седьмого размера на другую такую же, сгорбился и застыл.

Из контейнера пахло, но Василия это не беспокоило. От него и от самого пахло, от

всего, если не считать здорового, облупленного разводного ключа, засунутого во внутренний карман пиджака. От других инструментов – покоившихся в сумке ершика со следами дерьма и вантуза – тоже пахло. Так что контейнер – это ничего особенного.

Глядя на них, Вову и Василия, кто-нибудь мог бы подумать: вот, простые, кажется, люди – а сидят этак... внушительно, неподвижно, молча... устремив взор неведомо куда... о вечном, должно быть, их думы...

А вот хрен, извините, по рылу.

У Стеклянного Вовы в голове густо клубился туман, а в нем если и проблескивала мысль, то одна лишь единственная: «Я – это я». Ибо Вова себя уважал и тем, что он – это он, сильно гордился.

А в голове Василия ничего не клубилось. Там неподвижно стояло мутное марево, наподобие ила, поднятого со дна неосторожным купальщиком, да так почему-то и застывшего. В мареве этом неспешно култыхались, самопроизвольно сворачиваясь, разворачиваясь и сменяя одна другую, картинки, содержание которых Василий не стал бы вербализовывать, даже знай он такое слово.

Картинки в основном отражали прошлое, но некоторые – и будущее. Вот, видел Василий, он бредет к магазину, что вон за теми деревьями. Входит, вынимает из кармана пару бумажек и горсть кружочков – на каких палочки, на каких закорючки, подает это все Люське, та шустро ныряет в подсобку и выносит Василию завернутые в старую газету пол-литра паленой.

На следующей картинке Василию увиделось содержимое его карманов. Что там? Разводной ключ имеет место, крошки разные, надорванная пачка «Примы» – а вот бумажек с кружочками не наблюдается.

Картинка сменилась – ага, из подъезда выходит некий абстрактный сосед, пытается проскользнуть мимо, как бы не заметив Василия. Тому приходится слегка напрячься, чтобы угрюмо осведомиться: «Чего не здороваешься?» Василий протягивает соседу клешню, тот, само собой, сует ладошку – и попадает. Василий цепок. Он удерживает руку соседа, не обращая внимания на слабое трепыхание, напрягается еще сильнее и проговаривает: «Дай это... двадцать четыре рубля... до получки...» Теперь можно расслабиться. Сосед, однако, в упор отвечает, что не даст, потому что уже давал и ничего не дождался, ни с какой получки. Решительно вырывает руку и уходит. Жид.

Опять смена кадра: Василий видит другого жида, неприязни не испытывает, просто видит, и все. Этот жид немного похож на Стеклянного Вову – Василий скосил глаза влево, – только поносатее, да еще в очках и в галстуке. Не даст.

Вова тоже не даст, хотя у него и есть. Но у него просить – себе дороже. Вова обратит внимание, что он не один, что Василий тоже тут, ухватит его, Василия, за рукав, сразу же снова остекленеет, а держать рукав будет долго, крепко – тоже клещ тот еще – и молча. Потом отцепится, допьет свое пиво, встанет и пойдет на остановку. На работу ему пора.

А Василию еще посидеть можно. Вдруг какой нежид из подъезда выйдет.

Пошли картинки из прошлого. Вразнобой, но все понятно. Вот Василий выходит на крыльцо – это еще на старой квартире жили, – приставляет большой палец правой руки к правой же ноздре и мощно высмаркивает левую. Кто-то проходящий мимо – знакомый вроде, да и хер бы с ним – говорит: «Здорово, Васек! Ну, кто родился-то?» – «Парень», – сумрачно отвечает Василий и вышибает соплю из правой ноздри.

Вот батя охаживает Ваську по голой спине сложенным в несколько раз электрическим проводом. Сейчас, на картинке, это не больно, а как тогда – не вспомнить. И за что – тоже не вспомнить.

Вот Вася с парой пацанов на остановке. Бормотуху глушат. Дедок с орденскими планками на пиджаке что-то говорит, палкой об асфальт стучит. Да затрахали вы, козлы! Тебе, сука, в гроб пора, ты на кого, пидор, тянешь? Валят наземь, бьют ногами. Вася подпрыгивает, с размаху приземляется пятками на грудь старого хрыча. Хруст под ногами, мужики взрослые, двое с монтировками, потом менты...

Свадьба... Нет, тут совсем мутно, не разглядеть ничего... Помнится, что залетела одна – и вот свадьба какая-то...

За рулем. Сразу, скачком – драка с жидом каким-то. Начальником вроде.

Менты. «Пахнет от вас. Пили?» – «Пошел в жопу!» – «Ах ты, козел!» – «Кто козел?!» Побои в отделении. Картинка – совсем не больно. «Запретить управление транспортными средствами». Козлы...

Под днищем машины. Снова драка, теперь с водилой, что ли.

Тюрьма. Разборки. Со Скелетом не забалуешь. Это он, Василий – Скелет. Еще с первой ходки, малолетней, после того, чудом не до смерти забитого, деда...

В ДЭЗе. «Гайки, болты крутить умеешь? Что такое сальник, знаешь?» – «Да я это... разряд у меня...» – «Слесарем-сантехником пойдешь?» – «А чего ж...» – «Завтра с утра – в кадры. Паспорт с собой, трудовую. Послезавтра выходишь».

Кухни, ванны, туалеты – неясной чередой. Краны текут, толчки засоренные. «Хозяйка, надо бы... это... поощрить...» – «Вы бесплатно обязаны! Я ветеран труда!» Голос визгливый какой... «Пошла к херам, бабка».

С Джеком на улице. Василий на лавочке, Джек по двору трусит, кого ни попадя распугивает. Свиреп Джек, только хозяина и слушается. Да и как не слушаться – а сапогом в брюхо?

Пруд. Говно туда через трубу подается. Хоть и нелегально, а все равно говно. Да и ладно – жарко уж больно, так и так освежит. Первый раз, что ли, особенно нажрамши-то? «Не ори, мужик, какая тут рыба?»

Муть над головой. А спина – на мягком чем-то. И дед незнакомый. Жид, как пить дать. Грива зеленоватая почему-то, и борода с усами тоже. И глаза зеленые, яркие. «Это ты, – спрашивает грозно, – говно ко мне льешь?» Василий отвечает: «Да пошел ты...» Пузырей нет почему-то... Дед всматривается. «Ах, незадача! И верно, не ты... Где тебе... Да и кто ж купаться станет, коли сам же сюда и сливает? Зря, выходит, я тебя утопил-то... Эх, чего по пьяни не сотворишь... А ты, милоч, что пил-то?» Василий молчит. «Да уж чую, – продолжает дед, – паленую пил. А я, знаешь, чистую предпочитаю. Что ж с тобой делать-то, с бедолагой? А вот что! – Голос деда крепнет. – И спорить не станет никто. А хоть бы и стал – в своем я праве. Чтобы Феофилакт, болотный спокон веку, этим вот говном ведал?! А вот вам! Ты, милоч, ты им теперь ведать будешь. Ты с сего мига – вутааш. Знаешь, кто такой вутааш?» Василий по-прежнему молчит. Дед вздыхает: «Вутааш – это, милоч, водяной из утопленников, понял? Говенным прудом только вутаашу и ведать... Хотя, коль не желаешь, могу просто в утопленниках оставить. Ну? Ага-ага, так-то лучше... Передаю тебе, вутааш... как тебя?... вутааш Василий, начало над прудом этим. Владей, ведай, ворожи. Все, сказано. Да не безобразничай тут! Ладно, пойду я. Спросят – скажешь, в припятские топи Феофилакт подался. Оно можно бы и на Сиваш, да уж больно там солоно... Да, в припятские топи... Пускай ищут... А ты, стал быть, хочешь – тут лежи, хочешь – выбирайся, все одно обратно явишься, никуда теперь не денешься. Ох-хо-хох... Да, вот что. Тут поблизости озера – так ты, значит, на Божье не ходи, худо там. Светлое с Темным – это ладно, а на Божье – ни-ни! Ну, бывай, Василий...» Тихий всплеск. Никого. Хотя вот – рыбка одноглазая юркнула. А вон леска с крючком и грузилом. Так-так.

Картинки кончились. Стекланный Вова уже, оказывается, ушел. А Василий так никого с двадцатью четырьмя рублями и не дождался. Ладно, тоже на работу пора. Он грузно поднялся и побрел в ДЭЗ.

В коридоре столкнулся нос к носу с начальницей, как всегда уже потной и скандальной.

– Тебя где носит, колчерукий?! – с места в карьер заверещала она. – Ты во сколько приходить должен?! Что ж за беда на мою голову?! Иди, иди, на улицу вон иди, воняет от тебя, дышать нечем! Там и стой, заявки будут – я диспетчеру скажу, чтоб вызвала тебя! Да жильцам не хами, жалобы на тебя всю дорогу! Смотри, Рыбаков, еще один фортель, скажу Палвикчу – вылетишь как пробка!

И, уже скрываясь за дверью, пробурчала себе под нос:

– Надо же, как воняет...

Василий устроился на детской площадке прямо напротив ДЭЗа, через пешеходную дорожку. Сидел в той же позе, что и около дома. Сновали туда-сюда разные люди, кто по дорожке, кто в ДЭЗ и обратно. На Василия никто внимания особо не обращал, разве что площадка быстро опустела. Да еще чурка Мансур, бригадир дворников, выйдя из дверей, мазнул по нему взглядом. Этот взгляд Василий почему-то заметил.

Снова картинки. Сначала те же самые, что утром, потом новые, про его пруд. Зима. Замерз пруд, только там, где труба, полынья. Василий там и ныряет. Хорошо, что говно сливают, ощутил (не подумал) он. Схватился бы пруд весь – и что, лед ломать? Без пруда-то никак... А ежели покроется, когда он, Василий, наоборот, там будет, внизу? До весны терпеть? Или пробивать – вот хоть ключом разводным?

Так что говнослив – на пользу.

Если честно, Василий свой пруд запустил. Ничего в нем не делал, не чистил, не пугал никого. Просто ложился навзничь на дно – каждую почти ночь – и смотрел перед собой. Вернее, над собой. И окрестности пруда, которые раньше считались местом опасным, стали более оживленными, перестали люди бояться. Ходили свободно, окурки в воду кидали, бутылки пивные. Пацаны мусор какой-то забрасывали – кто дальше и у кого громче булькнет. Зимой – на санках, на ледянках с берега на лед скатывались. Раньше-то опасались – потонуло тут немало, Феофилакт дело знал... А Василию все это было как-то без разницы. Лишь бы на дне полежать, и ничего не надо.

Вот еще картинка из прошлого: Василий лежит, а к нему гость. Похож немного на старика Феофилакta, только помоложе. Завис над Василием, смотрит в упор. Потом спрашивает: что ж ты, вуташ, бездельничаешь-то? Хозяйство-то твое ты только глянь в каком виде! Не умеешь – ко мне приходи, на Темное озеро, научу, а ленишься – гляди, не пожалеть бы тебе! Василий, конечно, посылает его вяло куда подальше, гость всплывает и исчезает...

– Рыбаков! – истошно заверещала начальница. – Быстро ко мне!

Василий неспешно двинулся в кабинет.

– У порога стой! – заорала начальница, когда он вошел. – А теперь отвечай, урод, что ты вчера в семнадцатом доме натворил?!

Капельки слюны, которой она брызгала, долетали аж до Василия.

– Ничё... – сумрачно ответил Василий. – А чё?

– Чё-ничё! – передразнила начальница. – Ершиком своим сраным трубу под раковиной перемазал, вот чё! Хозяйку обматерил, вот чё! Да еще деньги кланчил, вот чё! Она звонит, истерику тут устраивает, дура, как будто мне больше делать нечего! Урод, урод... В общем, пеняй на себя, Рыбаков! Я больше терпеть не буду, серьезно тебе говорю! Палвикчу после обеда все доложу! Иди! Жди! Да не на детской площадке, идиот, ты ж распугал всех! За угол зайди, там стой! У, ё-моё...

Общий смысл сказанного Василий понял. А еще уловил слово «обед». И пришла следующая картинка: он, после обеда, выгуливает Джека. Это из прошлого, точно: Джек теперь его боится, да не как раньше. До судорог боится, в угол забивается, скулит, лапы у него подкашиваются. Прямо как у Василия – новая картинка, – когда его на Божье озеро зачем-то понесло, хотя Феофилакт и предупреждал, чтобы ни ногой. А понесло. Когда-то давно купался там, загорал, байки слушал про церковь, в незапамятные времена в землю провалившуюся на этом самом месте, где теперь озеро, – ничего. А тут до берега дойти не сумел – ноги держать отказались, дорога дыбом встала... Еле обратно добрался...

Вот так и Джек. Не выгуляешь его...

Ну, все равно – обед. Жрать-то Василию без надобности, только порядок так и так должен быть. Обед для рабочего человека дело нужное. Может, все-таки попадетсЯ из соседей кто, сходит Василий тогда к Люське в магазин. Жажда-то – мучит...

...Никто не попался. Василий посидел часок-другой, а может, и третий, на лавочке у своего подъезда, потом снова потащился к ДЭЗу. Заглянул в диспетчерскую.

– А, Рыбаков! – сказала диспетчер Тамара. – Труба твое дело, Рыбаков. Там в

семнадцатом муфту сорвало, где ты вчера делал. А тебя еще и нету нигде. Иди к Алле Валентиновне. Ух, злая она! – И повторила: – Труба тебе.

– Явился, чудо? – зловеще прошипела начальница. – Ну-ка, быстро к Палвикчу!

И понеслась впереди.

– Вот он, Палвикч, герой дня!

– Ты что же творишь, а, Рыбаков? – негромко произнес директор, мощный густоусый дядька.

– Чё? – без выражения спросил Василий.

– Вот, – закричала Алла Валентиновна, – он так всегда! Издевается прямо! И над вами, Палвикч, тоже издевается! Да гнать его в три шеи!

– Спокойно, Алла, спокойно, – сказал Павел Викторович. – Скажи-ка лучше, у него выговоры-то есть?

– А как же! Два! Один за прогул, другой за пьянку!

– Ага... Заменить вот только – кем?

– Да Палвикч! Да он же что есть, что нет его! Вы же видите! Мало того, что дерьмом у людей все перемазал, мало, что трубу повредил, так еще и нету его, когда нужен!

– Да, кстати, Рыбаков, – директор заинтересованно уставился на Василия, – ты что там ершиком-то делал?

– Это... – сказал Василий. – Муфта не лезла... Стена мешала... Ершиком трубу поддел...

– Ясно, – проговорил Павел Викторович. – Поддел, от стены отжал, муфту насадил, да заодно и перекошил все. Вот ее и сорвало. Мудак ты, Рыбаков, редкий. Да еще измазал все. И нахамил. Давай, Алла, готовь приказ. Две недели только пускай отработает. Не спорить! – прикрикнул он.

– Тогда и меня увольняйте! – истерически выкрикнула Алла Валентиновна. – Не могу я с ним! Вы его хоть понюхайте! Как из выгребной ямы разит! А напьется, так вообще! Понюхайте, понюхайте!

– Еще чего, – поморщился директор. – Буду я слесарей нюхать... Да и насморк у меня. Слушай, Рыбаков, я тебя либо по статье уволю, либо если завтра же уйдешь, то по собственному желанию, черт с тобой. Как?

– Чё? – спросил Василий.

– Мать твою... Короче, садись, – он с сомнением посмотрел на штаны Василия, – ладно, садись, заявление пиши. На мое имя. Прошу уволить меня по собственному желанию с такого-то числа. С завтрашнего. Понял? О господи! Алл, напиши ты за него, пусть распишется только. Слушай, а кого вот только на участок его кинуть, а?

– А знаете, Палвикч, – сказала Алла Валентиновна, – у меня в подъезде, этажом ниже, семья живет, так у них мальчишка как раз из армии вернулся. А до армии как раз ПТУ окончил, слесарь по специальности. Мать его пристроить мечтает, а то болтается с друзьями-то, попивает... Давайте его!

– Молодой специалист... – скептически протянул директор. Потом вздохнул. – Ну, давай, веди завтра. Что, Рыбаков, расписался? Давай сюда. Подписываю. Алла, в кадрах там проследи все и в бухгалтерии. Все, Рыбаков, бывай. Инструмент сдать не забудь. Да не мне на стол, дубина! В диспетчерскую, что ли, положи.

На выходе начальница уже спокойно сказала Василию:

– Утром за расчетом зайдешь. Прямо в бухгалтерию иди, потом в кадры. Будь здоров.

Василий не спеша добрался до своего подъезда, уселся в обычной позе. Вечерело. Мимо, переваливаясь на опухших ногах, прошла жена, что-то сказала – Василий промолчал, и ничто не шевельнулось ни в его душе, ни в штанах. По правде говоря, в штанах-то у него уж много лет ничего не шевелилось.

Потом появился сын с Джеком на поводке. Оба покосились на Василия, причем Джек прижался к ноге сына, и заторопились. Пересекли дорогу, сын отстегнул поводок, сказал: «Гулять!», Джек помчался по пустырю, скрылся из вида. Василию стало немного грустно.

Сын-то ладно, а вот Джек...

Несколько раз Василий заставлял себя напрягаться – это когда из соседей кто-нибудь рядом оказывался. Стрельнуть закурить пару раз удалось, а вот двадцать четыре рубля никто так и не дал.

Ну и ладно. Возникла картинка: он получает в ДЭЗе деньги – начальница вроде сказала получить – и все-таки идет к Люське. Вот и хорошо.

Ближе к вечеру Стекланный Вова с работы своей вернулся. Занял прежнее место, вытащил пиво из портфеля, быстро остекленел.

Так и сидели.

Когда стемнело, Вова отправился домой – ни слова за весь вечер не проронил, – а Василий побрел к своему пруду. Забрался в воду по пояс, медленно упал лицом вниз. Уже под водой перевернулся на спину, скользнул вбок, лег на привычное место. Что-то уперлось в спину. Завел руку, пощупал – банка консервная, пустая. Отпихнул. Теперь удобно. Замер.

Лежал долго. А может, не очень. Какая разница?

Очнулся от яркого взгляда двух пар зеленых глаз. Ага, родичи. Целых двое. Один знакомый вроде бы. Точно, приходил уже. Другого Василий раньше не видел. Похож на первого, только посветлее чуток.

– Все лежишь? – спросил тот, что посветлее.

– Пошел ты, – пробормотал Василий.

– Я ж тебе, Аникей, говорил, – заметил более темный. – Лежит и лежать будет. Гнилой он.

Аникей отплыл, сделал круг по пруду, вернулся.

– Да, Тимофей, – сказал он, – нечего возразить. Ошибся Феофилакт, ох как ошибся! Где ж глаза его были? Куда ж он чутье свое знаменитое подевал?

– Старость не радость, – проговорил Тимофей.

– Да не в этом дело! – отмахнулся Аникей. – Водка, вот что... Любим мы, водяные, выпить...

– Ох любим! – поддакнул Тимофей.

– ...а тут еще и стресс, – продолжил Аникей. – Ведал болотом знатным, а ему вместо болота – раз, и пруд с нечистотами людскими! Вот и не выдержал старик... Ну, с этим-то что делать будем?

– Да мальчонку-то, – сказал Тимофей, – по-любому запускать надо. Парнишка хороший, стараться будет. Почистит все, хоть и не сразу – работы тут непочатый край. Утопит кого следует. Паразитов отвадит. Может, и с говносливом справится.

Аникей поморщился:

– Выражения у тебя...

– Ты, Аникей, – хохотнул Тимофей, – у себя на Светлом скоро совсем приличным станешь, словно и не нечисть. Боюсь я за тебя, церковь-то на берегу озера – опасная штука. Ты, если что, зови, я к церковным делам да к приличиям нечувствительный!

– Я уж сам как-нибудь, – сухо сказал Аникей. – Ты, Тимоша, не отвлекайся. С этим, говорю, что делать будем?

– Может, это... на Божье его? Дубина же дубиной, все ему нипочем...

– Ты спятил?! С Божьим даже Христофор не справился, а вот уж всем водяным водяной был! Застал ты старика-то, Христофора-то? А, ну да, застал... Не-е-ет, Божье – его общими силами надобно, да не какими-нибудь... Слыхал я, собирают артель для Божьего: Евстафий с Сиваша, Меркул с Васюганского, еще кто-то. И мы с тобой, как местные. Глядишь, и вытянем.

Тимофей поежился.

– Да я тоже слыхал... С Мертвого вроде... этот, как его... Менахем, что ли... С Эверглейдса какой-то еще... Вишь, болотные все, да экие сильные. Мы-то с тобой чисто наблюдать станем. А все одно боязно... Ну, где наша не пропадала... А этого, Аника, давай к Феофилакту наладим. Напортачил старик с перепоею, вот пускай сам и разбирается как хочет.

– Голова! – обрадовался Аникей. – Ну, начали!

Водяные синхронно наставили на Василия заскорузлые руки с растопыренными пальцами и размеренно произнесли в унисон:

– Мы, Аникей со Светлого озера и Тимофей с Темного озера, как старейшины водяных этого края, отрешаем тебя, вуташ Василий, от несения службы в данном пруду, а равно и в любом ином водоеме. Направляем тебя, вуташ Василий, к создателю твоему, болотному Феофилакту, в припятские топи. Вот тебе стрелка.

Перед глазами Василия, то ли у него в голове, то ли снаружи, возникла ярко-зеленая стрелка. Крутанулась, покачалась туда-сюда и застыла.

– По ней пойдешь – Феофилакта найдешь, – заключили водяные. – Встань, всплыви, выйди. Сказано.

Василий покорно всплыл, встал на ноги, поплелся к берегу. Сзади послышался всплеск, затем голос:

– Эй, как тебя! Молодой специалист! Алексей! Заходи!

С берега в пруд ринулся паренек с зеленоватым панковским гребнем на голове. Залез в воду по колено и шустро нырнул рыбкой.

Василий шел по стрелке. Стоило свернуть – и она тоже поворачивалась. Василий, предположим, правее берет – стрелка влево отклоняется. Василий влево – стрелка, наоборот, вправо. Иди, мол, куда указано, нечего вилать.

И вдруг – заколыхались картинки: вот он сидит на детской площадке, ждет, когда ДЭЗ откроется; вот он в кассе, получает бумажки и кружочки; вот он у Люськи, распахивает по карманам завернутые в газету бутылки; вот усаживается на свою скамейку; вот, не обращая внимания на Стеклянного Вову, да и вообще на кого бы то ни было, утоляет, наконец, свою неизбывную жажду.

Последняя картинка так и застыла у него в голове. Стрелка померкла, а вскоре и вовсе погасла. Василий остановился, потоптался на месте, высморкался как следует, снова посмотрел картинку, судорожно сглотнул – и, сменив направление, двинулся к ДЭЗу.

Глава 4

Горячий денек

1

Жаркие дни, теплые ночи; горячее солнце, россыпи звезд; ни облачка на небе, то призрачно-голубом, то глубоко черном, – все это не радовало Викентия. Потому что, во-первых, в гробу он видал это солнце и эти звезды. Во-вторых, лес явно страдал от сухости – не хватало хорошего дождя. А в-третьих, по такой погоде люди из соседнего района поперли в лес, словно полчища саранчи.

Явится такая компания, с ними дети бестолковые, крикливые, сопливые, кастрюля мяса замаринованного, полдюжины кирпичей, магнитофон, гитара, водка, пиво. И ну ветки ломать, костер жечь, кирпичи выкладывать, мясо на палки нанизывать, палки эти на кирпичи устанавливать... И водку с пивом глушить. И магнитофон на полную громкость. И дети кусты ломают. И все, что дети, что взрослые, – гадят, гадят, гадят. Бутылки пустые оставляют, пакеты скомканные, бумажки разные, окурки вонючие, кал, мочу.

А уж на гитарах заиграют – кикиморы болеть начинают. Кикимор-то не жалко, да ведь непорядок!

Всю неделю так, без выходных. Вернее, как будто у них все дни выходные.

А лешему это – хуже нет. Потому что он, леший, – хозяин леса, он лес оберегает и лесом живет.

Есть такие люди смешные, которые себя хозяевами тут считают. Лесники называются. Дураки, вот они кто! Люди, одним словом...

Леший в лесу хозяин, леший! А Викентий в этом лесу – над всеми лешими главный. Так

вся братва и знает: Викентий – смотрящий.

Трудно, ох трудно стало в последние годы, с тех пор как район этот прямо у опушки построили. Раньше, конечно, тоже люди забредали, но ведь в разумных пределах лесу это только на пользу. А если кто безобразничал, всегда управу находили. Пугнешь, бывало, – дорогу забудут. А то еще заманишь к сосенкам каким-нибудь, безобидным с виду, и начнешь по кругу водить. Часа два. Или три. Или до темноты. И лешему развлечение, и людям-безобразникам назидание: с лесом шутки плохи!

Теперь труднее: людей этих прорва ненасытная, а штат у Викентия какой был, такой и остался. Да и подраспустились лешие, особенно – кто помоложе. В район ходят, хулиганят, разбойничают прямо. С родней дальней склочничают. Давеча вот на Ырку чуть не наехали, отморозки. Спасибо, хоть к джинну не цепляться ума хватает. Живет в районе джинн один, увечный вроде бы, не трогает никого, а только все равно – Викентий поежился – как жажнет, всего-то от леса и останется, что пеньки горелые...

А то еще девок на опушку привокоут, непотребщину учинят, даже сами водку пьют. И гадят, как люди. Если не хуже. А бывает, наркоманов к мухоморам приманивают. Те нажрут, а лешие потом из нажравшихся дух пьют – говорят, гораздо вкуснее, чем из мухоморов непосредственно...

И не понимают, что леший ведь только лесом и живет! Нечем ему больше жить, на то и леший! Вот умрет лес – уходить придется, а ведь сотни лет тут обитали...

Эх, горе горькое, плесень замшелая, трава побитая... Надо им было Новокузино свое тут строить... Строили бы дальше, на болоте... Там, правда, тоже понастроили, чуток позже только. Так водяной, что за болотом этим смотрел, запил сильно, а потом сгинул куда-то. А как же, у него ж специальность была – болотник. В пруд, что остался, канализацию вывели, втихаря, конечно, да от этого не легче. Такое из водяных разве что вуташи стерпят – они-то, вуташи, из утопленников, им чем гаже, тем слаще...

Сгинувшему болотнику (чудно его звали – Феофилакт) Викентий сочувствовал, хотя вообще-то лешие с водяными особой дружбы отродясь не водили. Но дружба не дружба, а уживаться приходилось: в лесу ли озерцо, болотце, ручей какой-никакой, вдоль реки ли рощица – никуда друг от друга не денешься... Эка... экосистема, вот – запнувшись, смотрящий мысленно выговорил новомодное словцо.

И защиты ниоткуда, горестно размышлял он, шевеля косматыми седыми бровями. Вот тем же водяным – все полегче, у них покровитель высокий объявился. Как его звать-то?.. Не по-русски как-то... Мовиль... Или Вильмот, что ли... Свирепый, говорят – страсть. Очень за водоемы бьется, особенно за водохранилища. Чуть что – давай крушить да ломать! Домовые от него, слышно, стоном стонут: только обживешься – и на тебе, съезжай!

Викентий не сомневался, что Вильмот этот или Мовиль сам из водяных. Не чистокровный, может, но кто-то там в родословной имеется.

«Связаться с ним как-нибудь, – прикидывал Викентий. – У меня же в лесу тоже и озерца, и источников несколько, некогда чистейших, а нынче загаженных донельзя. С водяными тутошними поговорить, да и выйти на него... А что? Общий ведь интерес-то!»

Набредя на дельную мысль, Викентий немного повеселел, вылез из любимого бурелома и, в знак улучшения настроения, выпустил в лес гулкое уханье. Пора туристов погонять.

2

– Ну Вик, ну чего бы дома не остаться? – ныл Дима. – Ну куда тебя несет, а?

– Ничего, Смирнов, терпи, – бойко отвечала Вика, – не пожалеешь! Я позабочусь!

Она искоса бросила взгляд на мужа – да такой взгляд, что Дима подумал: сумку с шашлыком и бутылкой вина можно было бы повесить на его «красного богатыря». Блядский взгляд, прямо сказать.

После событий вчерашнего вечера и сегодняшнего утра Вике втемяшилось, что им совершенно необходима сексуальная экзотика. То есть не сразу втемяшилось, а после

посещения вертикального солярия. Но втемяшилось крепко. Вернувшись домой свежезагорелой, она безжалостно выключила телевизор, содрала с себя стринги, повалила Диму на диван, откуда они скатились на ковер, сдернула с мужа джинсы и трусы – до колен, уселась на него верхом и исполнила довольно темпераментную джигитовку. Затем сообщила, что условно довольна, однако этого мало. Экзотика, Смирнов, экзотика! И потащила его на Бугровский рынок – за парным мясом. Спасибо, хоть штаны дала натянуть. А то о стрингах своих даже не подумала.

Только парное, трещала Вика, и только на рынке, а в магазинах не парное, а размороженное, а тебе, Димочка, и «улан-батору» твоему размороженное как мертвому припарка, а парное вас обоих поставит на ноги, ну и бутылочка красненького, а экзотический секс – это, Димуля, залог здоровья и долголетия и верное средство от целлюлита, и так без умолку, не стесняясь попутчиков по маршрутке.

На рынке она основательно выпотрошила мужа. И не только в смысле финансов выпотрошила. Мясо выбирала часа полтора – с Димы, ненавидевшего всякий шопинг, сошло если не все семь, то уж точно пять потов. В конце концов остановилась на туше, которая еще вчера якобы хрюкала. Почему-то никому не верила, а вот этому рубщику поверила.

На Диму же мужик произвел впечатление скорее жутковатое. То ли кореец, то ли китаец, но не щуплый, как обычно бывает, а крупный, даже громоздкий. На левой руке трех пальцев не хватает. Хромой на правую ногу. И ко всему – одноглазый. Из щелочки единственного глаза словно лазер бьет. Голос скрипучий, акцент ужасный, почти ничего понять нельзя. Во сне такого увидишь-услышишь – можно простыни менять.

А Вике словно нипочем. Потом объяснила: он же, Димочка, не продавец, он рубщик, он просто продавца на минутку заменяет. Продавец, вернее, продавщица куда-то отошла. В туалет, наверное, но это не важно. А важно, Димуля, что продавцы всегда врут, а рубщик врать не приучен, а этот чучмек такой тупой, что вообще врать не умеет. Так что шейка, Смирнов, стопроцентно парная. Сейчас мы ее дома замаринуем и... ну, что-нибудь придумаем! Только вина еще не забыть!

Вина купили тут же, в магазинчике при рынке. Дима нацелился было на пиво, но возмущенная Вика так резко повернулась к нему, так взметнула своей коротенькой юбочкой, что он не решился настаивать. Купили бутылку какого-то французского. Название «Гранд амур» показалось Диме сомнительным, но Вика прошипела:

– Амур, Смирнов! Амур же! – И бутылка улеглась в сумку.

Еще прихватили литр кефира, которого Дима вознамерился отпить, но не успел.

– Это не для питья кефир, – сказала Вика, – это для маринада. Какие же вы, мужчины, все-таки бестолковые!

Уже почти на самом выходе с рынка, в тамбуре, Вика вдруг воскликнула:

– Черемшу же забыли! И не надо так вздыхать, Димасик, черемша очень потенцию повышает! – Громко воскликнула, без стеснения, причем в тот самый момент, как с улицы вошел в тамбур нескладный долговязый очкарик лет то ли тридцати, то ли сорока. Дима покраснел, и очкарик покраснел, и тут же в тамбуре стало трудно дышать. Надо же, подумал Дима, перднул чувак от смущения, да вонюче как. А Вика наморщила носик и решительно сказала:

– За мной, Смирнов!

Прошли через фруктовые ряды – Дима отметил забавную сценку: смуглый узбек, а может, туркмен, покупал курагу, витиевато торгуясь с продавцом-азербайджанцем – и попали к прилавкам с соленьями-квашеньями. Пахло одуряюще. Купили черемши, снова наткнулись на давешнего очкарика, пробовавшего маринованный чеснок, и наконец покинули рынок.

Дома Вика велела мужу нарезать шейку на куски средней величины, сложить все вон в ту кастрюлю, посолить, поперчить, перемешать, выдавить туда же лимон, снова перемешать и залить кефиром, после чего закрыть кастрюлю крышкой и поставить в холодильник.

– А я, – сообщила Вика, – в душ пойду, а то запарилась тут с тобой. – И подмигнула непристойным, развратным каким-то образом.

Эх, подумал Дима, исполняя поручение, напрасно отгул взял... Сидел бы сейчас в кафе, пиво бы потягивал... А в Викторину прямо бес какой-то вселился... Он залил мясо кефиром, выпил все-таки с треть стакана, засунул кастрюлю в холодильник и услышал Викин голос: «Димочка!»

Он вошел в ванную. Вика, блаженно стоявшая под душем, выглядела, он не мог не признать, чрезвычайно соблазнительно.

– Фу, Смирнов, – сказала она капризно, – какой ты потный! А ну, иди сюда!

«Может, все же не зря я отгул взял», – подумал Дима, сбрасывая одежду и залезая под душ.

В узкой ванне было тесно и скользко. В конце концов Вика встала на четвереньки и скомандовала:

– Давай, Димка! Ну, давай! Ну! Ну! Ну! Ну!

Дима, пристроившись сзади, хрипло вторил:

– На! На! На! На!

Когда все закончилось, Вика объявила, что это уже лучше, а теперь она хочет спатеньки, и Димуленька должен завернуть ее в полотенечко и отнести в кроватку.

– Ой! – нашелся Дима. – Мне в туалет.

Вика пропела ему вслед:

– Како-о-ой!

Он проторчал в сортире минут пятнадцать, гадая, что же сделали с его женой в этом солярии. Потом осторожно вышел, тихо оделся, заглянул в спальню – Вика как будто спала – и пробормотал:

– Я за хлебом... Хлеба купить забыли...

– Зачем тебе хлеб, – сонно проговорила Вика, – когда у тебя есть я? Иди скушай свою девочку...

Не открывая глаз, она сбросила одеяло, бесстыдно раскинула ноги во всю ширь кровати и, чуть слышно постанывая, принялась поглаживать руками свою грудь.

– Викусь... – ошарашенно выдохнул Дима, – ты чего? – Как-то не замечал он раньше за женой такого... такой... он даже затруднялся назвать, чего такого или какой такой.

– А потом я тебя скушаю... – сдавленным голосом пообещала Вика.

Что ж, первая часть Диме, в общем, удалась, а вот вторая... Короче говоря, его «улан-батору» требовался отдых. Даже, пожалуй, самому Диме он требовался: последние события, особенно поход на рынок, совсем его измотали. И очень хотелось пива.

Впрочем, жена, кажется, не была в претензии.

Он все-таки выскользнул из дома, добрал до киоска, что на автобусной остановке, купил бутылочку «Туборга», выпил ее, сидя на скамейке у подъезда, – про хлеб забыл – и вернулся домой. Вика спала. Он включил телевизор, приглушил звук, прилег на диван – и тоже задремал.

Спалось плохо: привиделись какие-то мерзкие коты, рыжий и черный. Рыжий был издевательски вежлив, даже елеен, черный же не скрывал враждебности и все норовил цапнуть Диму когтями, приговаривая: «Вставай, Смирнов, хватит спать!»

Дима сильно вздрогнул и проснулся, весь в поту. Над ним стояла обнаженная Вика, говорившая обиженным тоном:

– Вставай, Смирнов, хватит спать! Это все не экзотика была! Собирайся!

Что ж, деваться было некуда. Тем более что Димин «улан-батор», в отличие от своего хозяина, казалось, все же набрался новых сил. Дима попытался было обвить рукой стройное и гладкое бедро жены, но та заявила, что домашняя сессия закончена. Собирайся же, Смирнов, не тормози!

Собрались, и Вика потащила мужа в сторону леса.

– Давай, Димочка, давай! – щебетала Вика, бросая на мужа жгучие взгляды. – Кончай ныть, уже почти пришли!

Действительно, чтобы попасть в лес, оставалось только перейти через улицу.

Очень хотелось еще пива. Впрочем, и вино, наверное, будет в жилу. Ну, Викусик, держись, подумали оба – и Дима, и его «красный богатырь».

3

Разругавшись с продавщицей – ни с того ни с сего, как показалось той, – Иван мощно вонзил топор в деревянную чушку, швырнул на пол заляпанный кровью халат, сунул во внутренний карман куртки длинный разделочный нож и, хромая, вышел из здания рынка.

Пара, купившая у него полтора без малого килограмма свиной шейки, как раз скрылась за углом, но Иван успел их заметить. Мясо, подумал он, свежее, молодое, упругое мясо. Он двинулся за парой, остановился на обочине шагов за сорок от остановки маршруток, вытащил несколько сотенных купюр, махнул ими. Немедленно остановились ржаво-белые «жигули». Иван сел рядом с водителем, сказал: «Туда. Триста. Четыреста. Стой пока». Бомбила напрягся, но жадность пересилила.

Двое залезли в подошедшую маршрутку. «Туда, – приказал Иван. – Медленно».

Собственно, из двоих его интересовала только девка. Это она была молодым, упругим мясом. Это она нужна Ивану. А парня прогонит. Если, конечно, тот будет умно себя вести.

В мясе Иван разбирался. В чем другом – не очень, а в мясе – как мало кто. Родичи, конечно, тоже разбирались, и не хуже его, да где они, родичи? Далеко родичи, на родине, в Якутии... Да и мало их осталось: зверь ушел, олень ушел, жить трудно. Родичи, все почти, хлипкие оказались, бросили дело, алмазы добывать пошли, еще какими стыдными вещами занялись. А они ведь не кто-нибудь: абасы. Им, абасы, Высшими Духами назначено мясом ведать, оленя мучить, всякого зверя мучить, мясо пожирать, и с мясом – силы звериные пожирать, а мучения звериные Высшим возносить. Бросили, всё бросили...

Он, абасы Иван, не бросил. Хоть и косились на него родичи – неправильный, мол, абасы, настоящий абасы одноног, однорук, одноглаз, а этот недоделанный, – а он, недоделанный, покрепче других оказался. Свирепо со всеми расплевался, проклял всех – и в Москву подался. Думал почему-то, что в Москве этой всего навалом – и оленя, и медведя, и песца, и вообще зверя разного. Москва же! Оказалось – не так. Зато – бойни большие.

Устроился было на бойню, да на другой день дикие русские его выгнали: неправильно, сказали, ты скот забиваешь. Плюнул, в рубрики пошел.

Не то это, конечно, не то... Ничего, осмотрится – найдет по себе дело. А пока что – вот это нежное, сладкое мясо, на длинных гладких ногах, влажно-пряным пахнущее, с ума сводит.

«Жигули» следовали за маршруткой, Иван зорко следил единственным глазом – не упустить бы. Попытки водилы завязать разговор – пустой, конечно – пресек коротким рыком: «Тихо».

Иван проследил добычу до самого подъезда: когда пара выпрыгнула из маршрутки, сказал бомбиле: «Стой», сунул две сотенные, сверкнул глазом, оскалил зубы – пустой человек за рулем только открыл и закрыл рот, – вылез из гнилого корыта и, держа дистанцию, пошел за теми двоими.

Внутри все дрожало.

Он устроился на скамейке у аптеки наискосок от подъезда и принялся ждать. Он хорошо умел ждать.

Вот тот парень, словно ошпаренный, выскочил из подъезда, перевел дух, потоптался на месте и пошел к остановке. Иван повернулся так, чтобы его лица не было видно.

Мясо дома одно. Пора? Нет, не пора. Парень вернулся к подъезду, держа в руке бутылку пива, сел на лавочку, скovyрнул пробку, присосался. Ивана передернуло.

Парень допил свою гадость, понурился и скрылся в подъезде.

Что ж, будем ждать дальше.

Прошло два часа. Или три часа. Какая разница? Иван дождался: пара показалась из подъезда, обогнула дом и двинулась через дворы в сторону леса. Иван последовал за ними.

Можно было даже не держать добычу в пределах видимости: пряный запах, источаемый девкой, так и бил в короткий широкий нос абасы.

В лес идут. Это хорошо.

4

Боканон Матвей, нескладная очкастая дылда, крался за опасным монголоидом. Остаться незамеченным было бы нелегко, но монголоида поглотило преследование молодой пары, точнее – Мотя это чувствовал – прелестной юной девушки.

Доброе сердце боканона сжималось. Девушка, случайно встреченная на рынке, совершенно очаровала его. Столкнулись носом к носу, она что-то – Мотя не разобрал – говорила прелестным голоском своему спутнику, Матвей мгновенно влюбился и – надо же! – тут же испортил воздух. Смутился страшно.

Влекомый силой любви, Мотя, как мог осторожно, потащился за красавицей. Повезло – она направилась к соленьям, где стояли сильнее запахи. Выпускаемые боканоном газы там почти не ощущались, так что он позволил себе приблизиться к любимой. Ах, кружилась Мотина голова, богиня, настоящая богиня!

Потом богиня покинула рынок, боканона потащило за ней. И тут появился этот страшный монголоид, и Матвей понял, что предмету его любви грозит ужасная опасность, и решил, что спасет свою волшебницу, спасет во что бы то ни стало, и, может быть, благосклонная улыбка станет ему наградой.

Да, боканон Мотя отличался нежным сердцем, влюбчивостью и исключительной застенчивостью. Как же не быть застенчивым, если в Черном Реестре про род боканонов сказано: дух безобидный, но зело смрадный и, поворотившись задом к супостату, газами оно до смерти поражает!

Матвей всю жизнь очень боялся к кому-нибудь невзначай задом повернуться, ибо газы из него выходили почти непрерывно. Потому слыл человеком хотя и страдающим метеоризмом, но хорошо воспитанным. В школе, где он работал учителем по начальной военной подготовке – это было удобно, потому что часто ученики сидели в противогазах, – Мотю любили, а по поводу непроизвольного газоиспускания – сочувствовали. До того, что на последний День защитника Отечества подарили, помимо бутылки коньяка, патентованные противометеоритные трусы. Матвей тогда чуть не умер от смущения и стыда, хотел даже увольняться, но, когда выяснилось, что трусы подарила мужская часть коллектива – директор, физкультурник, трудовик и молодой географ, – причем подарила втайне от женской части, немного успокоился. «Не бзди, Маттеус, – пошутил тогда разбитной физрук, – прорвемся!» Трусы эти, впрочем, почти не носил – в них его крайне неприятно и как-то безысходно пучило. К тому же гнилостного запаха отрыжка покою не давала.

Хорошо было бы не в школе работать, а в армии служить, в химвойсках. Но в армию Матвея не брали по причине плоскостопия.

«Горькая наша боканоновская доля, – размышлял Мотя, преследуя монголоида. – Для чего нас создали? Зачем мы живем? Всего-то и смысла – воздух портить. Ну да, нечисть же мы... Но к чему тогда создатель наш, кто бы он ни был, дал нам добрые, любящие сердца? Какая злая ирония двигала им, когда ко всему обрекал нас еще и на одиночество? Всегда стремиться к любви – и всегда быть одному-одинешеньку... Маленького боканончика, которого я рожу в пятьдесят лет, думал Матвей, конечно же буду любить, жалеть, воспитывать. Но ведь это не та любовь, совсем не та...»

Он из последних сил сдерживал рвущиеся наружу газы – боялся выдать себя раньше времени. А время настанет! Мотя чувствовал это и вновь убеждался, что когда-то давно нашел верный ответ на мучивший его вопрос: он живет для того, чтобы защищать тех, кого любит. Пусть даже защищать своей непереносимой вонью, но – защищать!

Его богиня со своим спутником вошла в лес. За нею последовал монголоид. Матвей втянулся туда последним.

– Вот, Смирнов, на этой лужайке и остановимся, – сказала Вика. – Кто-то тут, видишь, шашлыки уже жарил, кирпичи стоят. Ставь сумку и давай-ка хворосту набери.

– Викусъ, – засомневался Дима, – что-то очень уж от дорожки близко. Люди ходят, увидят нас...

– И пусть смотрят! – заявила Вика. – Мы что, плохое что-нибудь делать будем? – Глядя на мужа, она медленно облизнула губы. – И вообще, риск придает сексу пикантность.

Дима вздохнул, поставил сумку, вытащил из нее туристский топорик и двинулся к ближайшей березке. Вика тем временем уселась на удобное бревнышко, вытянула ноги, запрокинула голову, закрыла глаза и мечтательно улыбнулась.

Дима примерился и нанес березке первый удар.

Из глубины леса протяжно зауhalo. Дима замер.

– Ё-моё! – сказал он испуганно. – Это еще что такое?

– Да филин какой-нибудь, – легкомысленно ответила Вика. – Чего ты испугался-то?

– Филины, – возразил Дима, – и совы там всякие, они по ночам только ухают.

– Да какая разница? Ты, в конце концов, хочешь или не хочешь, а, Димкин? Ну ладно, заждался, мальчик, ну иди ко мне... Первый сеанс, дрова потом... – Вика потащила через голову свой топ.

В этот момент на лужайку вышло сразу трое мужиков: с одной стороны – двое молодых, коренастых, коротко стриженных, с бычьими шеями, чистые братки; с другой – рубщик мяса с Бугровского рынка.

– Ёкэлэмэнэ! – воскликнул один из братков, глядя на рубщика. – А ты, косоглазый, куда приперся-то? Тебя кто звал-то? Понятия не для тебя, что ли? Давай вали, пока цел! Ты, чувак, – обратился он к отвесившему челюсть Диме, – тоже свободен. А ты, красивая, – браток уставился на замершую с тряпочкой топа на голове Вику, – оставайся. Мы пацаны правильные, обижать не будем!

Второй заржал.

Рубщик мяса оскалил зубы и зарычал. С деревьев полетели листья.

– Ой, страшно! – издевательски пропищал первый браток.

– Я щас прям обосрюсь! – подхватил второй.

Вика наконец сняла топ. Глаза ее странно блеснули.

Рубщик двинулся на братков.

– У, лешаки проклятые! – прохрипел он.

– Не ссы, абасы! – проронил второй браток. – Наша территория, сейчас свистнем, братва подвалит, последний глаз на очко натянем!

На лужайке появилось новое действующее лицо. Дима узнал нелепого очкастого дылду, мельком виденного на рынке.

– Руки прочь от девушки! – выкрикнул очкарик. – Все прочь! Девушка, ничего не бойтесь, я с вами!

– Ну, бля, набежало! – усмехнулся первый браток. – Ты-то куда, лошина позорная?

– Девушка, ложитесь! Лицом вниз! Быстро! – Очкарик дал петуха, но Вика почему-то послушалась и упала ничком.

Очкарик повернулся к браткам и рубщику спиной.

...Что было потом, Дима помнил плохо. Его неудержимо рвало, а на лужайке никого, кроме рыдающей Вики, уже не осталось. Только, в успевших надвинуться и даже сгуститься сумерках, как показалось, выглянуло из-за деревьев лицо с косматыми бровями, коротко, жутко ухнуло и исчезло.

...Когда они добрались до дому, совсем стемнело.

– Ну тебя, Смирнов, к чертовой матери с твоим экзотическим сексом! Извращенец! – сказала Вика, запираясь в ванной.

«Ну вот, – подумал Дима, – как всегда... Переклинится на дряни какой-нибудь, меня втянет, а потом я же и виноват. А кто ж еще виноват, как сказала Вика, когда в прошлом году ей на трусы, что на балконе на веревке сушились, голуби нагадили. Ты, Смирнов, и виноват!...»

...А смотрящий леший Викентий, сделав строгий выговор двум молодым отморозкам, Аркадию и Григорию, принял окончательное решение: пробиваться к этому... к Вильмоту... а то погибнет лес.

Глава 5 Лед и пламень

1

– 3-3-3-3! – басовито звенят высоковольтные провода.

– 3-3-3-3! – вторят вьющиеся на чахлых цветах мушки.

Август, зной. Девятилетняя Злата сидит на занозистом деревянном ящике, принесенном кем-то к опоре ЛЭП. Кругом зонтики. Это такие растения – голый стебель, а сверху вроде абажура. В августе, мама говорила, они ядовитые. А может, в апреле, Злата забыла.

Вообще-то зонтики бывают в ее, Златин, рост – а она девочка мелкая, хотя и крепкая. Тут, под проводами, вымахали в два Златиных роста. Как деревья. Таких больше нигде нет. Папа объяснял – мутанты. Все равно непонятно. От электрического поля, добавлял папа. Тоже непонятно. Поле-то электрическое, это да – вон провода какие, – только зонтики-то при чем?

Жарко. На асфальте – особенно. Тут, на электрическом поле, еще ничего.

Раньше, папа рассказывал, на этом поле картошку выращивали. Совхоз какой-то выращивал. Чудное имя – Совхоз. Не русское. Злате представляется черный-пречерный дядька, злой-презлой и старый-престарый. Потому что папа говорил, что он сдох. А когда он сдох, поле захватили под огороды и тоже стали картошку сажать. А потом этих, которые захватили, кто-то прогнал. Теперь тут ничего не сажают – само все растет. Зонтики, кусты разные, трава, цветочки.

Если выглянуть из зарослей, то впереди увидишь большую дорогу – МКАД называется. До нее недолго идти, только дойти трудно – трубы какие-то лежат здоровущие, через них перелезть неудобно. Да и нет там ничего интересного. Машины одни.

Обернешься – улицу увидишь, совсем близко. Машин на ней немного, а на той стороне – пруд. Мама только не разрешала в этом пруду купаться – вонючий он, говорила, грязный. И еще у него недобрая... эта... как ее... репутация, вот! Злата думала, что репутация – это вроде как улыбка. Тоже бывает недобрая. Мама про соседку одну сказала как-то раз: сама сюсюкает, а улыбка-то у нее недобрая. Только откуда у пруда улыбка?

Ну и ладно. Тут, у опоры, тоже неплохо. Вот через одну опору – там страшно, особенно когда стемнеет. Потому что около той опоры глупые люди своих собак и кошек хоронят. Мама с папой очень на этих людей сердились.

Вправо, влево посмотришь – конца полю не видно. Но Злата знает, что справа тоже ничего интересного, а слева поле вдруг переходит в маленькую рощу, а за ней всегда глубоководные лужи, а потом озеро, все травой заросшее. Называется Темное. На другом конце озера трава расступается, там купаться можно, но только одной – ни в коем случае.

Мама, правда, ничего уже не запрещает – она болела-болела, болела-болела и умерла. Теперь мама на небе, но оттуда-то все видно, а огорчать маму не хочется.

Папу тоже огорчать не хочется, только папа и не огорчается больше. Он, как мама умерла, пропал куда-то на целых два дня, пришел совсем пьяный, а потом уехал. Тетя Геля, соседка, сказала: слабый он, как все мужчины, вот и сорвался. Глупости какие! Папа сильный очень, уж посильнее тети Гели. И ниоткуда он не сорвался, просто уехал. Поговорил с тетей

Гелей и уехал.

А тетя Геля за Златой присматривает. У нее улыбки недоброй нет, она вообще не улыбается. Строгая, учительницей же была раньше. Но незлая и присматривает не сильно. Все занята чем-то, люди к ней разные приходят то и дело. А сильно-то присматривать и не надо: Злата уже не маленькая. Скоро в третий класс...

Тетя Геля все ждет, когда Злату бабушка к себе в Липецк заберет. Надо, говорит, чтобы до первого сентября. А бабушка, говорит тетя Геля, тоже болеет. Но скоро выздоровеет и заберет.

В Липецк неохота, Злате в своем классе хорошо. Но тут уж ничего не поделаешь.

А вообще-то теперь плохо. Без мамы. Что дома, что в Липецке.

Злате надоедает сидеть, она поднимается с ящика, выходит из зарослей гигантских зонтиков, бредет по тропинке налево, поминутно отвлекаясь на жучков-червячков. «Дойду до больших луж, – думает Злата, – посмотрю на паучков, что по воде бегают, и – домой. Тетя Геля ужином накормит, а спать я сама улягусь».

Ой, в кустиках слева лягушонок! Какой хорошенький! Куда ты? Не бойся, дурачок!

Что-то мягкое под ногами, пищит. Злата отступает в сторонку.

Налетает порыв ветра, горячего, даже раскаленного. Девочку почему-то охватывает дикий страх, хотя еще светло, и машины шумят, и голоса человеческие слышны вдалеке. Но жутко – почти до обморока. Злата пронзительно визжит, несется сломя голову, не разбирая направления, спотыкается, ссаживает коленку, плачет взхлеб, поднимается, бежит, и что-то ужасное, нестерпимо жаркое вот-вот догонит ее, и обернуться некогда, и она снова растягивается на тропинке, на этот раз поскользнувшись, и понимает, что встать уже не успеет, и отчаянно кричит, изо всех сил надеясь, что на небе слышно:

– Мамочка!

2

Захар закончил смену и вышел из Дворца. Жарко. Слишком жарко. Он перебежал через дорогу, сунул голову в окошко киоска при автобусной остановке, сказал толстой потной продавщице:

– Два «Старопрамена».

– Холодного нет, – отдуваясь, предупредила продавщица.

– Какое есть... – согласился Захар. – Одну откройте, пожалуйста.

Он взял пиво – теплое стекло сразу стало охлаждаться, пришлось немного придержать себя, – сел на скамейку, тут же, на остановке, под навесом. Глотнул пива, принялся ждать Зою. Ей еще не меньше часа с малышкой возиться. Ладно, времени навалом...

Он представил себе Зойку на льду, который сам же и готовил только что. Другие тренеры в теплом на лед выходят, а она – как на соревнования. Те удивляются, а ей – все нипочем. Веселая жена Захару досталась, с характером сильным, но ровным и легким. А уж красавица! А умница!

Его душу приятно кольнула ласковая прохлада.

Собственно, досталась – не то слово. Подходили они друг другу, еще с детства далекого. Всем подходили, а особенно тем, что оба в большой мир хотели, не желали на веками насиженном месте сидеть.

Тут ведь как? Человеческий мир наступает, кто-то умеет к нему приспособиться, остается там, где обитал испокон времен. Кто-то – не умеет, таким приходится отправляться восвояси, подыскивать места по себе.

Водяных, например, взять или леших. Понятно, на осушенном болоте никакой водяной не останется – уйдет, хоть на отстойники, а уйдет. Или если лес сводят... Домовые тоже – ломают люди дом, значит, уходить надо, на развалинах или там в многоэтажном гараже домовому делать нечего.

Они, Захар с Зоей, другое дело. Они зюзи, их суть – холод. Зюзя везде проживет. И коли

старые, обжитые места покидает, то не потому, что трудно стало, нет: новое зовет, вот и все.

Таких, как они, правда, и среди зюзь немного. Привычка – даже не вторая натура, скорее первая. И на тех, что к новому стремятся, толпа – да хоть обществом ее назови – искоса смотрит. «Больше всех им надо... Ишь умники... Да непутевые, и все тут...» У людей, между прочим, так же, усмехнулся про себя Захар.

А им с Зоей новое позарез требуется. Без нового хоть в печку лезь. Вот и сошлись.

Зяблинка моя, подумал он.

Тут, в Новокузине, пока интересно и уютно. Место славное, родичи дальние имеются – лешие, водяных поблизости парочка хороших (жаль, теплую воду в озерах своих предпочитают), коты с Той Стороны забегают иногда, забавные. Джинн даже приبلудился. Тяжелой судьбы джинн, сразу видно, но фигура, если уметь смотреть – а зюзи умеют, – ох, незаурядная.

Может, даже наверняка, и еще кто объявится. Черный Реестр длинный, а они, Зорченковы, тут недавно. Будет время – со всеми, кто есть, познакомятся. Зюзи народ компанейский.

И – малоосвоенное место, есть чем зюзям заняться. Тем более глобальное потепление кругом. И людей полным-полно, а зюзям такое окружение на руку – теплообмен интенсивнее.

В общем, не то что в родном селе, в Старозюзине их фамильном. Там зюзя на зюзе сидит и зюзей погоняет. Полдеревни Зюзиных, Зорченковых тоже много. Все как облупленные. Многие пить пристрастились, да не пивка литр-другой, а до потери сознания и сути. Недаром присловье пошло: «Напился как зюзя».

Нет, тут лучше. А захочется родню провести – так вот оно, Старозюзино, в двадцати верстах всего.

Но пока что не тянет. Да и некогда – дел полно. В супермаркетах, положим, без него, без Захара, с холодильным оборудованием справляются. Зато во Дворце зимнего спорта он лучший ледовар. Кто бы, собственно, другого ждал... А Зойка фигурное катание освоила, что твоя Роднина. Она, Ирина Константиновна, кстати, на четверть зюзя.

Ну, правда, Зойка-то в большой спорт не лезет. Чистокровной зюзе не положено. Зато детишек ко льду приучать, к холоду – это миссия. Даже не так: Миссия.

Захар прикончил уже обе бутылки. Посмотрел на часы. Минут через двадцать Зоя выйдет, можно еще одну себе позволить. Взял, охладил быстро, поднес к губам.

– Пиво распиваем в общественном месте? – с сильным южнорусским акцентом спросил появившийся неведомо откуда неприятного вида милиционер. Пыльный весь какой-то. Потный. И явно склочный. К тому же – Захар присмотрелся – пьяный. Не в зюзю, но ощутимо.

Сержант вдруг покачулся и принялся шарить по карманам.

– Какая с-сука ко мне лазила?.. – невнятно пробормотал он. – Был же стольник... Найду – убью на хер... – Потом встрепенулся, мутно взглянул на Захара и проговорил: – Ну шо?

Ледовар насторожился. На всякий случай он осторожно просканировал сержанта – да, так и есть! Конечно, это не человек. Должен бы и его, Захара, признать, только не признает почему-то.

– А кому мешаю? – Зюзя решил поразвлечься.

– Закону! – важно объявил сержант. – Придется пройти, гражданин. Для начала – документы предъявите.

– А представляться закон вам, товарищ сержант, не предписывает? – спросил Захар. – Удостоверение показать? Или с людишками и так сойдет?

– Сержант милиции Шишенко, – буркнул милиционер. Вытащив из нагрудного кармана замызганную красную книжечку, он развернул ее и сунул под нос Захару. – Довольны?

– Еще как, – весело сказал Захар и дунул на удостоверение, мгновенно покрывшееся густой изморозью. – А ты доволен, друг? – спросил он и засмеялся.

– Тьфу ты, – пробурчал сержант. – Снова об том же самом месте...

– Нарывался уже, что ли? Так повнимательнее будь!

– Слышь, – забеспокоился вдруг Шишенко, – ты мне это... корку-то разледени, а то несолидно!

– Давай, – согласился Захар.

Шишенко протянул ему книжечку, зюзя втянул в себя воздух – изморозь исчезла.

– Ух ты, – пробормотал сержант. Потом напряженно задумался. – А ты, это... пиво остудить могёшь?

Захар только усмехнулся. Шишенко кинулся к окошку, что-то резко прогнусил и через секунду протягивал зюзе бутылку недешевого импортного «Пильзнера». Вот сука, подумал Захар. Бесплатно же. И не колдовством каким-нибудь взял, а – формой ментовской, вот что главное-то.

Он прикоснулся к бутылке, задержал руку чуть дольше, чем нужно, и сказал:

– Три минуты подожди – оно хорошо охладится. Главное, все три минуты бегом беги. Только к себе бутылку не прижимай, а то ты горячий какой-то.

Шишенко вытянул перед собой руку с бутылкой и побежал. Захар улыбнулся. Через три минуты это пиво в кусок льда превратится.

– Захар! – услышал он.

Зойка, помахивая сумочкой, шла к нему через дорогу. Стройная, длинноногая, светловолосая и светлоглазая, в майке, мини-юбочке и ажурных босоножках, она казалась воплощением свежести. Сердце Захара снова кольнуло приятным холодком.

3

Существо без имени, формы, цвета и запаха пылало яростью. Это нелепое, жалкое, никчемное человечье отродье позволило себе наступить на беспомощных детенышей! Смерть ему!

Существо убедилось, что детеныши невредимы, но ярость не уменьшилась. Человечье отродье, оказавшееся тощей девчонкой, успело отбежать, но недалеко. Не уйдет!

Существо бросилось в погоню, быстро догнало жертву и сбавило ход. Сожрать сразу – этого мало. Пусть девчонка изойдет ужасом, пусть мучения тела и духа станут ее сутью! Тогда – вкуснее.

Существо почувствовало, что к ярости прибавился голод, тоже горячий. Еще бы – на то, чтобы произвести потомство, много сил ушло.

Существо не обладало разумом. Но древнее чутье вело его точно. Всегда. И сейчас тоже.

Жертва упала. Хорошо, можно зависнуть над ней, дохнуть жаром, ощутить ее страх. Как тогда, в том большом каменном доме, где существо прожило много лет. Ах, каким сладостным отчаянием, какой восхитительной мукой веяло от тех узников! Палачи старались, очень старались. А Существо испытывало высшее наслаждение, вселяя беспричинный, казалось бы, ужас и в самих палачей.

А задолго, задолго до этого – Существо помнило смутно – оно так же наслаждалось в обширном подвале деревянного дома. Ярко горел огонь, а над ним корчились человеческие тела с вывороченными руками. Боль, кровь, моча, кал и, главное, смертный ужас.

Но того подвала больше нет, а в большом каменном доме нет узников. К тому же пришло время воспроизводства.

Существо давало приплод раз в пятьсот лет. Для вынашивания детенышей и разрешения от бремени ему приходилось на семь лет укрываться в глухих подземельях, а сразу после родов следовало вытащить новорожденных на поверхность. И тоже укрыться – до тех пор, пока самый сильный не подрастет настолько, что сможет позаботиться о себе. Тогда существо пожирало остальных – обычно их бывало пять, – а оставленный для жизни спасался, удирая как можно дальше. И потом, в каких-нибудь иных краях, становился таким же кошмаром для тамошних обитателей.

Не для всех, конечно. Для нечисти – нет. Наоборот, самому приходилось некоторых

опасаться. Проходил тут как-то один – глаза так и жгут...

Да ведь нечисть Существо никогда и не была интересна. Ею питаться не станешь. Люди – дело иное.

Человеческое отродье поднялось и, скуля, побежало дальше. Ну-ну. Существо приотстало, затем ускорилося и изрыгнуло очередную порцию жара. Пьянящее ощущение переживаемого жертвой страха пришло в ответ мгновенно.

Существо снова распалило в себе ярость – чтобы ее не вытеснил окончательно голод, чтобы трапеза доставила больше удовольствия, – сделало вираж вокруг девчонки, снова пристроилось сзади. Жертва опять упала, но теперь не спешила вставать. Поняла, что не уйти, потеряла надежду.

Существо нависло над девчонкой пышущим жаром невидимым облаком, неслышимо зарычало. Начало медленно опускаться.

Человечье отродье издало тонкий бессмысленный вопль.

4

– Пиво пил? – спросила Зоя.

– Ага, – ответил Захар, – чешское. Дурака тут еще одного шуганул, – добавил он, смеясь. – Пыльный такой дурак, забыл, как называется. Знаешь, по дорогам они, бывает, хулиганят, пыль гоняют, девчат пугают да скотину.

– Захар, – укоризненно протянула Зоя, – шиши это!

– Точно, шиши! А чего, забыть уж нельзя? Ну да, балбес я, зубрил не как некоторые. – Он с удовольствием чмокнул жену в прохладный висок. – Главное-то помню, пыльные они и безобидные. А этот, честно, дурачок какой-то... Пиво я ему заморозил.

– Вот сам и хулиган, – миролюбиво сказала Зоя. – Алкоголик пивной.

– А ты не хулиганка, что ли?

– Я – нет. Я приличная. И пиво твоё не люблю. Шампанского хочу! Матросик, угостите даму шампанским! Ну ладно, согласна на мороженое.

– Это в момент, – обрадовался Захар. – Вот как раз и ларек!

Зорченковы не торопясь шли по улице. Захар, пародируя их деревенского учителя старика Зиновия, высокопарно распинался о достоинствах мороженого разных видов.

– К несчастью, – вещал он, подвывая, – до нас не дошли сведения об особенностях изготовления мороженого древними ацтеками, майя и инками. Но логика, мои маленькие зюзи, – Захар поднял палец, – логика дает нам все основания полагать, что эти цивилизации культивировали применение разнообразных галлюциногенных веществ при производстве сладкого холода. Как то – змеиного яда, секреты игуан и мочи койотов!

Зоя улыбалась.

Потом Захар оборвал себя и серьезно сказал:

– Всю жизнь фигурным катанием заниматься тоже скучно.

– Мне пока нравится, – ответила Зоя.

– Так мне пока тоже. Только вот лет через пять – надоест, а? Я вот думаю: на мясокомбинате нам понравится?

– Да ну, – легкомысленно сказала Зоя. – Рано об этом думать. Исккупаться вот хорошо бы.

– Пойдем, – согласился Захар. – На Темное?

– Конечно. Охладим немножко, Тимошка и не обидится. А Светлое – ну его. Больно уж строг Аникой.

– Ага, – засмеялся Захар. – «Я, как хозяин данного озера, настоятельно прошу уважаемых гостей не своевольничать, бу-бу-бу».

– А нам только дай посвоевольничать, правда, милый?

– Мы такие...

До поворота к Темному озеру оставалось совсем немножко, когда Зоя вдруг

остановилась. Лицо ее сделалось напряженным.

– Что? – спросил Захар.

– Тихо! Слушай!

Захар вслушался. Мешало гудение высоковольтных проводов, но он все-таки уловил высоко в небе отголосок детского крика, исполненного муки и страха.

– Ребенок, по-моему, – сказал он. – А что кричал, я не разобрал.

– Девочка. Кричала «Мамочка!». Да как кричала! Подожди! – Зоя снова замерла. – Ничего не ощущаешь, зюзя?

Захар напряг все девять чувств. Жар, сильнейший жар докатился до него. Правда, уже выдохшийся. Но – как раз оттуда, откуда мгновением раньше донесся тот отчаянный крик.

Захар прокрутил все, что знал, вспомнил родное Старозюзино, уроки старого Зиновия, вывесил перед мысленным взором листы Черного Реестра и уверенно объявил:

– Каркаладил. Скотина безмозглая, злобная. Без формы, цвета и запаха. Ух, пылает как!

– Девочку мучает, – сказала Зоя.

– Ну, собственно... – засомневался Захар. – Нам-то что? Мы что, Служба спасения? Девять один один?

Зоя презрительно взглянула на него:

– Ненавижу этих тварей! Ошибка Высших! А девочка, может, ученицей моей станет! Короче, ты как хочешь, а я...

– Ладно, ладно, – торопливо произнес Захар. – Все правильно. Побежали!

5

...Чудовище стремительно удалялось, издавая не воспринимаемый человеческим ухом вой. Все вокруг было побито лютым морозом. Лежавшую ничком девочку покрывала корка льда.

– Что, размораживаем? – устало спросил Захар.

– Подожди, – шепнула Зоя, снова замерев.

Захар вслушался. Да, что-то настораживало. Не сильно, но все-таки. Поблизости... вот... нет, не разобрать. Зоя чутче.

– Что? – спросил он тихо.

– По-моему, щенки... или как их назвать... мерзость...

Зоя сочувственно посмотрела на мужа:

– Направление хотя бы чувствуешь?

Захар мрачно кивнул.

– Ладно, – вздохнул он. – Гляну, что там за щенки. А ты этой займись... Снегурочкой... Все равно у тебя размораживать лучше получается.

– А у тебя – замораживать, – откликнулась Зоя. – Я тобой горжусь.

– Да ну...

Зоя приблизилась к девочке, вознесла над ней руки – ладонями вниз, сделала глубокий вдох. И еще. И еще. В ледяной корке появилась трещина. Когда от Зоиных рук повалил пар, Захар повернулся и двинулся на слабый сигнал.

Каркаладилият он нашел быстро. Действительно, недалеко спрятаны были. Только совсем малы, потому и тянет от них еле различимо.

«Малы-то малы, – думал Захар, глядя на детенышей, – а гадки – хуже некуда. Мы, зюзи, тоже не подарок, да и какую нечисть ни возьми – она нечисть и есть. Но вот это, – он еще раз просканировал приплод, – даже для нас слишком. Права Зойка – ошибка Высших».

С джином бы про это потолковать... Джинны – они не то чтобы Высшие, но и не мы... А может, и Высшие... Павшие какие-нибудь... О джинах мало что известно...

Ладно, это все потом. А сейчас – зачистка. Тварь, конечно, сильно пострадала в бою, она испугана и бежала очертя голову, но рано или поздно опомнится. И инстинкт приведет ее сюда, к потомству. Причем скоро, самое позднее – завтра. За это время каркаладилията сами не

сдохнут, и родитель их выкормит, вырастит, выпустит в мир.

Захар содрогнулся. Припомнился фрагмент из рассказа учителя: каркаладилы обожают селиться в кровавых застенках, в пыточных, в тайных тюрьмах. И если появится где это мерзкое создание, то домовый, какой бы он ни был толстокожий – а в таких зданиях домовые только толстокожие и обитают, – уходит без оглядки.

Шесть гаденышей... Впрочем, кажется, остаться должен один, остальных, кто слабее, родитель пожирает. Фу... Одного такого – тоже много.

Захар решительно вытянул руки. Сосредоточился. Начали.

Невидимо светящееся место, окруженное кустами, начало чернеть. Свернулись листья, пожухла трава. Пискнуло раз... другой... третий...

Захар добавил холода. Еще трижды пискнуло. Всё.

Он развернулся и побрел к Зое.

6

Злата приходит в себя. Первое, что она чувствует, – холод. Злата дрожит всем телом. Потом пытается вспомнить. Что-то страшное случилось с ней... или не случилось? Может, заснула и кошмар приснился?

Девочка осознаёт, что лежит на скользкой тропинке. Прямо в грязи. Лицом вниз. Она делает движение, тихо стонет, пытается встать. Тело слушается плохо.

Кто-то помогает ей. Руки прохладные, но это почему-то даже приятно. Женские руки, ласковые.

Злата кое-как поднимается.

Какая красивая тетя! На маму похожа... Злата молча плачет.

– Всё в порядке, – говорит тетя.

Голос добрый, хочется ей верить. И Злата верит.

– Вы кто? – спрашивает она, едва ворочая языком.

– Мое имя Зоя, – отвечает тетя. – А сейчас еще Захар придет. Тебя-то как зовут, Белоснежка?

– 3-з-злата, – говорит девочка.

Подходит незнакомый мужчина.

– Что, Захар? – спрашивает тетя Зоя.

Он мрачно кивает.

– А ты представляешь, – произносит тетя Зоя, – ее зовут Злата. Тоже на «зэ». Это судьба.

– Думаешь? – сомневается дядя Захар.

– Уверена. Посмотри на нее. Светлые волосы, светлые глаза. И имя на «зэ».

Дядя Захар долго смотрит на Злату. Потом закрывает глаза – но девочка чувствует, что по-прежнему смотрит.

– Пожалуй, – неохотно соглашается он. – Эх, перемены неожиданные...

– А я тебе говорю: судьба, – настойчиво произносит тетя Зоя.

Злата вдруг разражается рыданиями и утыкается тете Зое в живот.

– Не плачь, – говорит добрая красавица. – Все позади. Все твои беды позади. Фигурным катанием хочешь заниматься? Я тренер, а Захар лед делает...

– Мамочка... – всхлипывает Злата.

Взрослые переглядываются.

– Все ясно, – решается дядя Захар. – Наша. Слушай меня, Злата. – Он возлагает руку на голову девочки. Рука излучает свежесть. – Маму не вернешь. Но ты ее не забудешь, обещаю.

– Мы оба обещаем, – тихо добавляет тетя Зоя, обнимая худенькое тельце.

– Мы, Захар и Зоя Зорченковы, – продолжает дядя Захар, – берем на себя заботу о тебе. Ты любишь зиму? А мороженое любишь?

– Я на санках люблю, – шепчет Злата.

– Значит, все будет хорошо. Поверь.
Девочка робко кивает.
– Мы отведем тебя домой, – говорит тетя Зоя, – а завтра ты придешь во Дворец зимнего спорта. К двенадцати. Хорошо?
– Хорошо, – соглашается будущая новозюзя Злата.
– 3-3-3-3! – зудят провода.
– 3-3-3-3! – звенит мошकारа.
Все будет хорошо.

Глава 6

Песня дождя

Незаурядными, могучими людьми были наши предки. Не чета нам. Большого размаха люди. И в то же время – умели глубоко проникать в суть чего угодно, какой бы загадочной эта суть ни казалась. Даже в суть, казалось бы, совсем уж непознаваемых вещей – возвышенных или, наоборот, с нечистью связанных – и то проникали.

А как же! Без всего этого – без размаха, без проницательности, без... ну, понятно... – без этого разве отгрохает такую державу? Да чтоб потом ее же и развалить, и заново отгрохать! И еще! И еще!

Мы, конечно, не они. Но есть и у нас свои достоинства. В конце концов, на чьих плечах стоим?

Мы, так уж жизнь устроена, понимаем буквально все лучше, нежели предки. Потому что – наука. Двадцать первый век, между прочим.

Вот, к примеру, взять такой феномен, как двойники. Предки точно знали: столкнулся с двойником, посмотрел он на тебя – через окно там или из зеркала – все, труба. Одевайся в чистое, тапки белые не забудь, ложись, жди.

А вот каково самому-то двойнику за окном этим или, допустим, в зеркале – об этом предки как-то не задумывались. Но мы-то, проанализировав и даже, иногда, просинтезировав, понимаем: симметрия нерушима. Двойник на тебя глядит жутко, а ты – на двойника. И, ей-же-ей, ему – не легче...

1

Все вокруг бесило. Даже хуже – от всего вокруг просто тошнило. Буквально от всего.

Например, от текилы, поданной с солью и лаймом. От мысли о жадных негодях, придумавших идиотский ритуал – «лизни, сосни, кусни», а еще пуще – о сотнях миллионов быдлодебиллов, купившихся на этот собачий бред и даже не подозревающих, как потешаются над ними настоящие мексиканцы.

Федор соль с лаймом игнорировал – пил текилу, как пьют водку. Облегчения это, однако, не приносило. Наоборот – чем больше пил, тем чернее делалось на душе.

Стакан этот, плохо вымытый... И стол – чем они, суки, его вытирали?! Грязной тряпкой?! У-у, до чего ж поганый бар!

А публика, мама дорогая, что за рыла! Вон тех телок за соседним столиком – натурально, удавил бы. Вытаращились, профурсетки подержанные... Узнали, конечно. Подойти пока не решаются, хоть на том спасибо...

Впрочем, что уж душой кривить: в первую очередь Федора тошнило от самого себя. Бездарь, беспощадно и горько думал он. Неудачник, алкоголик, хам, тряпка. Отставная попрок-звезда, ага. Никому не нужная.

Плюс ко всему – а) нищесброд и б) импотент. Полтора года уже как импотент.

О первом догадывались многие – часто приходилось у кого попало просить займы. О втором знали единицы, причем исключительно женщины. Кое-кто из бывших любовниц. И

одна бывшая жена.

Впрочем, нет, знал еще один мужчина. Дня три как знал. Федор сидел на лавочке в безлюдном дворе, пил пиво, вот так же лелеял безнадежную тьму в душе. Пиво не лезло, и ночь надвигалась, но возвращаться в конуру, опостылевшую после ухода Анюты, не хотелось. Поэтому – сидел, пил, старался ни о чем не думать. Мимо нес свой нехитрый дворнический инвентарь азиат – таджик, киргиз, кто их разберет, – худощавый, лет сорока на вид. Остановился, взглянул на Федора – того аж обожгло почему-то, – спросил коротко: «Пьете, уважаемый?»

И Федора прорвало. Словно на исповеди. Вернее, на студенческой пьянке. Лет пятнадцать, наверное, с ним такого не бывало – чтобы раскрыться полностью. Он и сам не понимал толком, почему вывалил всю свою душевную муть этому гастарбайтеру. Наверное, потому, что невозможно было представить более чуждого, более постороннего человека. А может, и взгляд этот пронзительный сыграл роль... Да и выпитое... Как бы то ни было, присевший на корточки азиат, спокойный, непроницаемый, слушал не перебивая. А потом спросил: «Если бы вы, уважаемый, верили в чудеса, чего сильнее всего пожелали бы?»

Федор не раздумывал: «Чтобы, – с болью в голосе сказал он, – катилась она куда подальше, вся эта слава, которой к тому же больше нет! Чтобы сном оказалась вся эта мутотень! А вместо всего этого – чтобы дрын стоял... Все бы отдал...»

Азиат опустил веки, помедлил, кивнул будто сам себе, порылся в кармане, извлек оттуда что-то – Федор не разобрал, – поднес к губам руку с плотно сжатыми большим и указательным пальцами, разжал пальцы, несильно дунул. Снова прожег Федора взглядом угольно-черных глаз и тихо произнес, обращаясь уже на «ты»: «Спать иди. Проснешься – не пей».

Федор вдруг развеселился. Он пьяновато хохотнул, хлопнул по скамейке рядом с собой ладонью и сказал: «Алё! Аксакал! Или как тебя? О! Абрек! А давай вместе посидим! Угощаю!»

«Э, – спокойно ответил азиат. – Я не пью. Мне нельзя. Иди».

И Федор почему-то подчинился. Заснул, действительно, без проблем.

«Странная встреча, – подумал сейчас Федор. – А я кретин». Отвращение к самому себе переполняло его. В зеркало за спиной – дизайнер, тоже козел наверняка тот еще, сплошь увешал стены этого гнусного заведения зеркалами – боялся смотреть, потому что неудержимо хотелось туда плюнуть, а то и кулаком шарахнуть. А уж повстречай сам себя где-нибудь на улице – ох, отвел бы душу...

В детстве Федор часто фантазировал на тему встречи с самим собой. Только в другом ключе – с самим собой из будущего. Вот было бы здорово, мечтал он тогда! Допустим, завтра контрольная по алгебре. Ужас? Да ничего подобного! Потому что Федор-послезавтрашний расскажет Федору-накануне, какие там будут задачки. Класс? Класс! Или, скажем, Федор-через-несколько-лет предупредит себя-в-прошлом о чем-нибудь важном. Не ходить, например, тогда-то в такой-то двор, чтобы не побили. Не тратить время на такую-то девчонку. Видишь, скажет, вон ту, курносую? Вот ее можешь смело кадрить, а на такую-то и еще такую-то плюнь – бесполезно.

И много еще чего в том же духе. Федор жалел в те времена, что это не более чем фантазии... Теперь же скорее радовался: при такой встрече, хоть с прошлым собой, хоть с будущим, мордобоя не миновать. Как русского бунта, бессмысленного и... ну, известное дело.

Телки за другим столиком всё таращили на него глаза. Узнали, теперь не верят своему счастью. Дуры.

Когда-то вокруг Федора роились истеричные поклонницы. Караулили у подъезда, орали по ночам под окнами, безобразно дрались между собой, заваливали кумира письмами с признаниями в любви, угрозами покончить с собой, безумными требованиями дать денег на якобы его ребенка. Федор по-настоящему боялся этих сумасшедших. Не столько за себя боялся, сколько за Анютку. Однако охраной так и не обзавелся, даже на пике славы.

Продюсер, жмот толстомясый, денег на охрану жалел, а у самого Федора они, деньги, никогда не задерживались. Какая там охрана, на такси иногда не хватало.

То, что звезды шоу-бизнеса купаются в богатстве, – миф. То есть, конечно, люди самого первого ранга – это да. А уж коли с коммерческой жилкой... Алла Борисовна, например. Или Иосиф Давыдович. Ну, тут, впрочем, дело вообще особое. Андрей Вадимович тоже бедствовать не будет, еще есть некоторые...

А Федор – что? При всей бешеной популярности к первому ряду он никак не принадлежал – хорошо, если к третьему. Зарабатывал, правда, неплохо, но счет деньгам никогда не вел и удерживать их не умел. Бесконечные попойки, да какие! Уж если шампанское – то исключительно «Кристалль»; если водка – только «Серый гусь»; если вино – «Романе-Конти», по пять штук баксов за бутылку... Чтоб тебя... И кстати, бабы бесчисленные – тоже самого высшего пошиба. По крайней мере, так казалось... Боже, как Анюта злилась, как психовала!

А деньги улетали. Плюс – игра. Все время мерещилось – вот-вот отыграется! Где там... Только влезал в яму эту глубже и глубже.

И вот он, общий итог: опустился, пьет, денег нет, семьи нет, потенции нет, живет в убогом спальном районе – большую квартиру в великолепном месте, рядом с Донским монастырем, пришлось продать, чтобы долги выплатить, остатка только на эту халабуду и хватило. Машины – и той нет. Впрочем, какая машина – пьяный все время...

И слава ушла. Хотя это, может, к лучшему. Годы известности вспоминались как непрекращающийся кошмар, липкий, истерический. Словно бы не с ним, не с Федором, все это происходило.

Но – миновало. Схлынуло. Узнавали его теперь на улицах все реже. Поклонники, девки, иногда еще дети...

Дурочки за соседним столиком все смотрели, шушукались между собой, хихикали. Если повнимательнее присмотреться – не такие уж и подержанные, не такие уж и профурсетки. Вполне даже приятные.

От нечего делать (все лучше, чем в душонке прогнившей копаться) Федор стал играть с телками в гляделки. Одна, в коротенькой юбчонке и босоножках со сложной, до колен, шнуровкой, вела себя немного скромнее, другая, в джинсах и футболке, тарасилась без малейшего стеснения. Стройная, хорошенькая. С легкой наглечой. Федору всегда нравилась в женщинах этакая бойкость. С такими раскованными, как правило, комфортно. И чувство юмора у них обычно на высоте.

Только вот зачем ему сейчас эта девка? Да и любая другая... Вот вопрос... Где ж ты, ласточка, порхала полтора года назад?

Федор сдался, подмигнул. Бойкая рассмеялась. С тем, чтобы подойти к его столику, медлить не стала.

– Здрасте! – сказала она. – Извините, а вы ведь – тот самый?

Федор кивнул.

– Ой, надо же! А мы все думаем – вы, не вы?

– Да вы присаживайтесь, – предложил Федор. – И подругу приглашайте.

Раскованную звали Наташей, стеснительную Любой. Пришлось заказать девушкам по martini.

– Ну что, девчонки, – лихо провозгласил Федор (в душе все содрогнулось от нелепости происходящего), – давайте за знакомство! А по автографу хотите?

Конечно, они хотели. У стеснительной Любы в сумочке даже блокнотик обнаружился. Где Федор и оставил витиеватую подпись. А вот у Наташи блокнота не было.

– Пустяки! – улыбнулся Федор. – Сейчас изобразим!

Он позвал официанта, попросил маркер. Официант, тоже, похоже, узнавший Федора, принес. Федор задрал на девушке футболку – высоко, до самой груди. И размашисто расписался на животе поклонницы.

На Наташу этот трюк явно произвел впечатление, хотя на самом деле относился к числу

пошлейших. Один из самых простых фокусов, освоенный еще на заре карьеры, верный способ затащить девчонку в постель. Но, спрашивается, зачем ему это – сейчас?

Странно, но факт: жена ушла от Федора, когда у него с этим делом еще не было проблем. А импотентом он стал практически сразу, через несколько дней. Заколдовала его, что ли, Анютка? Подарочек на прощание, так сказать... А что, очень даже может быть... Еще Гоголь говорил: уси жинки трошки ведьмы...

– Теперь я неделю мыться не буду, – сообщила Наташа, все еще взволнованная.

– Это правильно, – одобрил Федор.

Он закурил. Девчонки хихикнули, переглянулись.

– А почему вас по телевизору давно не показывают? – спросила Люба.

– Ну, как-то, знаете... – замялся Федор. – В общем, надоели они мне! Хотя вот на следующей неделе будут показывать. Уговорили все-таки... Очень просили...

– Ух ты! – воскликнула Наташа. – А по какому каналу?

Федор действительно должен был явиться публике в одном игровом шоу. На съемки, два месяца назад, он, помнится, пришел уже подшофе. Морщила носик молоденькая певица Лора Челль (по паспорту – Лариса Щель, для всех в мире шоу-бизнеса – Щелка). И не даром морщила: пивом от Федора несло невыносимо. Потом Федор что-то говорил невпопад, приводя режиссера в бешенство. Перед самой рекламной паузой выхватил у ассистента табличку с названием шоу, сплясал с ней нечто вроде чудовищного гопака. Осатаневший режиссер отказался перезаписывать эпизод. Федор плюнул в его сторону, сделал непристойный жест в адрес Щелки, демонстративно обмахивавшейся каким-то буклетом, и ломанулся к выходу. Семенивший рядом с ним администратор – педерастической внешности парнишка – причитал трясущимися губами: «Ой, мамочки! Да как же это? Что же вы так-то?»

Федор хотел было дать ему по шее, но отчего-то пожалел бедолагу.

И вот этот вот кошмар стоит в программе на следующую среду. Скорее всего, правда, без участия Федора. Вырезали, наверное, погаными, так сказать, ножницами. И слава богу! Денег вот только не заплатят. А деньги быгодились... Но позорище-то...

– Нет, – мотнул он головой, – не надо вам этого смотреть, девчонки! Я и сам не стану, гори оно все ясным пламенем! Неудачная съемка получилась.

Подруги захихикали.

Федору вспомнилось, как совсем недавно довелось ему мелькнуть на первых кнопках. Выходила замуж светская дива. На роскошную церемонию, в ресторан пафосного отеля Федора позвали как живую легенду. Оказывается, и невеста и жених (прожженный толстожопый буржуй, клейма ставить негде) в свое время плакали от его, Федора, песен. Особенно от той, которая про дождь. «По крышам зарядил, всю душу промочил, потом перевернул... Дождь...» Поется с переборчиком, козлиным голосом. Аккомпанемент – три блатных аккорда.

Федор пришел на свадьбу со спутницей – милой, провинциальной, безмозглой солисткой группы «Пупсики». Девочка, согласно тайному продюсерскому замыслу, якобы появилась в жизни Федора после разрыва с женой.

То ли для раскрутки «Пупсиков» это требовалось, то ли для реанимации самого Федора, но его вся история корбила. Унизительной казалась. Пусть он не Вадимыч и не Юлианыч, но все-таки – не чета каким-то там «Пупсикам».

Обстоятельства, однако, заставили согласиться. Столичная публика вяло любопытствовала: седина в бороду поп-рок-динозавру? Шалит? М-да... Этим интриги продюсеров и закончились. А Федор, по инерции, должно быть, продолжал свои странные и безжизненные отношения с силиконовой девушкой. Об их якобы романе даже писала иногда желтая пресса. Анюта, естественно осведомленная обо всем, потом звонила ему: «Какое же ты, Федя, чмо все-таки».

И вот на той помпезной свадьбе он засветился-таки перед камерами. Секунду-другую его даже показывали крупным планом, вместе с силиконовым пупсиком. Теперь, по словам

продюсера, следовало ждать всплеска приглашений на корпоративы.

А вы говорите, девоньки, по телевизору не показывают...

2

Вспоминая, Федор замолчал, ушел в себя. Девчонки пошушукались, похихикали о своем. Наташа вдруг спросила:

– А вы, Федор, наверное, сидели, песенку новую сочиняли? А мы вас отвлекаем?

– Да нет же! – искренне удивился Федор. – С чего вы это взяли?

– Ну как! Вы же такой задумчивый, сосредоточенный сидели...

– Чтобы ты, Наташа, знала, – мягко сказал Федор, – песенка я не сочиняю уже десять лет.

– Ни фиги себе! – с милой непосредственностью воскликнула девушка. – А почему?

– Почему? Есть одна история, – усмехнулся Федор. – Что, рассказать?

– Ой, пожалуйста! Расскажите! – Люба даже перестала стесняться, захлопала в ладоши.

– Короче, история такая. Жил да был один мальчик. Звали его – Федя.

– Как вас! – проницательно заметила Люба.

Да, подумал Федор, эта умом не блещет. И шнуровка эта идиотская на ногах... Так что и со вкусом – тоже беда. Подруга-то ее во всех отношениях поинтереснее будет...

– Как меня, – подтвердил Федор. – Ну, значит, молодость, сил девать некуда, дурная энергия – через край. И умел этот Федя бренчать на гитаре. Очень-очень плохо умел, ужас один! Однако шила в жо... э-э-э... в заднице не утаишь, и кололось это самое шило страшно, и башню Федину не по-детски сносило на предмет – угадайте, дети, на какой? Правильно: стать рок-звездой! Как битлы, как Джимми Хендрикс, как Эрик Клэптон! А если кто скажет, – Федор вдруг зверски оскалился, – как, на худой конец, Розенбаум, то быть такому умнику самому с худым концом!

Люба, очевидным образом потерявшая нить рассказа, широко зевнула. Федор решил вернуться к сути:

– Он, конечно, пытался сочинять песни. Песни не сочинялись. Федя терзал гитару и так и этак, и даже вот эдак. – Федор забросил руки за спину, сделал вид, что действительно пытается играть на музыкальном инструменте.

Девушки рассмеялись. Внимание было восстановлено.

– И однажды, сдуру и спьяну, этот мальчик сочинил песенку. На примитивнейших аккордах. С первыми же попавшимися словами – не наболевшими, не выстрадавшими, а так – мусорными. Это была песенка про дождь. Может, вы ее и знаете. Под дешевый переборчик поется, козлиным голосом...

– «По крышам зарядил, всю душу промочил, потом перевернул... Дождь...» – задумчиво процитировала Наташа вполголоса. Слух, между прочим, у девчонки есть, отметил про себя Федор. И тембр приятный. Ей-богу, симпатичная какая девка!

– Именно! Это, милые вы мои, не песня, а убожество. Пиз... пардон, кошмар, я хотел сказать, верх бездарности, предел безвкусицы. Федя потом еще немало песен написал, так вот «Дождь» – худшая из всех. А он, дурак, нет чтобы выкинуть это позорище из головы – спел ее на следующий день друзьям. А им понравилось! И если бы только им! Многим понравилось! Стали Федю на концерты приглашать, студии предоставлять для записи, диски выпускать, в эфире крутить. Прославился Федя, дурило гречневое.

Федор перевел дух, махнул официанту – повторить, мол, все.

– А дальше? – спросила Наташа.

– Дальше... – отозвался Федор, махнув текилы. – Дальше наклонная плоскость. После сотого исполнения Федя начал догадываться: что-то не так. После двухсотого понял, что «Дождь» ему надоел хуже горькой редьки. После пятисотого – возненавидел. Он ведь сочинял новые песни, несравнимые с этим говном про дождь, а никому от него ничего другого не нужно было. «Дождь!» «Дождь» давай! Спой про дождь, Федюня!» Тьфу, чтоб вы

все сдохли! Это я не вам, девчонки...

– Вы не кокетничаете? – тихо спросила Наташа. – Правда считаете эту песню говном?

– Чего ради мне с вами кокетничать! – отмахнулся Федор. – Отвратительное, вонючее говно. Пожалуй, только в этом и достоинство «Дождя»: большего говна никому не написать! – Он пьяно засмеялся. – Песня-говночемпион!

– Может, вы и правы, – сочувственно улыбнулась Наташа.

Федору захотелось рухнуть перед этой девушкой на колени, прижаться лицом к ее джинсовым бедрам, заплакать. С трудом, но удержался.

– Вас заставляли ее петь?

– Если бы только это! – прорычал он. – Ее, например, крутили по радио, когда Федя просыпался после пьянок. Похмелье, голова трещит, во рту гадостно, тошнит, умереть хочется – так на, дорогой, получи еще свой же поганый «Дождь»! И не выключишь – из соседних окон звучит! У-у-у! – Федор обхватил голову, покачался на стуле. – Слыхали про такую средневековую пытку – водой? Вот тут было так же! Пытка дождем! А за что?! Вот правда, за что?! Ну, высрал один раз такое говно, так забудьте! Он же, Федя, учился: на гитаре круто играть учился, новые песни сочинял, настоящие...

– Только, выходит, не получилось у вас ничего, – брякнула вдруг Люба.

Треснуть ей, что ли, пепельницей по башке, подумал Федор. Вот же дура! И сама, видать, из таких же, из «дождепоклонниц». И не слушает ни хрена. Впрочем, где уж ей слушать – скромная-то скромная, а мартини вон как лакает... Сукой буду, нарвется она когда-нибудь на менее терпеливого, чем он, Федор...

– У меня, девочка, получилось! – объявил он, сверля Любу взглядом. – Каждая моя новая песня была лучше этой примитивной мерзости. Каждая! Я брал новые высоты, ко мне приходило вдохновение, я ставил на каждую мелодию осмысленный, хороший текст, понимаешь? Я прыгал до потолка от радости, когда у меня получалось...

Он уже рассказывал от первого лица.

– Только вот публика так не считала, – завершал рассказ Федор. – Как я ни старался, они требовали только этот трижды гребанный «Дождь». А суки критики писали в своих статейках что-то типа того, что артисту не удалось преодолеть планку, поставленную им самим в начале карьеры.

– И вы бросили писать, – задумчиво сказала Наташа.

– Точно, – подтвердил Федор. – Бросил! Да подавитесь вы этим «Дождем», решил я! И с тех пор... даже не знаю... успокоился немного... живу вот...

– Жалко, – проговорила Наташа. – По-моему, вы сдались.

...Они еще немного посидели вместе. Федор не знал, рассчитывали девушки на что-то или нет, да и не очень беспокоился об этом. Слушать его они стали плохо, а ушли и вовсе невежливо – в самый разгар лекции «О происхождении в России говнорока». Просто встали на полуслове и ушли. К парням каким-то подсели.

После этого Федор не стал задерживаться. Выпил еще пятьдесят текилы, расплатился и побрел в сторону дома.

...В какой-то момент пришла мысль, что, пожалуй, не мешало бы добавить. В уличной палатке он купил себе банку джина с тоником. Поплелся дальше.

Откуда-то со стороны скверика донеслось пение под гитару. Странно. Уличный певец здесь, в Новокузине? Что ж, послушаем, решил Федор, делать-то все равно нечего.

Музыкант оказался немолод, нетрезв, нечесан. Голос, манера исполнения удивительно напоминали Федору его собственные. Поет, конечно, так себе. Мягко выражаясь... Играет еще сносно, но пение...

В стоявшем перед певцом гитарном чехле валялось несколько десятирублевых купюр вперемешку с мелочью. Публика – юные гопники, несколько парочек – похохатывала, посасывала пиво.

Остановившись немного поодаль, Федор рассматривал певца и улавливал в нем неприятное сходство с самим собой. Почему-то это пугало.

Гитарист пел весь доступный уличным музыкантам репертуар: «Чайфов», «Сплинов», БГ, Летова. Федор уже допил, хотел уходить. Как вдруг зазвучало что-то странное.

Гитара задребезжала нарочито неказистыми, неумелыми аккордами. И раздались слова, которые появились на свет в голове Федора много-много лет назад.

Жил-был бабник,
Теперь он – импотент.
Жил-был убийца.
А теперь он...

– ...мент, – ошарашенно заключил Федор.

Этого просто не могло быть. Федор сочинил эту песню в незапамятные времена, никогда нигде не исполнял, тем более не записывал. Знать ее не мог никто. Даже пацаны из группы тогда сказали: «Шел бы ты, Федька, в жопу с такими песнями!» Видимо, и сейчас публика считала так же. Люди разошлись.

Федор присел на скамейку напротив певца, спросил:

– То, что ты сейчас пел... Дурацкая такая песня... Ты откуда ее знаешь?

– Сочинил, вот и знаю, – усмехнулся музыкант.

– Э, дружище, – погрозил пальцем Федор, – ты это брось! Ее не ты сочинил, ее я сочинил, понял?

Он ожидал какого угодно ответа. Кроме того, который прозвучал:

– А я и есть – ты. И взаимно наоборот.

– Что?! – отпрянул Федор.

– Что слышал, – буркнул певец. – Я знал, что ты придешь.

– Что?! – повторил Федор севшим голосом.

– Хватит «штокать», – ухмыльнулся гитарист. – Я тебя ждал. Ты меня – нет, ну и что? Давай выпьем. Неужели не угостишь?

3

Легко сказать «угости». Интересно, где? Нет, кабаков-то кругом полно, только в приличном месте с таким чучелом – уличный музыкант выглядел едва ли не бомжом – показываться не хотелось. Есть еще молодежный клуб под дурацким названием «Клубок» – там, конечно, всем по барабану, кто как выглядит. Зато публика в этом «Клубке»... Ну ее. Придется через шоссе перебраться. Там уже другой район и даже не Москва – область. Две минуты ходу – и вот дешевая пиццерия с растяжкой над входом: «27 часов в сутки!» Почему двадцать семь?! Впрочем, ладно, пицца стандартная, водка тоже...

Шли молча, и Федор пытался разобраться в неприятном, скребущем каком-то чувстве, легшем на душу. Он припомнил, что читал когда-то, а может, кто рассказывал: мол, встреча с двойником, с собственной своей копией, предвещает скорую смерть. С двойником, дескать, кто только не сталкивался: и Моцарт, и Паганини, и Джим Моррисон, и Элвис, и чуть ли не Джон Кеннеди.

Вообще-то неплохая компания. Даже если сегодняшняя встреча – дурной знак, приятно полелеять иллюзию, что там, высоко, где все судьбы расписаны и сочтены, его, Федора, возможно, все-таки ценят. Уделяют, так сказать, внимание.

Потом переключился на более материальное. Аферисты? А что, прикидывал он, нашли кого-то похожего... С какой целью – обобрать? Короче, надо держать ухо востро, хотя и накачался текилы. А с другой стороны, возразил Федор сам себе, много ли у него возьмешь? Да и потом, к чему такие сложности? Куда как проще отловить жертву где-нибудь... в парке, например... ну, далее понятно... Нет, не сходится...

Пришли, сели. Лениво подплыла толстая официантка.

– Слушаю вас, – равнодушно сказал она.

Хорошо, что именно сюда пришли, подумал Федор. В другом месте еще неизвестно, обслужили бы двух странных посетителей, похожих, как братья-близнецы, только один – пьяный, а другой – трезвый, но как из помойки.

– Водки, – нервно сказал Федор. – Пол-литра. И по пицце. С колбасками там какими-нибудь. – Он посмотрел на двойника: – Пиццу будешь?

– Буду, – с не очень понятной злостью произнес двойник.

– Еще что-нибудь? – обиженным почему-то тоном спросила официантка.

– Красавица, – сказал Федор. – Ко мне брат из Тамбова приехал. В передрыгу попал, не ел сутки. И поговорить нам хочется. Неси, солнце мое, что заказано, а там видно будет, о'кей? Давай, миленькая, давай!

Официантка сделала совсем постное лицо и удалилась – демонстративно медленно.

– Ну, – начал Федор, – и как же мне тебя называть?

– А мне тебя как? – В интонации двойника явственно слышалась агрессивность. Притом, похоже, отрететированная. Перед зеркалом, наверное.

Федор наконец решился поднять взгляд. В глазах собеседника соседствовали злоба и какое-то безумное, горькое торжество. Бывает так: каркал, звал беду на свою голову, и – накаркал, накликал. Беда она беда и есть, а все равно: фоном – парадоксальное, горькое удовлетворение.

«Тьфу, пропасть! – До Федора вдруг дошло. – Псих! Всего-то и делов!»

Ну да, этим все объяснялось. Ровесник Федора, обнаружил, что похож, очень даже похож, стал это сходство культивировать, принялся копировать манеры оригинала, петь, играть на гитаре. И в конце концов – снос башни. Двойник на полном серьезе возомнил себя Федором. Бедняга... Не исключено, в дурдоме побывал. Вон выглядит как... Смешно: пять Наполеонов, три прокурора, один Федор...

Так. Все сходится. Осталось понять, откуда ту песенку знает? Ну, мало ли... Скорее всего, на концерте каком-нибудь Федор сам и исполнил ее все-таки, в акустике, спьяну. Пил-то семь-восемь лет назад ой-ой-ой как, поди вспомни, что выделял на этих концертах... Да, вполне возможно.

Ну вот. А кто-нибудь записал. Возможно, безумный двойник и записал.

Короче, все ясно. Сейчас Федор сообщит психу, что хочет в туалет, и сбежит! Да, официантку не забыть в сторонку отозвать, расплатиться...

Немного жалко чувака, конечно, но, известное дело: своя рубашка...

Федор встал из-за стола, погасил сигарету в пепельнице.

– Ты посиди, я в туалет схожу.

– Сбежать от меня хочешь, – с веселой укоризной констатировал двойник. – Сумасшедшим считаешь. Подожди, покажу кое-что, а там уж решай...

– Эх! – воскликнул Федор, немного даже обрадовавшись тому, что игра пошла начистоту. – Давай показывай!

Двойник полез во внутренний карман рваной своей куртки, достал оттуда замусоленное свидетельство о рождении. Раскрыл, придвинул Федору.

А вот это, подумал Федор, уже нокаут, как говорят боксеры. Или туше, как говорят борцы. Трындец, короче.

Бумага явно подлинная. Фактура, водяные знаки, печать. Имя, отчество, фамилия – его, Федора. Дата рождения, место рождения – его же. Мать, отец – всё его.

Только вот свое собственное свидетельство он сжег. Полтора года назад, когда Анюта ушла. Депрессия навалилась свирепая, попытался ее алкоголем снять, только усугубил и в пьяной тоске принялся старые фотографии жечь. Всё, всё, всю жизнь никчемную – в огонь! Вытащил из ящичков, свалил кучей в сортире. Плакал, жег и пепел в унитаз спускал. Мамину только карточку оставил, где она молодая совсем, – рука дрогнула. А все остальное – безжалостно! Ну и метрика его в куче почему-то оказалась...

– Ничего не понимаю, – сердито сказал Федор. – Ну, давай дальше.

– На вот, еще паспорт посмотри.

Федор посмотрел.

– Паспорт не мой, – сварливо заявил он. – ФИО совпадает, дата, место рождения тоже, но это не мой паспорт.

– Не твой-то не твой. Только ты его полистай, – сказал двойник. – Может, чего интересного найдешь.

– Я что, мент, что ли? – буркнул Федор.

Но паспорт пролистал. Прописка. Улица Газгольдерная. Семейное положение. Зарегистрирован брак с Чоховой Мариной Сергеевной. Дети. Егор, двухтысячного года рождения.

– И что? – спросил Федор.

– А ты глянь, – ухмыльнулся двойник, – я туда еще ксерокопию одну вложил. Сохранилась, понимаешь, со старых времен...

Федор развернул замызганный листок. Дмитриенко Анна Викторовна. Анюта... Зарегистрирован брак – ну да, с ним, с Федором, только штампа о разводе нет. Дети – Татьяна, девяносто четвертого.

Что-то Федор уже потерял способность удивляться.

– Вообще-то, – сообщил он, – это моя бывшая жена.

– Моя тоже, – осклабился двойник.

– Ничего не понимаю, – беспомощно повторил Федор. – Хватит уже этого цирка! Объясняй давай!

– А ты до сих пор не понял? Ну перестань же себя обманывать! Все ты понял! Все просто: я и есть ты. А ты и есть я. И между прочим, жена у нас, первая, с тобою одна и та же. Дети вот исключительно мои. К тебе отношения не имеют. Но это частности.

– Бред собачий, – пробормотал Федор. – Чушь свинячья.

Однако разумного объяснения увиденному не находил.

«Объяснение может быть только одно, – подумал Федор. – Это не он сумасшедший. Это я сумасшедший. Впрочем, он, возможно, тоже, но это к делу не относится».

– Тра-ля-ля-ля-ля, – вспомнив мультфильм про Карлсона, сказал он официантке, принесшей наконец водку и пиццу. – Я сошла с ума.

Толстуха вопросительно посмотрела на двойника.

– Все путем, – заверил тот. – Братишка у меня веселый мужик. Не пугай девушку, Федь!

Официантка, пожав плечами, ушла.

– Ну, что дальше? – бросил Федор.

– А дальше – давай выпьем, что ли. За встречу. Тост в самую точку.

– Да уж...

Выпили, закусили пиццей.

– А теперь, – сказал двойник, – будем пить, а я тебе расскажу о себе.

– Да уж будь любезен...

– Начну с того, – проговорил двойник, – что я не псих и не маньяк. И ты не псих, даже не думай. Выслушай, просто выслушай, и, клянусь, ты меня никогда больше не увидишь.

Что ж, подумал Федор, спасибо и на том. И стал слушать.

4

Двойник появился на свет в тот же самый день, в той же самой семье. Отец работал юрисконсультом на заводе, мама – закройщицей в ателье.

Отец изменял матери. Узнав об этом, она закрыла окна и двери, включила на кухне газ...

У Феде был брат, старший. Бил и издевался. Не так, как бывает у братьев, а – с патологией. Чуть более жестоко, чем надо.

В школе у Феде сменилось несколько кличек, среди них две обидных.

Федя крал деньги у соседки Нелли Михайловны. Она откладывала от пенсии в

небольшую шкатулку, стоявшую на книжной полке, перед собранием сочинений Жорж Санд. Шкатулку соседка запирать иногда забывала, и Федя, рассматривавший книги, не мог не заметить, что там лежат деньги. Да, основной интерес Феде составляли книги: Дюма, Стивенсон, Джек Лондон... Но не только. Рубли, трешки в шкатулке – тоже. Четыре раза он брал деньги. Конечно же было стыдно. И он обещал самому себе больше никогда-никогда так не поступать. Но поступал. Федор так и не узнал, заметила ли что-нибудь Нелли Михайловна. Во всяком случае, она никому ничего не говорила.

– Пока что, – сказал вдруг Федор, – я ничего нового не услышал.

– Услышишь, – усмехнулся двойник.

Он рассказывал уже о временах строительного института, где Федор впервые стал играть в группе. Который бросил, недоучившись, но обрета при этом – нет, не призвание и не ремесло... скорее понимание того, что можно зарабатывать на жизнь и без всей этой строительной лабуды, а просто занимаясь любимым делом. А еще – в институте он познакомился с Анютой.

Пока двойник рассказывал, Федор пропустил внеочередную рюмашку. Чем быстрее водка кончится, тем лучше.

В голову пришла дикая мысль: все это – розыгрыш. То есть не просто розыгрыш, а – «Розыгрыш». Передача такая, где на потребу публике разыгрывают лоховатых второстепенных звезд. Валдис Пельш, что ли, ведет ее. Федор огляделся. Бред. В этой обшарпанной пиццерии? И вообще, нет никого, одни они. А самое главное – не объясняет это ни воскресшего из пепла свидетельства о рождении, ни одной и той же жены, ничего не объясняет...

Двойник все продолжал свою повесть, не открывая Федору ничего нового. Уже дошел до свадьбы. Рассказал о том, что Федор велел Ане не думать о детях, пока он не встанет на ноги.

Федору захотелось дать ему по физиономии. Просто так. Но чтобы больно.

– А теперь переходим к главному, – объявил двойник. – Помнишь, Федор, как ты сочинил эту свою знаменитую песню, которая про дождь? Ведь помнишь? Может, расскажешь?

– А пошел-ка ты на хер, – сказал Федор.

– Имей в виду, в драке я сильнее, – предупредил двойник.

– Да? С чего бы это? То у тебя ты – это я, а я – это ты, то ты почему-то сильнее.

– Правильно, сильнее. Потому что мы все-таки разные с тобой. Един, так сказать, в двух лицах, а лица... ну, не совсем одинаковые. Одним словом, есть штрихи в биографии. В тюрьме мне кантоваться довелось. И на зоне. Там без силы не выжить. Можешь не сомневаться – если что, в драке я тебя на раз уделаю.

– Стало быть, мое второе «я» – уголовник. Так, что ли?

– Думай что хочешь. Но на самом деле – нет.

– А сел за что же?

– Потом, – махнул рукой двойник. – Сначала ты, про «Дождь».

– Здравствуйте, пожалуйста! – возмутился Федор. – Все ты про меня знаешь, изнутри знаешь, все мое твоё, все твоё мое... ну, кроме детей, само собой... значит, и «Дождь» твой! Что, нечем крыть?

– Опять тебя понесло, – покачал головой двойник. – Эту песню написал не я. Ее ты написал. Только ты, понял?

– Слушай, – сказал Федор. – Я устал. День такой какой-то... И выпил порядочно. – Он суетливо наполнил рюмки, молча опрокинул свою, закусывать не стал.

Двойник рюмку проигнорировал.

– Вот видишь? Пью! Так что кончай выпендриваться и объясняй дальше. А не хочешь – я пойду.

– В общем, – вздохнул двойник, – я тем вечером лег спать. И ничего не сочинил.

– Ну и?.. – Федор потряс головой, пытаясь очистить ее от тумана. А ведь, мелькнула

мысль, не врет...

– «Ну и!» – передразнил двойник. – Все ты уже понял. И все просто: той ночью, как поют в романсах, наши дороги разошлись. Я – выпил и пошел спать. А ты – выпил и написал песенку. С тех пор мы стали отдельными. Ну, дошло? Вспоминай, вспоминай!

5

Федор вспоминал. Казалось бы, ночь как ночь, ничего особенного. Ан нет...

Он тогда подрабатывал ночным сторожем на автобазе. В ту ночь, едва успев заступить на вахту, ощутил какую-то сверхъестественную усталость. Вроде бы выпил перед тем больше обычного. Невыносимо тянуло на раскладушку, и – чтобы отключиться. Переборол из упрямства хмельного. Нас не сломить, сказал он сам себе! Решил было добавить – за «огнетушителем» дешевого вермута сбегать. Но не побегал – не из чувства долга (вот еще!), не потому, что ноги не держали (нормально держали, нечего тут!), а просто по лени. И под дождь не хотелось.

А еще, вспоминал Федор, казалось ему: сейчас заснешь – пропустишь что-то важное, что-то ключевое в жизни. Странное такое ощущение, как на излете детства, когда ждешь Деда Мороза, и знаешь, что это всего лишь папа, подвыпивший уже, с наклеенной бородой и в красном балахоне. Знаешь – а все равно смутно и светло ждешь чуда, до последнего ждешь.

Но чуда не случилось. Ни тогда, в конце детства – видно, минули времена чудес, – ни в эту ночь на автобазе. Ничего не произошло, кроме появления на свет дурацкого мотивчика с мусорными словами. Закемарил Федор только под утро.

– Ну, вспомнил? – В глазах двойника горела яркая, как у фанатичного сектанта, уверенность. – Вот тогда мы с тобой и разделились. Разошлись по параллельным реальностям, понимаешь?

– Не очень, – признался Федор. Помолчал немного. – Так нас двое, что ли?

– Не знаю, – ответил двойник. – Может быть, двое. А может, и больше. Но мне известно, что, когда я пошел спать, нас *стало* двое. Я с тех пор живу в своей реальности. Ты – в своей. Тебе повезло. Мне – нет. Я – это ты, сделавший в своей жизни неправильный выбор. А ты – это я, которому повезло. Ну, въехал наконец?

– Въехал, – сказал Федор. – Всосал. Только поверить в эту херню, извини, трудновато. Да, вот еще что: сам-то ты как сюда попал, бродяга? Каким ветром? Как меня разыскал?

– Дверь нашел, – объяснил двойник. – Здесь рядом. Обыкновенная железная дверь. Приехал сюда, в Новокузино то есть, у родственников жены денег занять. И тут – дворник. Узбек, что ли...

– Дворник?

Федор вспомнил того гастарбайтера, которому спьяну изливал душу. Чертовщина... Налил еще, махнул, не ощущая вкуса.

– Ну да, – продолжал двойник. – Я иду, а он из подсобки диван какой-то вытаскивает. Помогите, говорит, уважаемый, совсем застрял проклятый мебель-шмебель, чтоб его мамудохлый ишак полюбил. Ну, смешно стало, дай, думаю, выручу. А он так дверь за моей спиной – рраз! – и закрыл. С той, как говорится, стороны. Темно, страшно, между прочим... И нечего ржать! Не вижу ничего, а вот слышу отчетливо, как он там, снаружи, бормочет что-то. То есть отчетливо-то отчетливо, а непонятно ни хрена – по-своему бормочет. Вдруг смотрю – свет! И еще одна дверь передо мной. Распахнутая. И коридор за ней. Ага, думаю, вовремя ты распахнулась, сейчас с другой стороны выйду – устрою мудаку веселую жизнь!

Он перевел дух. Федор молчал.

– Короче, откуда я вошел, туда и вышел. И никого. Ни чурки, ни дивана. В подсобку заглянул – нету там никакой второй двери. Подсобка и подсобка. Хлам всякий, метлы, тачки, лопаты.

– Научная фантастика, – проговорил Федор. – Давай, гони дальше. Закончишь – и разойдемся, как в море корабли. – Он пьяно гыгыкнул. – Поскорее бы, а то уж немогогу.

Завтра проснусь – и ничего этого нет... – мечтательно добавил он.

– Утешай себя, ага... Слушай дальше. Я стою, обалдел, конечно. Двор – вроде бы тот, а вроде бы и нет, чем-то отличается. Детский городок какой-то не такой. Дом вдали свежепокрашен. Помойка чуток по-другому стоит. Вот ты – что бы сделал на моем месте?

– А то не знаешь... – буркнул Федор. – Выпил бы. Голову чтобы прояснить.

– Правильно, – засмеялся двойник. – Надо, думаю, пивка... На улицу выхожу – мама дорогая! Та самая улица, знакомая, а киоск с пивом не там, стоит, где стоял, а через дорогу. Я вспотел аж...

Он схватил рюмку и выпил одним глотком – «Совершенно мой жест», – машинально отметил Федор.

– Ну, – продолжил двойник, – брожу, значит, по району. И вроде мой город, а вроде и нет. И думаю: не иначе как сместилось что-то... то ли в голове у меня, то ли во Вселенной.

– Кого-то из двух спасти надо, – мрачно пошутил Федор и потрогал свою голову.

– Вот-вот, – серьезно ответил двойник. – Надо, думаю, телевизор посмотреть. Вдруг там как-то объяснят? Вдруг, скажут... ну, не знаю... инопланетяне...

– Или динозавры, – снова сострил Федор.

– Зашел в «М-видео», благо пиво уже допил. Пристроился в отделе, где телевизоры. Смотрю. Чушь какую-то показывают. Что-то про шоу-бизнес. Продавцы на меня косятся, но молчат пока. И вдруг вижу... Ё-моё!

Повисла пауза. Густая, нарочитая, театральная. Станиславский прямо, подумал Федор.

– Что увидел-то? – грубо спросил он.

– Себя. То есть тебя. На какой-то тусовке. Нарядного. С бабой. А у бабы – во-о-от такие сиськи!

– На себе не показывай... Деревня...

– В общем, тут я и не выдержал. Блеванул. Прямо на пол, хорошо хоть не на телевизор.

– Били? – с надеждой осведомился Федор.

– Не стали, – торжествующе ответил двойник. – Потому что – узнали! Понял? Первой девка одна, красивая, кстати, узнала. «Да вы что, – говорит. – Да это же Федор! Тот самый! Вы ведь Федор, да? Плохо человеку, помогите же!» Вежливо так в кабинет отвели меня, усадили, воды дали. Отдышался. Автографы просить начали. Прям праздник у них! А у меня... А мне... Ну, сам представь. Стремно мне стало. Жутко.

Федор покачал головой:

– М-да... А дальше? Девка-то та что? Ты ее... того?

– Иди ты... Дальше – пулей из магазина и – к тому двору, к той подсобке.

– И что?

– А то, что снова коридор! Я в него, выхожу, а тут опять узбек этот.

– Таджик, – поправил Федор.

– Да какая разница?! Мансур, короче. Он-то мне все и объяснил. Про миры, про дверь, про нас с тобой. И знаешь, я поверил. Под конец Мансур сказал приходить через три дня и отправляться искать тебя. Письмо, говорит, напиши. И гитару прихвати. Там-то и там-то стой, играй, пой. Он тебя сам найдет. А там, говорит, сообразишь.

Безумие, думал Федор. Однако – кто это говорил, Гамлет, что ли? – в нем есть система. А вариантов всего два. Либо все это правда, и что с ней делать, как-то непонятно. Либо имеет место белая горячка. У него, у Федора. И неизвестно, что лучше, – вариант «правда» почему-то смертельно пугал, до холода в желудке.

– Дай-ка, как тебя зовут-то... о господи... дай-ка, Федя, еще раз свидетельство поглядеть. И паспорт.

Да, все подлинное. Хотя... если белочка, то так и должно казаться... или нет? Окончательно запутавшись, Федор раздраженно кинул документы на стол и сказал:

– Расскажи, что с тобой было... Ну, после этого... расщепления...

...Жизнь Федора, так и не сочинившего «Дождь», текла поначалу в обычном русле. События мало отличались от тех, что происходили с Федором-первым, как он стал мысленно

называть себя.

Но вот линии их судеб и начали расходиться всерьез. В мире двойника Анюта забеременела Танькой. Как раз тогда, прикинул Федор-первый, когда его начали рвать на части с этим говнохитом.

Хочешь не хочешь, Федору-второму пришлось браться за ум. Очень быстро, буквально за пару месяцев, распалась группа, пацаны разбежались кто куда. Больше всего повезло барабанщику Косте. Сейчас Костя-второй играл на барабанах в «Мумий Тролле». Басист Сашка Ермолаев в том мире подсел на иглу, повесился, когда был в ломках.

Федор-первый потряс головой. Ну и ну! В его мире Ермолаев аккуратен и ухожен, время от времени сам Макар его на подыгрыш приглашает. Успешен в высшей степени.

Клавишнику Дениске, продолжал Федор-второй, на почве религии крышу сорвало. Связался с сектой какой-то, теперь в Сибири живет, в тайге.

Другой гитарист, Леха Леший, сел по пьяному делу. Циничное избиение подполковника милиции... так и сидит пока.

А сам двойник «взялся за ум». Вполне вовремя попала под машину Анютина бабуля (в мире Федора-первого живая-здоровая). Квартира досталась двойнику и его беременной супруге. Федор-второй додумался квартиру продать, а деньги вложить в дело – купил на рынке несколько палаток. До некоторого времени жил, что называется, в шоколаде. А потом на него наехали. Со всех сторон причем, жаловался двойник – и менты, и налоговая, и братки. Партнер, сука, сдал, не иначе. Как бы то ни было, Федор-второй не только лишился всего, что имел, но еще и должен остался – всем кругом.

Естественно, запил. Попытался одуматься, за работу хоть какую-нибудь зацепиться – без толку. Дольше всего в театре продержался...

– В театре? – изумился Федор-первый.

– Ну да... Осветителем... Санька Лысый устроил. Почти год отработал...

...Потом этот же благодетель Лысый и погубил двойника. Именно он предложил помочь знакомым парням продать киргизскую анашу. Спалились оба.

Лысый, уже ранее судимый, загремел на пятерку. Федору, по первой ходке, дали два года. Пока сидел, Анюта с ним развелась.

– Это в каком году было? – уточнил Федор-первый.

Оказалось – в девяносто шестом. Федор вспомнил себя тогдашнего. Пик славы, время процветания! Ах, какой был чес – «Голосуй, или проиграешь!». Гонорары платили целыми чемоданами долларов! Расходы с доходами считать – господи, да мысли такой не возникало!

Оказывается, в это самое время его двойник кантовался на зоне...

Как там называлась эта книжка? Про мужика, вместо которого старел и покрывался шрамами его портрет? В жизни-то, оказывается, все сложнее...

– А потом? – спросил Федор. – В смысле, когда вышел...

– Потом? – пожал плечами двойник. – Ну, помыкался какое-то время, по стройкам, по рынкам. На постоянную работу не брали. Прибился в конце концов к автобазе, сторожем.

Там Федор-второй, как выяснилось, познакомился с Маринкой – второй женой, поварихой.

– Да, забыл! – хлопнул он себя по лбу. – Фотки же!

Достал обтрепанные фотографии. На одной из них огромная пергидрольная тетка, похожая на веселящегося Дженизис Пи-Орриджа, улыбалась золотыми зубами, обнимала казавшегося щуплым Федора. На другой та же тетка держала на коленях угрюмого пацана. С отцом ничего общего. Гаденыш какой-то, брезгливо подумал Федор.

Поженились в девяносто девятом. Чем занимался в это время Федор-первый?

Конечно, это же год его феерического гастрольного тура со «Сплином»! Ах, как Федор отрывался! Сколько он перетрахал поклонниц, сколько выпил шампанского! А двойник, выходит, обрел тогда семейное счастье. В оклеенной дешевыми обоями двушке на улице Газгольдерной. Вот с этой бабой.

Федор уже уловил закономерность: в это самое время его собственная семейная жизнь

должна была дать трещину. Точно, так оно и было. Именно в девяносто девятом. Анята, месяцами его не видевшая, требовала развода. А он – не давал.

– Песен-то, случайно, не пишешь? – вдруг спросил Федор-первый.

Действительно – если он с сочинительством завязал, то у двойника должно быть ровно наоборот.

Так оно и оказалось. Сейчас, когда жизнь Федора-второго более-менее стабилизировалась, он вернулся к сочинительству. Купил себе компьютер с музыкальными примочками, экспериментирует с электроникой.

– Хорошие песни, – уверял двойник. – Правда. Не все удачные, но есть очень даже. Вот бы ты послушал, а?

– Нет, – покачал головой Федор. – Извини, не хочу...

Не без злорадства Федор отметил, что повело не только его. Опьянел и двойник. Он уже держал Федора за воротник и говорил, что именно он, он, он достоин жить в этом мире, при таких возможностях!

– Я ведь талантливее тебя, – говорил двойник. – Ты, когда говно свое про дождь сочинил, ты – продался.

– А ты, значит, нет, – засмеялся Федор.

– А я нет. Эх, поменяться бы нам!

– Ага, щас! – жестко хохотнул Федор.

Устал, устал... Домой пора, спать... Утро вечера мудренее... И этого – карикатуры на него – уже не будет...

– Странно, кстати, – сказал вдруг двойник, – что ты не спрашиваешь, откуда я знаю про обстоятельства написания «Дождя». У нас-то и в помине нет такой песни.

– Повезло вам, – буркнул Федор. – А откуда знаешь – да откуда угодно! В Интернет слазил, минутное дело. Там интервью моих немеряно...

Двойник улыбнулся.

...Потом они шли куда-то по улице. Накапывал дождик. Последняя более-менее связанная мысль Федора была о том, что скажут менты, если задержат двух алкашей. А у тех – опаньки! – паспорта на одну фамилию. Но с разными печатями.

– Пешком не пойдем! – заявил Федор. – На такси к твоей двери поедем. Я плачу...

– Обалдел совсем, – пробормотал двойник. – Тут ходу десять минут...

– Не колышет! – капризно сказал Федор.

Поехали...

6

– За красавцем своим явились? – спросил милиционер крупную женщину, зашедшую в отделение.

Тетка на самом деле до жути напоминала Джenezис Пи-Орриджа, только в слезах и соплях.

– Вот он...

Господи, подумал запертый в обезьяннике Федор, хоть бы скорее кончилась эта комедия!

– Он, – выдохнула женщина. – Федька.

– Ну, – повернулся мент к Федору, – будем дальше ваньку валять?

«Нет, – замотал головой Федор. – Не будем».

Надо было выбираться отсюда. И – домой. Хватит балагана...

Тетка торговалась с ментом из-за денег. А Федор, веря и не веря, прокручивал в памяти происшедшее. Действительно, подсобка. Действительно, коридор, весь в цементной пыли.

Потом двойник куда-то пропал. Видимо, перед тем, как расстаться, Федоры поменялись паспортами и одеждой. Впрочем, это помнилось смутно.

– Вы кодируйте его, женщина, – сказал измотанный мент. – Кирдык у него уже башке-

то. Все утро мне объяснял, что он рок-звезда, песни про какой-то дождь тут горланил, босоту веселил...

В этот миг из дальнего угла обезьянника донеслось:

– Эй, певца не отпускайте! Кто нам петь будет?

– Тихо там! – рыкнул мент. – Места прописки не помнит, называет другой адрес. Хоть с фамилией не путается, и то ладно... Вы кодируйте его, очень советую.

– Закодирую, – пообещала женщина.

– Я вам телефончик дам один. У меня соседа так обработали – полтора года уже в рот не берет.

– Давайте, – решительно сказала женщина, злобно посмотрев на Федора. – У-у, леший!

...«Ну, ничего! – думал Федор, выходя из отделения. – Не долго тебе куражиться, двойничок херов! Подсобку-то я найду...»

Понукаемый огромной золотозубой женщиной, Федор плелся, рассеянно слушая, что искалечил он ей, отморозок, музыкантишка жалкий, всю жизнь, что убить его мало, что о семье не думает...

А он думал о том, что надо найти дверь. Кровь из носу. И – домой!

– Я закодируюсь, – буркнул Федор, – и пить брошу. Только заткнись, пожалуйста!

Они сидели на остановке автобуса.

– Правда? – придвинула тетка к нему свое, слоновьих пропорций, бедро. – Точно? Моя живулька не врет?

«Что?! – в панике подумал Федор. – Кто?!»

Рука женщины легла ему на джинсы, и Федор ощутил забытое уже возбуждение. Такое мощное и – неожиданно прекрасное.

«Ничего себе, – подумал Федор. – А двойничок-то что же? Вот так триумф у него получается!»

Подъехал автобус.

7

Федор не знал усталости. Семилетний Егор, по счастью, кантовался в летнем лагере. И счастью секса не было предела. В конце концов, даже Чохова Марина Сергеевна после полутора лет простоя вполне годилась. Впрочем, надо признать: в постели она вела себя достаточно умело. Главное – не глядеть на нее...

По закону, сущность которого двойник смутно Федору обрисовал, положительная эмоция в одном мире оборачивалась отрицательной в другом. И, по логике вещей, двойничок сейчас бесплодно вспоминал давние опыты рукоблудия. А не помогало.

Федор вдруг рассмеялся.

– Что? – спросила Марина, поведившая обширным тазом под жилистым торсом Федора.

– Да так... Вспомнил кое-что...

– Ой, Федя, что-то не узнаю я тебя... Мм...

После третьего, последнего, оргазма Марина Федору опротивела. Такое с ним случалось. В гостиницах, например. Поклоннице тогда выдавались деньги – на такси и мороженое – и пинок под задницу. Фигуральный, конечно, пинок.

А вот от золотозубой деваться было некуда. Нехорошо, подумал Федор...

...В чужой, неуютной, неприятной комнате стояли клавиши «Корг», играть на которых Федор не умел, и недорогой компьютер.

Федор включил его. Хоть в игрушку какую побаловаться. Или в Интернет залезть.

В самом центре монитора висела иконка Microsoft Word. Файл назывался «Письмо Федору».

– Ёпт, – выдохнул Федор.

А ведь говорил двойник о каком-то письме.

Начало выглядело кондово: «Здравствуй, Федор!»

«Вот и свершилось, – значилось в письме далее. – Мы поменялись местами! Можешь проклинать меня, но, скорее всего, если верить Мансуру, этого уже не поправишь. Дверь между нашими мирами закрылась. Может быть, в твоей жизни что-то не так гладко, как мне хотелось бы. Но в целом я буду доволен. Не сомневайся...»

– У, сука! – прохрипел Федор.

К монитору прилипли шарики слюны.

«Согласись, – продолжал двойник, – что теперь моя очередь пожить красиво. Я считаю, ты нагулялся всласть. А чем я хуже тебя?»

– Чем?! – в исступлении выкрикнул Федор. – Он еще спрашивает чем, блядь? Уголовник херов!

«И еще одно. Ты можешь положить этому конец. Это просто. Умри. И тогда там, в другом мире, умру и я. Тем вечером, после того как я впервые прошел через дверь, Мансур растолковал, что такие обмены бывали, и не раз. Многие акыны прошли таким путем. «В конце концов, – сказал Мансур, – он (то есть ты) сам этого хочет». Так что, думаю, ты на меня не в претензии. Ведь так? А, Федь?»

– Я?! Я этого хотел?! – взревел было Федор. Но вспомнил свою исповедь на лавочке. И дворника-гастарбайтера, дующего на свои пальцы.

Хотел.

«И самое последнее, – писал двойник. – Я думал об «акынах». Вот тебе кое-какая информация к размышлению. Джим Моррисон, перед тем как умереть в ванной, очень сильно располнел. Те, кто общался с ним тогда, говорили впоследствии, что Джим как будто стал совершенно другим... То же самое говорили про Джона Леннона... То же самое – про Цоя. Финал – известен. Один умер в ванной, другого убили при странных обстоятельствах, третий заснул за рулем. Только, Федя, прошу тебя, не делай этого сразу. Дай мне пожить твоей жизнью хотя бы три-четыре месяца. Может, успею издать свои песни. И, заодно, тебя как-то реабилитировать перед, так сказать, вечностью.

Не держи зла, Федор.

Прощай».

Федор грохнул сжатыми кулаками по некрасивому, украшенному кружевными салфетками компьютерному столику.

– Феденька! Все в порядке? – спросила из кухни Марина Сергеевна Чохова.

8

...Дело двигалось к драке. Федор толкал в грудь того самого чучмека. Это точно был тот самый азиат, только теперь делал вид, что знать Федора не знает.

К чурке подтягивались свои, гастарбайтеры. Откладывали тележки, метлы.

– Что, Мансур-джан? – спросил кто-то с сильным акцентом.

– Э! – пренебрежительно ответил Мансур.

А Федор, отчаянным усилием оттолкнув сухощавого, жилистого противника, прорвался к подсобке.

Потянул дверь.

Никакого коридора за нею не было. Метлы, лопаты, ведра.

– Где? – взвыл Федор, падая на колени. – Где коридор?

Его почему-то еще не били.

Глава 7 Здесь Русью пахнет

Вот и петух пропел. Никудышный петух, дурной. Али хворый?

Добрый-то петух, он как поёт? Ку-ка-рее-кууууу, вот как. А ентот? Поперву басовито эдак – rrrrrr! Опосля тоненько – уииии! И снова – rrrrrr! Будто василиск. Так ведь василиск-то на рассвете разве же петь-рычать станеть? Нееет, петух енто. Хворый, да.

Старуха встрепенулась, потрогала увенчанную жестким волосом бородавку, что на длинном подбородке, утерла мутную слезу с левого, бельмастого глаза, проморгала зрячий, покосилась на отродясь не мытое окошко. Вот карга, хромая нога, кривая башка, ни ложки, ни горшка! Какой к ляду рассвет? Давно уж взошло, будь оно неладно. Спасибо хоть, не видно тут его, окаянного, жгучего, – все домами громадными загорожено. Район новый строят, Колпаково, вот и загородили. Всё строят, строят, мало им енто Новокузина...

А петух – не петух никакой. Машина: аки лев взревела, дымом вонючим плюнулася, колесами взвизгнула, снова взревела да и умчалася себе. Лихач, уточнила про себя старуха, со светофора сорвавшись. Ох, дураки же.

Лихач, повторила она. И плюнула. Прямо на пол. Поди ж ты, выискался... Ух, зло берёт, кишки дерёт!

Кряхтя, встала с лежанки, проковыляла на двор. Ох-хохонюшки, лишенько ты, лишенько... Косточки древние ноют... А уж суставчики-то пошшолкивают, словно досточки трещать.

В лес надоть, в лесу, глядишь, разомнутся ноженьки, смажутся суставчики, разбежится кровушка.

Нет, сюда-то, в Кузино, она правильно перебралася. Давно енто было, тогда еще просто «Кузино» говорили. В Старое-то Кузино уж после переиначили. А по-простому – в аул. Вот дураки-то – аул нашли. Енто Новокузино ихнее как раз аул и есть. С саклями. И людишки в ём дичають хуже ентих, какие в заправдашних аулах живут.

А поди ж ты, прижилось – аул и аул. А и ладно.

Ей, старухе, в ауле жить лучше. Годы-то уж не те, в лесу ночевать. Да и курочуть лес ентот, ироды. В ауле теплее: домишко, хучь и заброшенный, да все – крыша над головой. А уж она туточки обустроилася. Печку какую-никакую наладила, заклиение отворотное поставила, штоб гости незванные не шлялися. Прописку им какую-то подай...

Которые свои, те пройдут. На двор. А в дом, нет, не пройдут, игде им... Разве только ентот, черт нерусский... как бишь яво... Мансур, да ён игде хошь пройдёт, да яму и не надоть – квёлый ён...

Да. Правильно, што перебралася. Мудро.

А в лес-то завсегда пойтить можно, вот он лес родимый, рядышком. Ночью тама худо стало, зябко да невесело, а днем-то куда как хорошо, об летнюю пору особенно. «Пойду нынче, – решила старуха, – грибокв наберу, землянку свою проведу, в болотце умоюся».

Вспомнила про болотце и разозлилась пуще прежнего. Лужа только от того болотца и осталась, по колено глубиной. Строят, строят, вот и перемкнули под землей что-то, болотце-то и сохнет, болезное. Тьфу, оглоеды.

Старуха вернулась в светлицу, повязала на седые космы грязноватый платок, с горем пополам, охая и бранясь, вытащила из-под лежанки корзину, веревку тоже не забыла. Вышла из домишки, проверила отворот – стоит, куды ж он денется – и, согнувшись в три погибели, потащилася к лесу.

Да, уж не рано. И машины вовсю ездють, и людишки ходють. Вон сосед выглянул, пьянчуга горькая:

– Здорово, баба Лида! Ты чего, по грибы, что ли? Так нету грибов-то, вон сушь какая. И лес вытоптаный весь, зря только ноги натрудишь.

Зыркнула на него – в доме своем скрылся. А не суйся, коли не просили. Баба Лида, ишь ты. Внучок тоже... И не Лида она никакая. Лиха она. Лиха Одноглазая. Да из ентих разве ж растолкуешь кому?

А вон два пакостника – глазеють.

– Чё, бабка, за мухоморами? – гоготнул один.

– Ы-ы, – тупо поддержал другой.

Старуха сердито пожевала бескровными губами, глянула на лоботрясов искоса – как сдуло их. В школу вашу идить, в школу, мысленно наказала им старуха. Учитесь, кушайте сладко, растить. Как подрастётя – приходить. Милости просим. Мы упитанных любим, а тошщие нам без надобности.

Дорогу перейти долго не решалась – боязно. Ишь, гоняють, туды-сюды, туды-сюды, управы на их нету. Но улучила момент – посеменила мелко, да ходко. И на опушке оказалась.

Хорошо. Даже спину распрямила чуток. Хуже того – подобрела. Не до конца, знамо дело, до конца она, как помрёт – ежели помрёт, – так и подобрееет. Но все ж унялася злоба лютая, на вершок, а унялася.

На опушке качели-карусели-песочницы, мамки-няньки-детишки... Пуцай их.

Старуха углублялась в лес. Не торопясь – некуда спешить-то, – но все глубже, глубже забиралась. Лесная окраина с кострищами старыми, с банками-склянками-бутылками битыми, с газетами рваными-сраными, с резинками срамными – осталась позади. Вот уж и грибочки показались, поганки да мухоморы. Вот и тропка пропала. Да ей-то, старухе, пошто тропка-то? Вот и чащобушки милые пошли, с буреломами напополам.

А вот ухнуло, коротко, жутко, и в сторону поманило. И-и, милые, не на ту напали! Аль не признали?

Леший нонеча пошел глупый, подумала старуха. То ли дело в былые годочки. А нонеча – глупый. Все б им играть, да фулюганичать, да девок портить. Да ишшо старух пужать. Нашли кого пужать – Лиху... А Викентий, старшой их, хоша и умный, да старый, вот и окороту жеребцам-кобелям своими дать не могёт.

Старуха плюнула в сторону мелькнувшего в зарослях молодого лешего, тот zenки выпялил – угадал, поганец, – и был таков.

Солнце, невидимое тут, в чаще, но пригревающее, поднималось – это старуха чуяла, – корзина потихоньку наполнялась грибами да травками. Скоро болотце, а при ём землянка тайная.

Про хворост не позабыть бы. Старуха принялась подбирать сухие ветки, обламывать их, выравнивая по длине, увязывать. Снова согнулась пополам, закинула вязанку за спину, двинулась к землянке.

Вот и добралась. Поставила на землю корзину – совсем уж полная корзина-то, – скинула со спины вязанку, распрямилась. Повернув голову, недобро поглядела налево – в той стороне, через три болотца и четыре бурелома, стояла когда-то ее избушка. Эх, поломали, проклятые!..

Ну да делать нечего. Умылась из болотца, ажно помолодела. Засмеялась с привзвизгом – только шарахнулась в чащобе мелочь какая-то неважная, да в болотце отозвалось, гукнуло, – отворотное заклятье вокруг повесила и в землянку полезла. С корзиной и вязанкой, а как же.

В углу землянки – очаг, из замшелых камушков сложенный. Над очагом котел позеленевший на дрыне висит, а дрын на двух рогульках лежит. Рядышком пень разлапистый, во пне дупло, воском залепленное и заклятием запечатанное. В дупле кресало, кремь – старинные, прапрапрадедом у кого-то добытые, – да коробочка берестяная с сухим мохом, да ложка деревянная, от времени почерневшая. У стены ведро, хоть и мягое, но не худое, лопата ржавая. У другой стены охапка соломы.

Старуха сбросила хворост в очаг – веревку-то перед тем припрятала, нечего добро зазря жечь, – выбралась с ведром наверх, набрала из болотца водицы, спустилась, вылила в котел. Распечатала дупло, вытащила огниво, достала мох, высекла искру, подула, словцо нужное шепнула, швырнула мох в очаг, еще словечко добавила – разгорелся хворост, загудело пламя.

Снова с ведром наверх – вниз, наверх – вниз, наверх – вниз. Ровно молодка, право слово.

Наполнила котел, травок, что в лесу набрала, покидала, и снова наверх. Еще травок надобно, болотных.

Ну вот и славно. В котле булькает, травки заветные покиданы, грибки засыпаны, слова заветные сказаны. Можно и передохнуть. Аль искупаться?

Старуха в очередной раз вылезла наружу. Скинула опорки, за ними кофту с юбкой, платок. Ступила в болотце, забрела по колено, села, потом легла. Долго лежала. Хорошо: тишь да гладь, да тиной пахнет, прелостью тянет. Благодать...

Вылезла – зелье-то перекипячивать не след. Начала одеваться, а тут из-за спины:

– Кхм!

Аж чуть не напугалась:

– Уй, мамочки! Кто тута?

Обернулась – так и есть, свои. Кто ж еще через отворот-то проберется? Старичок-боровичок, маленький, толстенький, в шляпке остроконечной. За грибами в лесу смотритель.

– Я это... Здравствуй, Лишенька, здравствуй, бабушка!

– Ишшо один, бабушку нашел? – рассердилась Лиха. – Пошто явился, Колька, говори, недосуг мне!

Боровичок Колька втянул носом воздух, подумал, покивал:

– Сорный гриб, ага. Это хорошо. Молодцом, тетушка, – подмигнул лукаво. – Я ж так только, по службе... А то мне лешаки молодые: Яга, мол, идет, ну как белых наберет. А сами ржут... – Он погрустнел. – А откуда ж тут белые-то? Сыроежки одни...

– Сам ты сорный, – пренебрежительно ответила Лиха, натягивая юбку. – Нужон мне больно твой белый с сыроежкой... А про молокососов этих я тебе, Колька, вот чего скажу. Ой, – заголосила она вдруг надтреснутым голосом, подняв голову к небу, – да горюшко горькое лесочку нашему родименькому! Ой же ж, кто ж его да обиходит? Ой, што ж енто будет с лесочком нашим да с лешими такими окаянными! Ой, да сгубють его ироды! – И добавила обычным голосом: – Яга... И куды только Викентий смотрит... Яга тыфу передо мной! Мы, Лихи, от самого Полихвема род-то ведем!

– Полихвем? – лукаво подначил боровичок. – Циклоп, что ль?

– Я те покажу циклопа! – разъярилась старуха. – Лихи мы, говорю ж тебе! А хто вреть, што ён циклоп, хлоп да хлоп, да прям в лоб! Мы, Лихи, ежели доберемси до кого, так уж добра не жди! Хошь – в овчину завертывайся, хошь – под барана залазь, хошь как, а добра не жди, нет! – Она прищурила зрячий глаз. – Да ты, Колька, аль шуткуешь? Все б тебе, дурню, ваньку валять. А лесу-то погибель с этакими лешими...

Колька невесело усмехнулся:

– Твоя правда, тетушка. Да и не только в леших дело. Вон, трясинка-то твоя – вишь, обмелела как?

– И не говори, – вздохнула Лиха, застегивая кофту.

– Так еще хуже будет, – сообщил боровичок. – В Колпакове этом канавы копают, страсть какие глыбкие, так Ржавку, ну, ручеек-то, пережали совсем! Смекаешь?

– Да ты што? – ахнула Лиха. – Вот бядя-то, ах бядя... Вконец пересохнет теперя... Знать, перебираться надоть... Землянку новую рыть, имущество перетаскивать... Ай, бядя... Как же ж мне, старухе-то? Я ж ни в жисть сама-то не управлюсь! Коленька, сладенькой, спомог бы бабушке, ась? А уж я тебе, касатик, што хошь. Вот хошь, я тебе тово... Ой, не пожалеешь! Да скидавай портки-то, верно говорю, не пожалеешь! И не сумлевайся!

Старуха подмигнула боровичку обоими глазами и причмокнула.

Должон был клянуть. Ён, Колька-то, даром што за грибами смотритель, а знаменит-то не ентим. Тем ён знаменит, што до женского полу охотник – хуже нетути. Слышишь, бывало, верешшат в лесу – енто, стало быть, боровичок за навами голыми гоняется. Кикимор тож всех перешшупал, перешшекотал – ну, тем того и надоть. Тыфу. Русалками и то не брезгал. Спросишь яво: ты, Колька, как же с ими? У их же хвост, куды ж ты их? А он подмигнёт и шепотком этак: я их, тетушка, енто... тово... орально... тоись, они меня...

Верно говорят: маленькие – они затрахучие. Должон клянуть.

Да не тут-то было. Ай постарел?

– Э нет, – с достоинством ответил Колька. – Я и сам уж не вьюнош, копать да таскать. Ты лучше добра молодца какого зацапай, он тебе и за так все сделает. А поворожишь, так и это... тово... сама юбку задерешь, ну и он, стало быть, тебе... – Боровичок вдруг

заторопился. – Дела у меня, дела. Ты смотри, бабушка, как бы варево твое не выкипело.

Шырк – и словно не было его.

Лиха даже подлое «бабушка» мимо ушей пропустила – в землянку кинулась. Фух! Ничего не выкипело, только вот пену снять, да и готово зелье пряное, вку-у-усное!

Накушалась всласть. Отдуваясь, отрыгиваясь, облизала ложку, сунула в дупло. Полкотла еще осталось – это на вечер. Эхма, мясца бы, да молоденького! Поглядела на руки свои – вроде как налилась кожа, порозовела. Поднялась с пня, в котел дунула, шепнула – сделалось варево точно зеркало. Посмотрелась – дык хошь куды ишшо.

Ну да ладно. Таперича поспать – славно тута спится, – а уж после покумекать, как бы все обустроить. Поворожить-то придется, не иначе.

Лиха поправила лежавшую у стены охাপку соломы, улеглась, сняла шматок слизи со слепого глаза, поморгала зрячим и закемарила...

...Солнце к закату стронулось, старуха и проснулась. Не враз, не вдруг – тихохонько проснулась, на соломе понежилась, бородавку почесала. Ай, славно.

Потом насторожилась. Села, втянула воздух ноздрями. На ноги вскочила.

Енто што ишшо такое?!

Издали, со стороны аула мчалось что-то прямо на нее, на землянку, на болотце обреченное. Мчалось вихрем по воздуху, большое, горячее, без рук, без ног. Злое, аж сама Лиха поежилась. Но испуганное шибко. И безмозглое.

Лиха выскочила из землянки, уперла руки в боки, насупилась, впиалась глазом в ту сторону, откуда мчалось.

Как же, старый знакомец. Каркаладил – вот он такой и есть. Ух, бивала она его в давние-то поры! Пошто полез тогда в лес ейный? Пошто безобразить учал? Все б яму́, окаянному, поломать да пожечь-попалить. Все б яму́, ироду, с ровным местом сровнять. У, паскудник!

Да не тут-то было. Уж и лешаки забоялися, а она-то, Лиха Одноглазая, – ничуточки! Озлилась, вокруг себя обернулася, взвилась, да ка-а-ак ему в брюхо потайное, невидимое, дунеть! Ка-а-ак плюнуть! А у его брюхо-то слабое, ён и забилси, закружилси, да и оземь брякнулси. Опалить хотел напоследок, да где ж яму́! Заскулил, што твой шшенок, да и уполз.

Почету ей тогда много досталось – и от леших, и от водяных, и от русалок с навами, и от овинного деда даже, несмотря што у Лих с Овинниками вражда старинная.

Теперя вот снова каркаладил ентот. Што надоть, ась?!

Лиху пробрал холодок. Ох, горюшко... Годы-то уж не те, с чудищами-юдищами биться-то... В тот-то раз сладила, а нонеча поди знай... Ну да делать нечего...

Старуха подобралась, начала лютостью наполняться. Ну, милоч?!

Налетел. Горячий, большой, да только побитый, точно собака шелудивая. Енто хто ж яво так-то?! Ишь, словно молью траченный... Нет, не молью, морозом хваченный...

Воет, да жалостно-то как! Ну, все одно.

– А ну, пошел отседова! – завизжала Лиха, брызгая ядовитой слюной. – Щас вот дуну-плюну, узнаешь, почем хвунт меня-то! У, зараза паленая! У, паразит гнило-пакостный! Пошел, пошел!

Заскулил, будто заплакал, зигзаг выписал в воздухе и дальше унесся. Не такой какой-то. Али в тягости? И холодом – енто хто ж яво эдак-то, болезного? Ну и нехай, лишь бы подале улетел. Скатертью дорожка.

Лиха расслабилась и почувствовала, что снова проголодалась. Вернулась в землянку, принялась похлебку свою разогревать.

Пока грелось варево, задумалась – не зря ли прогнала каркаладила-то? Вот яво имуществом бы навьючить... Рыть-то – куды яму́, безрукому, а тащить – енто ён могёт. Ох, лишенько...

Разогрелось, в самый раз и похлебать. Погружая ложку в котел, Лиха снова про мясцо вспомнила. Давненько, давненько яво не кушала...

Так-так, а енто хто к нам пожаловал? Старуха так и застыла, не донеся ложку до рта. Да

неужто ж? Ай, Лиха, даром што тиха, чаво пожелаеть, то и сполнится!

Русский дух! Да ближе все, ближе! Да ядреный-то какой!

Она, в который уж раз за день, выскочила из землянки. Охнула приглушенно – в спину вступило что-то, – но справилась. Не до спины нонеча.

Ух ты, сладкий мой! Идеть-бредеть сам собой! Прямо к болотцу! А здоровуший-то! Ентот землянку новую откопаеть, ему раз плюнуть! И имущество переташит! И мяса-то в ём сколько! И-и-изх!

Дух, однако, крепше крепкого. И не молоденькое мяско. Да уж дареному-то коню...

Лиха вдруг вспомнила нахальные слова боровичка Кольки про то, чем еще добрый молодец может ее порадовать. Ну, поглядим, поглядим...

Нежданный гость шел неторопливо и как будто незряче. Большие ноги, казалось, сами по себе пытались свернуть в сторону, но пришелец настойчиво направлял шаги к болотцу. Вот добрел до отворота. Антиресно, подумала Лиха, куды теперя двинется – налево аль направо. Налево – енто к ей, направо – от ее, вертать яво придется.

Гость, однако, миновал заклатье, лишь чуток запнувшись. Выходит, удивилась старуха, из наших? Кто такой, почему не знаю?

А ну-тко, нюхнем ишшо разок... Однакось не русский енто дух, нет, не русский. Лиху не проведешь, Лиха чуеть – куды тама ентим, как их... денгус... тьфу, язык сломаешь! Обормотам, какие нюхают, да им за то денюжки плотють. Куды им супротив Лихи-то...

Вона и тута: похоже, да не одно и то же. Тута дух и правда ядреный, што твой русский, да в букете нотки протухлые уж больно яркие... из нутра тухлым несет... и послевкусие у яво, должно, горькое-прегорькое. Нет, не русский дух. Мертвый дух, енто да.

Вгляделась. Ба! Так енто ж из водяных! Даже, вернее сказать, из вуташей. Вуташ – енто, ежели хто утоп, а над им водяной поколдуеть, так тож вроде водяного делается. Вот и ентот такой, только побитый, вроде как каркаладил давеча. Што за напасть?

А и все одно – сгодится.

Вуташа мотнуло было влево. Он в упор посмотрел на Лиху, не удивился, не напужался, не сказал ни слова. Выправился и попер к болотцу.

– Ай, здорово живешь, добрый молодец! – кокетливо проскрипела старуха. – А заходи на огонек, гостем дорогим будешь! Проголодалси, поди, продрог, умаялси? Накормлю, напою, помою, угрею, спать уложу!

– Пошла ты... – невнятно пробормотал вуташ, ни на миг не прекращая своего мерного движения.

Ох и дух!.. Ну, была не была! Лиха шепнула тайное словцо, за ним другое, третье. Гость замедлил шаг, потом совсем остановился. Так-то лучше.

Медленно шагнул к хозяйке. Молодец. Еще шаг. Еще. Теперь стой передо мной, как... Нет, енто не надоть. Стой без всяких.

Встал как вкопанный, вплотную к Лихе. Той вдруг сделалось дурно – такого духа и она не упомнит. Сделала шаг назад, да нос в сторонку отвортила. Енто што-то. Али отмыть? Не-е-ет, болотце яво не возьметь... В печку бы, да нетути печки-то... Накормить? Да на кой ляд... Ямú и не надоть, ямú – Лиха распознала – лишь бы выпить.

– А ну-тко, сахарный, – она подпустила в голос дрожи, от какой молодцы завсегда ручными делались, – а ну-тко, ступай за мной.

И, повернувшись, собралась в землянку спуститься. Не самой же имущество выволакивать. Котел – ён чижолый, и пень любимый тож.

– Пошла ты... – услышала старуха за спиной.

Ого! Какое ж ишшо словцо-то шепнуть? Ох, крепок русский дух, не береть яво... А вот эдак ежели?

– Налью я тебе, касатик, налью, – фальшиво пропела Лиха. – Доволен останешься, красавица ты моя. Ты мне только спомогни, старой, а уж я тебя не позабуду!

Касатик, походивший на мертвеца – а и правда ведь, утопленник ён, – подал признаки жизни. Шевельнулся, в глазах блеснуло.

– Чего делать, бабка? – спросил он тусклым голосом.
– А вот ступай за мной, увидишь.
– Нальешь и еще двадцать четыре рубля мне, – объявил вуташ.
– Так а как же ж, миленький ты мой! – обрадовалась Лиха, не собиравшаяся ни поить гостя водкой, ни расставаться с денежкой, которой к тому же не имела. А хоть бы и имела – ишь, того ямú, ентого...

– Покажи, – потребовал гость. – Деньги покажи.

Старуха дунула, шепнула пару словечек, протянула вуташу пустую ладонь. Тот кивнул.

...Навьючила точно конягу. Ничего, пер, не жаловался.

– Котел ровно держи! – покрикивала Лиха. – Похлебку гляди не расплескай!

– Пошла ты... – однообразно сипел в ответ вуташ.

Сама шла с малым грузом: корзину несла, а в корзине кресало с кремнем, да мох сухой, да ложка. Да ишло солому, на какой почивала, веревкой увязала, за спину закинула. Ничо, енто по силушке.

Шли долгонько. Зато и болотишко отыскалося – лучше старого. И ширше, и глыбже, и – старуха в землю вгляделась – не от Ржавки загубленной водица в его притекает, а от Гнилушки, целой покудова и невредимой. Одно худо – от аула больно далёко, да уж ничё не попишешь.

– Стой, где стоишь, – скомандовала Лиха. – Станови имушщество, да котел... как становишь-то, косорукий! Ах, чуть не расплескал! Вот так станови, вот, вот... Таперича лопату бери-кася да копай. Ага, туточки. Золотой ты мой.

Вуташ копал, старуха сидела на своем пеньке, приглядывала, покрикивала да порой жаловалась – умаялася, дескать. А и правда умаялася – вон, кожа сызнава высохши, морщинами покрывши. Эх, жизня... Да и от духа ентого што хошь усохнуть...

Ну, лишь бы выкопал. Эк ён все кое-как норовить, да побездельничать. А некогда уж, поспешать надоть – солнце-то к закату клонится.

Откопал, слава те... Теперя, жемчужный, ступёночки вытеша... лопаткой, лопаткой, ага, так... теперя, алмазный ты мой, досточки поверху настели... во-во... ну и имушщество заноси... енто вон туды станови... а енто сюды... вот, енто так...

Вот и обустроилася.

Разожгла огонь в очаге – пуцай зелье подогреется. На работника своего глянула исподлобья. Нет, не то мясцо, ох не то. Дурнота-то, что ни вдохнешь, так и подкатывает. Нет. Кабы свеженького...

Может, енто... про што Колька-охальник баял?

– Все, что ли? – спросил вдруг вуташ. – Наливай тогда. И двадцать четыре рубля давай.

Эх, дурень ты, дурень. Не взыщи, сам напросилси.

– Да как же все, касатик? – проскрежетала старуха, поводя плечами. – Ты мне ишло знашь што должен? – Она потупила глаз. – Ну, енто... как бы сказать... уй, смушшаюся... ты мушшина-то хучь куды... а я-то, старая, без мушшины уж, почитай, сколь годков-то... ну, понял, што ль?

Она села на пень, расставила тощие ноги, стала медленно приподнимать юбку.

– На коленочки становися, милоч, так оно тебе сподручнее выйдет... Побалуй бабушку...

Лицо вуташа ничего не выражало. Он долго стоял напротив призывно раскинувшейся Лихи, потом двинул кадыком вверх-вниз и сказал:

– Пошла ты...

– Ха! – торжествующе провозгласила старуха. – А на нет и суда нет. Насильно мил не будешь. Кушать жалаешь? Вон зелье мое подоспело. Не жалаешь, и не надоть. Ступай тогда, недосуг мне.

Она дунула в сторону вуташа, пробормотала скороговоркой несколько словечек, и гость молча шагнул к выходу.

Лиха выбралась вслед за ним.

– В енто болотишко не сувайси! – крикнула она вслед вуташу. – Туды ступай, откудова явился. В тоё болотце залазь, дозволяю. Да подоле полежи, глядишь, отмоисси, вонять помене будешь. – Она визгливо захохотала.

Вуташ, все с той же неживой мерностью, зашагал и вскоре скрылся в чаще. Дышать стало полегче.

Лиха вздохнула. Кажись, все. Вареве дохлебать, да и в аул. И на боковую. Вон, солнце уж почти што склонилось. А иттить-то далече... А ноженьки-то устамши...

Она повесила отворот, огляделась. Место славное, нечего тута чужим шляться. Надолго ли? Ох, чует сердечко, вскорости дальше двинуться нужда заставить... Тады уж и аул бросать... Ну да она-то, Лиха, всюду обустроится. Лишь бы лес.

Вот кабы ишшо на новый переезд не такого мертвяка заманить, а эдакого... штоб и вправду добрый молодец... Штоб и дух русский, кровь горячая, и... тово... и мяско штоб молоденькое...

Старуха сглотнула.

Где-то далеко зарычало, потом смолкло. Лешие шалать, подумала Лиха, и ишшо кто-то. Заухало, гулко и протяжно. Викентий, определила она.

Ну, пора, не то остынет.

А што ж, решила Лиха, облизывая ложку: «Тута и заночую. Место новое, пушай духом моим исполнится».

Да и дух, што от мертвяка ентогo осталси, выветрить надоть. Штоб духу его тута не было. Штоб только русским духом и пахло.

Часть вторая

Соавторы: на дистанции

Гипнопомп. 15:31. Винни, ты тут?

Виновод. 15:31. Блин, сколько раз повторять? Какой я тебе Винни?

Гипнопомп. 15:31. Ну так короче и динамичнее.

Виновод. 15:33. К чертям динамичность. Или по имени обращайся.

Гипнопомп. 15:33. Вот еще. Ты еще встретиться предложи, ага.

Виновод. 15:34. Кстати, давно пора. Не понимаю, почему нет?

Гипнопомп. 15:34. По кочану. Допишем, тогда и встретимся. Познакомимся.

Виновод. 15:37. Нет, ты правда больной какой-то. Или, может, ты баба?

Гипнопомп. 15:38. Сам ты баба.

Виновод. 15:41. Пойду душ приму. Невыносимое пекло. Или ты хотел что-то?

Гипнопомп. 15:41. Не горит.

Виновод. 15:41. Как раз горит. Вернее, плавится. Ладно, я быстро.

Виновод. 16:17. Я тут. Ну, чего стучался-то?

Гипнопомп. 16:22. Да тут такое дело... Даже не знаю, как рассказать. Ты не смейся, все всерьез, понял?

Виновод. 16:23. Ну что ты как баба? Короче, Склифосовский!

Гипнопомп. 16:30. В общем, сижусь ночью, ваяю главу очередную. Днем совсем невозможно, а ночью посвежее все-таки. И не пойму, то ли задремал, то ли нет. Ощущения, как будто все реально. А события...

Виновод. 16:32. Ты можешь не тянуть?

Гипнопомп. 16:37. Короче, у меня ощущение, что не мы романчик наш с тобой кропаем, а он нас. А дело было так. За спиной зашелестело что-то, я сначала и внимания не обратил, думал, сквозняк, окна-то все настежь. Сижусь, значит, кропаю. И вдруг как засмеется кто-то! Прямо над ухом у меня! Сразу потом прошибло, не от жары, а от ужаса. И нечего ржать!

Виновод. 16:38. Внимательнейшим образом слушаю.

Гипнопомп. 16:41. Обернулся. Медленно так. Сердце колотится. Может, и закричал, это не помню. Ну, значит, обернулся. Боковым зрением заметил – кто-то из комнаты в коридор выскочил. Вроде мужик. А может, не мужик, не знаю, не успел разглядеть толком.

Виновод. 16:41. Ты дверь-то входную с вечера запер?

Гипнопомп. 16:48. Да пошел ты. Сейчас вот как вспомнил, так опять коленки дрожат. Главного-то я тебе еще не рассказал. Не перебивай.

Виновод. 16:49. В квартире все цело? Кстати, а жена твоя... ну, или муж твой... короче, супруг-то есть у тебя? Что говорит?

Гипнопомп. 16:49. Идиот. Какой к чертовой матери муж?! Подруга у меня, только мы поссорились, она у себя сейчас живет, уже почти неделю. А я пока один.

Виновод. 16:50. Сам идиот. Ладно, извини, рассказывай.

Гипнопомп. 16:56. Ну так вот. Тот, который вроде мужик, мелькнул и исчез. В коридоре загрохотало что-то. И входит в комнату баба. Пожилая, полтинник на вид, может, больше. Тут уж я заорал. Нет, баба внешне не страшная, ничего такого, но, как бы тебе объяснить... В общем, страшная. Жуткая. Я чуть инфаркт не словил. И пошевелиться не могу. А она по-деловому так ко мне подходит, руки поднимает и...

Виновод. 16:56. Инфаркт ладно. Обгадился небось?

Гипнопомп. 16:56. Вот ты сволочь.

Виновод. 16:57. Не суди, да не судим будешь. Давай уже, достали эти твои паузы. Рожай.

Гипнопомп. 16:59. Вот-вот. Чуть не родил. Она руки подняла, правая-то нормальная... или левая? Ну, это все равно. Короче, одна рука нормальная, а вместо другой протез. И не простой протез. Вилы у нее вместо кисти той руки. Вилы, понял?

Виновод. 16:59. Как – вилы?

Гипнопомп. 17:01. А так. Вилы. Трехзубые. Какими в деревне сено или там навоз... Ну, небольшие только.

Виновод. 17:01. Погоди, закурю. Сигареты подевались куда-то...

Виновод. 17:03. Ага, нашел. Продолжай.

Гипнопомп. 17:06. Да почти нечего уже продолжать. Я сижу, как парализованный, а она мне кулак под нос. Молча. А другой рукой, ну в смысле вилами, как кольнет в бок! Да, точно, правая у нее нормальная, а левая эти самые вилы. У меня вон на правом боку отметины остались, три штуки. И майка в трех местах проколота, и кровь на ней. Я бы думал, что приснилось все, так вот они, вещдоки-то! Секунду, я тоже закурю.

Виновод. 17:07. Хотя бы не изнасиловала она тебя? Шучу, шучу.

Гипнопомп. 17:12. Нет. А если не веришь, могу сфотографировать и прислать. Между прочим, болит до сих пор. Легонько кольнула, а могла и насмерть. Но испугался я не этого. То есть этого тоже, но не настолько. В общем, кольнула, развернулась и свалила. Я кое-как до дивана дополз, майку снял и рухнул. И отключился. Как во сне. Но это не сон был, точно. Да, утром дверь проверил. Заперта. Что, не веришь?

Виновод. 17:12. Верю.

Гипнопомп. 17:12. Почему?

Виновод. 17:15. Ну, как тебе сказать. То есть вообще-то я во всякую такую мистику не верю. Не верил. А сейчас основания появились. Слушай, хорошо бы встретиться все-таки.

Гипнопомп. 17:15. Нет. Потом. Когда закончим.

Виновод. 17:15. Тьфу. Упрямый ты осел. Ладно. Тогда в двух словах про эти мои основания.

Гипнопомп. 17:16. Минутку. Последний штрих от меня. Про эту бабу, с вилами вместо рук, я следующую главу писать собирался. Ни буковки еще не написал, но сюжет в принципе уже ясен. Понял?

Виновод. 17:16. Во как...

Гипнопомп. 17:16. Ага. Давай, что там у тебя за основания?

Виновод. 17:25. Извини, телефон отвлек. Да, мои, стало быть, основания. Я тебе не

говорил, только у меня с самого начала что-то непонятное творится. Чуть не каждую ночь. Думал – видения. Ну, от жары или от этого, творческого, прости господи, напряжения. Рожи какие-то в окно заглядывают, чуть ли не черти в ступах над балконом летают.

Гипнопомп. 17:26. В ступах ведьмы бывают, а не черти.

Виновод. 17:26. Ведьмы у меня тут тоже летают.

Гипнопомп. 17:32. Ау!

Виновод. 17:37. Да опять телефон... Короче, вот какое дело. Я все это за глюки принимал. Ну, сам понимаешь, еще, бывает, выпьешь чуток... для вдохновения... К тому же глюки эти у меня – они практически все про наших персонажей, уже состоявшихся. Но вот сегодня утром... Ночь-то как раз спокойно прошла, выспался отлично. Сварил кофейку, сигаретку взял, выхожу на балкон. А там – лежит!

Гипнопомп. 17:37. Кто лежит?!

Виновод. 17:40. Не кто, а что. Тряпки лежат. Две штуки. Отродясь их там не было. К одной присмотрелся – пиджак. Дранный и вонючий пиджак Васи из соседнего подъезда. Ну, вуташа. Вернее, прообраза. А кстати, Вася пару раз в окошко ко мне заглядывал. Я, к слову, на двенадцатом этаже живу. Да, и летал Вася тоже. В ступе. Но то – видения. А тут – пиджак.

Гипнопомп. 17:41. Откуда знаешь, что это его пиджак?

Виновод. 17:41. Ха. По запаху. Шутка. Гиппи, у нас такой пиджак в районе единственного.

Гипнопомп. 17:42. Ну мало ли... Кстати, а что это ты меня так называешь? Что за Гиппи?

Виновод. 17:43. Так ты ж не возражаешь... А вторая штуковина мне незнакома. В жизни такой не видел. Сарафан не сарафан, черт его знает. Балахон какой-то, в общем. Из лоскутков разноцветных сшитый. Аккуратный и почти чистый. Только там, где с Васиным пиджаком соприкасался, слегка попачкался.

Гипнопомп. 17:45. Если бы это не пахло такой потусторонней жутью, я бы тебя спросил, как твоя жена к посторонней женской вещичке на родном балконе отнеслась. Однако дело хуже, чем я думал.

Виновод. 17:45. Мои на даче все. А что ты думал и что хуже? Погоди, пивка возьму в холодильнике.

Гипнопомп. 17:49. Да не думал я ничего, на самом-то деле. Кроме одного – крышу относит. От жары и творческих, как ты говоришь, напрягов. Крышу относит, и все мне только кажется. Вплоть до этих вот трех уколов. А хуже то, что в балахоне, который ты описал, будет ходить одна женищина. В главе через одну или через две. У меня там сюжет тоже наклеывается. Но теперь и не знаю. Мы с тобой оба рехнулись? Коллективно?

Виновод. 17:49. Ну, что все кажется – это и сейчас хорошая отмазка. И этот наш веселый разговор тебе тоже только кажется. А?

Гипнопомп. 17:49. Да. И что в компе он сохранится, это тоже кажется. Отмазка-то отмазка, только теперь что, так и жить? Спасибо большое.

Виновод. 17:50. Большое пожалуйста.

Гипнопомп. 17:50. А ты обо всем этом что думаешь?

Виновод. 17:50. Ничего, как и ты. Ну, или – творим реальность. Бред, конечно.

Гипнопомп. 17:52. Тебе не кажется, что эта реальность в свою очередь творит нас?

Виновод. 17:52. Возможно. Хотя тоже бред.

Гипнопомп. 17:52. И что делать будем?

Виновод. 17:55. Извини, опять телефон. Замучили звонками. Что делать будем? Так писать будем, что же еще?

Гипнопомп. 17:55. Тебе не стремно?

Виновод. 17:55. Не без этого. Но вот нутром чую: прекратить – не решение. А решение – дойти до конца. Тогда должно отпустить.

Гипнопомп. 18:00. Эх. Ну, попробуем. На самом деле я то же самое чувствую.

Виновод. 18:02. Ну а пересечься? Выпить по паре пива? Потолковать, так сказать, очно

о делах наших грешных? А, соавтор?

Гипнопомп. 18:02. Ты достал. Я сказал: нет. Считай, что тоже нутром чую: нельзя, пока не закончим. Стоп, минутку, в дверь звонят.

Виновод. 18:02. НЕ ОТКРЫВАЙ СРАЗУ!!!

Виновод. 18:03. В ГЛАЗОК ПОСМОТРИ СНАЧАЛА!!!

Виновод. 18:05. Эй!

Виновод. 18:11. Гиппи, ты тут?

Виновод. 18:27. Блин.

Виновод. 18:40. Труба дело. Ну ишак же, даже телефонами обменяться не пожелал, совсем с ума сошел с этой своей анонимностью.

Виновод. 18:59. ГИППИ!!!!!!!!!!!!!!!

Гипнопомп. 19:00. Чего орешь?

Виновод. 19:00. Да куда ж ты пропал?!

Гипнопомп. 19:00. Так Милка вернулась. Подруга моя.

Виновод. 19:01. Уфф. А я думал, тебя вилами уже запороли.

Гипнопомп. 19:01. Порево впереди, но в другом смысле.

Виновод. 19:02. Тьфу. Ладно, удачи. Выпью-ка крепкого, а то нервы ни к черту.

Гипнопомп. 19:05. Только не увлекайся. Нам закончить надо поскорее, а то и правда нервы.

Виновод. 19:05. Угу. Ты в Клубе давно не был?

Гипнопомп. 19:11. Давно. Скучно там стало и тускло.

Виновод. 19:11. Я бы сказал – тухло. Впрочем, я тоже давно не заходил.

Гипнопомп. 19:22. Ладно, до связи. Отключаюсь, а то подруга опять скандалить начнет. Пока, Винни.

Виновод. 19:25. Вот мерзавец! Какой я тебе Винни?! Пока...

Виновод тоже отключил программу-агента. Затем он открыл файл с очередной главой, начатой вчера вечером. Посидел, уставясь на монитор, встал, выбрался на балкон, поднял странный балахон, потрянул его пару раз, аккуратно сложил, вернулся в комнату и засунул под диван. Авось жена не заметит, когда вернется.

Потом он снова вышел на балкон, задумчиво посмотрел на жуткий пиджак и, так и не решив, куда девать эту дрянь, оставил валяться в углу. Пока не мешает, а там видно будет.

Ну, теперь можно – вернее, нужно – сосредоточиться. Соавтор прав: чем скорее закончим, тем нам же лучше.

Виновод коснулся клавиатуры, медленно набрал одно слово, другое – и мало-помалу дело пошло. Что в паре метров от его окна зависли полупрозрачные фигуры трех благообразных бородатых старцев, а дальше маячат ладный мужчина средних лет и яркая красotka в точно таком же – или том самом – цветастом балахоне, этого Виновод не заметил – увлекся.

Глава 8

Поцелуй бездны

1

– Достала, блин. Корова, блин, толстожопая.

Славик положил мобильный телефон на столик, глотнул пива, потянулся за сигаретой.

– Проблемы? – хмыкнул Михалыч.

Славик знал этого человека давно, еще со школьных лет. Да его весь район знал, все пацаны. Издалека, конечно, знали. И очень уважали. Ну то есть... не то чтобы уважали, тут другое... в общем, как-то сразу тянуло подчиниться. Основательный мужик, серьезный, и не в том дело, что лет на десять старше... а то и на все пятнадцать... И не в том дело – сидел, не

сидел... тоже поди пойми, наколок-то нет... Вот в чем дело – словами не расскажешь. Но льстило, льстило Славику, что именно его подметил Михалыч, его выделил среди других пацанов с района.

Случилось это с месяц назад. Михалыч, как потом выяснилось, только-только привел откуда-то Вадика – не с их района пацана, – а нужен был третий, вот на Славика и пал выбор. Втроем дело пошло, уже успели штук восемь операций проверить.

Эх, Михалычу можно доверять. А то ведь попал, непонятно, как выкручиваться. Славик вздохнул:

– Еще какие проблемы...

На телеэкране над стойкой здоровенный негр забил мяч в ворота, зигзагами помчался по полю куда-то вбок, проехался по траве на коленках, потом упал на спину. Подбежала куча игроков в такой же, голубой форме, навалились на негра. Славика передернуло от отвращения.

– Тьфу, блин! Еще бы отсосали...

– Кто? Кому?

– Да вон. – Славик кивнул на экран.

– А... – лениво процедил Михалыч. – Да может, и отсосут еще... В раздевалке...

– Да ладно! Я ж просто так, в жизни-то такого не бывает...

– В жизни, мой юный друг, бывает еще и не такое, – все тем же скучающим тоном проговорил Михалыч. – Слабый сосет у сильного, и еще причмокивает. Значит, говоришь, проблемы у тебя?

– Ну... да...

– А ты вот вообще, Славян, кто по жизни? Думаю, неправильный ты пацан.

– Это почему еще?! – Славик аж дымом сигаретным подавился от неожиданности.

– Даже курить толком не умеешь, – хмыкнул Михалыч. – Хотя и не суть, курить-то и зайца научить можно. А суть – вот она: правильные пацаны – они сами для кого хочешь проблема. А неправильные, наоборот, терпят.

– Я терпила, что ли, по-твоему? – спросил уязвленный до глубины души Славик. – Ты говори как есть, Михалыч!

– Тебя ж загеморроили? Значит, терпила.

Такой горькой обиды Славик не испытывал, наверное, с пятого класса. Они с родителями тогда получили квартиру тут, в Новокузине, пришлось и школу поменять, и одноклассники почти всю первую четверть издевались над новеньким. Ну, потом-то он кое с кем из ребят закорешился и уже сам стал давать шороху. Не по беспределу, конечно, беспредельщиков у них не уважали.

Славик исподлобья взглянул на Михалыча. Тоже ведь не беспредельщик, с ним можно начистоту. Да и нужно. Как раз чтобы терпилой не оказаться.

– Смотри, Михалыч, – сказал Славик. – Вот, допустим, нарисуеться сейчас Вадик, и мы тебя... ну, это... ну, по роже тебе настучим, короче. Я так, для примера, чего ты скалишься? Для примера! Ну вот, настучим. Допустим, ага. Проблема? Проблема! Чья? Твоя! И кто тогда будет терпила?

– Во-первых, попробуйте настучать...

– Да говорю же, Михалыч, для примера...

– Щенки... А терпилой все равно ты останешься. Ну и Вадик... для примера... Потому что я вас обоих вышвырну из расклада, других найду. Такого добра девать некуда. И будете вы, пацаны, сосать. Друг дружке. Для примера.

– Это почему же сосать? Тоже будем лохов разводить...

– Нет. – Михалыч с каким-то даже сожалением посмотрел на подручного. – Баран барана не разведет. Не сумеет. Это я про вас, детки. Бараны вы. Самодеятельность вашу помнишь? Как вы на пару, без меня, на расклад поехали? И на бабки попали, а?

Славик покраснел. Было дело. Попробовали они с Вадиком как-то раз сами сработать – Михалыч-то с раскладов себе половину брал, да плюс на расходы, так что пацанам

оставалось с гульки хер. А хотелось, ясное дело, побольше. Ну, взяли Славикину «девятку», то есть батину, конечно. Пошли по МКАДу, лоха присмотрели – конфетка! Интеллигент на чистенькой такой «мазде», скорость держит шестьдесят... Расписали как по нотам. Только интеллигент-то не прост оказался – подполковник, опер. Хотя и по экономическим каким-то делам, а все равно – силовик... А медленно ехал, потому что по телефону трындел, с гарнитуры... Еле уговорили, чтобы отстал, даже на колени встали, как он велел. И бабло все ему отдали, сколько было. Было-то – смех один, рублей триста, да подпол сказал: наука вам.

А вот когда лоха выбирал Михалыч, таких проколов не случилось. Все восемь раскладов на ура прошли.

– Да ладно... – пробормотал Славик.

– Вот тебе и ладно! Тебя вон даже бабы проблемами достают. Что хоть за проблемы-то?

– Да это... короче, залетела тут одна... Теперь вот названивает. И маман ее на меня охотится.

– Что за маман?

– Типа управдомша тут у нас. Баба – атас! Я с такой не уживусь! Да, блин, я вообще жениться не собираюсь!

– А чего так? Девка, что ли, страшная?

– Галка-то? Не, она ничего... Да Михалыч, ну, блин, рано мне жениться! И денег нету...

– Хм... – Михалыч пристально взглянул в лицо Славе. – Ну и как ты разрываешь гимор-то?

– Да как... На звонки не отвечаю. А они с других номеров наяривают. Затрахался уже в игнор ставить...

Повисла пауза. В телевизоре теперь коллективно целовали другого футболиста. Грохотала музыка. Михалыч отхлебнул пива, насмешливо посмотрел на пацана, сказал:

– Слышь, а ведь они тебе изнасилование шить будут. Закрывать тебя будут, понял? Сажать!

– Чего?!

– «Чего-о»... – передразнил Михалыч. – Того! Либо присядьте годков на восемь, либо платите, гражданин. Ну, ты у нас терпила, ты заплатишь.

– Блин... – простонал Славик. – Что делать-то, Михалыч? Научи, я не забуду!

– Хрен тебя знает, что тебе делать, – равнодушно сказал Михалыч. – Думай.

Запиликала мелодия «Черного бумера». Эх, и мелодия давно уже лоховская, и телефон – старая пластмассовая «нокия»... Поменять бы, да ведь все денег стоит, а тут еще эти проблемы... Отжать у кого-нибудь? Ладно, надо ответить...

Славик взглянул на экран – незнакомый номер...

– Опять, блин! Сто пудов – она!

Действительно, звонила Галка.

– Славочка! – заныла она. – Беда, Славочка! Мама к ведьме ходила!

– Чего?! – изумился Славик. – К кому?!

– К ведьме! К настоящей! Вернулась, говорит: «Пусть теперь вешается твой подонок, на него сейчас порчу наведут, мало не покажется!»

– Да вы там все с дуба рухнули! – заорал Славик. – Вас в дурдом всех надо!

Галка заплакала:

– Славочка, а мне-то что делать?

– Слушай. – Славик стиснул зубы, потом заговорил медленно и отчетливо: – Мне эти ваши проклятия по барабану, поняла? А ребенок, может, еще и не мой. Отвалите от меня. Ясно?

Галка перестала плакать.

– Вот, значит, как? – В ее голосе послышалась угроза. – Ну-ну. Смотри, не пожалеть бы тебе! Мама эту ведьму давно знает, там все по-взрослому!

– Слышь, отвали, – отчеканил Славик. – Я в ваши дела не суюсь. Не звони мне больше.

И нажал «отбой». Глотнул пива, вытер со лба пот – надо же, как достали, прямо

взопрел.

– Молодец, конечно, – прокомментировал Михалыч, закуривая. – Мужик. Только неправильно разговаривал. В таких случаях не надо людей посылать.

– Как меня все это, блин, достало, – процедил Славик. – Прикинь, а? Звонит, говорит: «Маман к ведьме ходила, тебе, значит, труба, порчу на тебя наведут».

– Круто, – засмеялся Михалыч.

– Что смешного-то? – насупился Славик.

– Да пронесло тебя, пожалуй.

– Пронесло?

– Ну да. Раз теща твоя – да не злись, шучу! – раз она не к ментам пошла, а к какой-то ведьме, значит, дура дурой. А ты, стало быть, фартовый пацан. Прет тебе. Все к лучшему, мой юный друг. Можешь расслабиться. А этих, – Михалыч кивнул на «нокию», – тогда так и посылай. Подальше.

Славик глотнул пива. И правда – сделалось полегче.

Мобильный зазвонил снова. Теперь номер даже не определился.

– Тебе сказано: отвали! – рявкнул в трубку Славик. – Забудь этот номер!

– Вячеслав? – Голос женский, но совершенно не Галкин.

– Я, – осторожно подтвердил он.

– Нам надо поговорить, – сказала женщина. – Совсем недолго. Как вы на это смотрите?

– А это... а вы кто?

– Это по поводу Галины, – сухо сообщила собеседница.

«Маман подключилась», – поежился Славик. Но вспомнил, что он мужик и что Михалыч такую линию одобрил, а Галкину маман обозвал дурой.

– Не знаю никакой Галины, – заявил Слава. – Чего вы ко мне пристали? Не буду я ни с кем ни о чем разговаривать!

Михалыч одобрительно кивал.

– Будете как миленький, – отрезала маман. Или не маман? Что-то знакомый вроде голос... – Я всего только спросила, как вы на это смотрите. Плохо смотрите – тем хуже. Для вас.

– А вы еще найдите меня, – засмеялся Славик и дал отбой. – Свалить, что ли? – пожаловался он Михалычу. – В Турцию махнуть...

– В Турцию можно, но несколько позже, – раздалось вдруг из-за его спины.

Славик обернулся. Перед ним стояла старомодно одетая тетка, похожая на... Блин! Точно, ее это голос в телефоне был! Славик даже протер глаза. Как же ее зовут-то?

– Ангелина Яковлевна? – спросил он, автоматически вскакивая.

– Садись, Черепанов, – разрешила тетка, занимая свободный стул. – Это я сейчас звонила. Поговорим, а потом поедешь, куда собирался. Или не поедешь.

Славик беспомощно посмотрел на Михалыча. Тот рассматривал Ангелину Яковлевну внимательно, без улыбки. На душе у Славика стало тревожно.

2

Музыка в зале на мгновение стихла и тут же грянула вновь. Теперь «Рамштайн». Но Ангелину Яковлевну это не смутило.

Славик вспомнил: вот всегда так. Как, бывало, ни галдели в классе, как ни гремел музон на школьных вечерах – Ангелина даже не напрягалась, чтобы перекрыть шум. Каждое ее слово, сказанное вроде бы негромко, звучало отчетливо и ясно. Русский язык и литература, что уж. Лет пятьдесят, наверно, преподавала. Это сколько ж ей сейчас? На вид-то не поймешь, то ли сорок, то ли восемьдесят...

Славик переводил взгляд с Ангелины на Михалыча и обратно и тосковал. Сильны, оба сильны, хочется подчиниться. А дома – мать, тоже сильна. Когда ж свобода-то будет? Хорошо хоть, бате всё до фени...

Размышляя так, он пропустил начало беседы, а когда очнулся – изумился: Ангелина сухо требовала, чтобы Михалыч куда-то ушел. На время или насовсем, этого Славик не понял, уловил лишь, что она Михалыча гонит – типа ей с Черепановым надо один на один, – а Михалыч, значит, развлекается. Ну, это пока развлекается, в глазах-то у него такое мелькает... Славик этот взгляд уже неплохо знал.

Но училка еще и угрожала.

– Не медлите не секунды, молодой человек, – сухо сказала она. – Это в ваших же интересах.

Михалыч хохотнул:

– Родителей вызовете?

– Иронию оставьте при себе. Ваши родители совершенно ни при чем, да и вы ни при чем, поэтому мне не хотелось подвергать вас действию проклятия, но может случиться так, что придется. Гарантирую: вы пожалеете, что не послушались.

– Круто! – воскликнул Михалыч. – Проклятие учительницы. Я сейчас уписаюсь со страха.

– В данный момент я не учительница, – бесстрастно сообщила Ангелина Яковлевна. – Я на пенсии. А вот мои экстрасенсорные способности остались при мне. Именно это я и пытаюсь вам объяснить.

– Ясновидящая? – Михалыч затянулся сигаретой, выпустил струю дыма в сторону собеседницы. – Баба Ванга? По совместительству – порча, приворот, сглаз? И как платят, нормально? На метле летаете? Права есть?

Да уж, ясновидящая. В школе все знали: от Ангелины ничего не скроешь, насквозь видит. О чем мечтаешь на уроке, и то знает. Блин, а уж как вперится в тебя, так мурашки по коже бегут и морозец, странный такой, пробирает.

Славику вдруг стало жалко старую учительницу. То ли расчувствовался, то ли опьянел, но стыдно стало смотреть, как безжалостно издевается над ней Михалыч.

– Пойдемте, Ангелина Яковлевна, – сказал Славик. – Давайте я вас на воздух выведу... подышать... а то тут видите, дым какой...

– Сидеть, – хлестко, прямо как в школьные годы, скомандовала училка.

Ну вот, загоревал Славик, так и есть, командует. Ладно, пусть. Сейчас Михалыч ей...

– Ух ты! – притворно восхитился тот. – Ловко! Умеете, умеете... Чтобы, стало быть, клиент видел, что почем... а уж терпила-то тем более... Браво, браво. А позвольте поинтересоваться, мадам, кому отстегиваете?

– Вы о чем? – холодно осведомилась Ангелина Яковлевна.

– Да будет вам, коллега! – скривился Михалыч. Он перегнулся через стол и заговорил совсем другим тоном: – Слышь, кончай фуфло гнать, перхоть старая. Кому башляешь? Управдомше? Две овцы пергидрольные... Не брали тебя пока за сиськи дряблые, а? Покрывает тебя подружка твоя, да? А хочешь, к тебе менты заявятся? Маски-шоу желаешь? Как? Прямо во время сеанса, а? Ментов тоже гипнотизировать будешь, мандень гнилая?

Славик похолодел. Стыд-то какой, блин, блин, блин! А с другой стороны, пытался сообразить он, лихорадочно припав к кружке, Михалыч-то как раз его защищает! Эх, в пятом классе куда проще все было...

– Молодой человек, – спокойно и даже как-то благожелательно произнесла тем временем Ангелина Яковлевна, – вы мне надоели и к тому же ведете себя непозволительным образом. Это, безусловно, заслуживает наказания. Но в каждом подобном случае я даю виновному один шанс. Только один. Сейчас вам следует осмысленно извиниться и оставить нас с Черепановым наедине. Считаю до трех. Раз.

Михалыч махом допил из кружки пиво, поднялся, громко рыгнул, обошел стол и навис над учительницей:

– Давай, божий одуванчик, считай. На счет «три» я тебя провожу до двери.

– Два.

– Получишь от меня легкого пенделя и полетишь к своей управдомше, поплачешься.

– Три.

Ангелина Яковлевна неторопливо повернулась. Славику на мгновение померещилось, что кисть левой руки у нее сменилась небольшими, но устрашающими вилами. Он тряхнул головой, глюк исчез.

– Пошла, пошла! – прикрикнул Михалыч. – Цигель-цигель, ай-люлю!

Ясновидящая дотронулась до него пальцем. Просто дотронулась. Просто пальцем. До живота.

Михалыч с глухим стуком рухнул в проход между столиками.

– Напился, что ли? – крикнул кто-то из зала.

– Да-да, молодой человек перебрал, – хладнокровно подтвердила Ангелина.

– Так на воздух его!

– Не беспокойтесь, – ответила Ангелина, – сейчас он придет в себя и отправится... подышать... Нет-нет, спасибо, мы сами его поднимем!

Славику стало невыразимо страшно. Это был не тот приятный страх, какой накатывает, когда смотришь ужастик – там только нервы щекочет, – а страх настоящий. Безысходный и какой-то... липкий, что ли.

– Что... что... что вы с ним сделали, Ан-Ан-Ангелина Яковлевна?

– Прежде всего, Черепанов, помоги мне усадить твоего знакомого за стол, – распорядилась учительница. – Он достаточно тяжел, мне одной трудно.

Вдвоем они подняли Михалыча, пристроили на стуле.

– Придерживай, чтобы не сползал, – велела Ангелина. – Некоторое время он будет не в состоянии даже сидеть самостоятельно. Система Ху Ванчоу, – сообщила она. – Восьмой век нашей эры. Изложен в нескольких трактатах по... впрочем, Черепанов, подробности тебе мало что скажут, ты вполне заслуживал своих троек. Вкратце: название этого приема можно перевести как «Поцелуй бездны». Активизация определенных энергетических центров человека дает эффект, сходный с сильным алкогольным опьянением. В частности, временно утрачивается возможность контролировать собственные движения. Это версия «лайт», дыхание сохраняется; в классическом варианте оно пресекается, однако летального исхода твой знакомый не заслужил. Хотя он и плохой человек. Полагаю, именно он сбил тебя с толку.

Славик совсем взмок. Все перевернулось с ног на голову. Мало того, что школьная учительница оказалась ведьмой, она теперь еще и каратистка? Или даже хуже? Как Ума Турман в «Килл Билл»! Блин, куда там, круче Умы – той-то пять ударов понадобилось, а тут один, да и не удар, а так, не пойми что!

Уй! Этак, глядишь, сантехник окажется каким-нибудь зомби, а таджик-дворник – стариком Хоттабычем...

В голову долбило: сваливать, подальше от всего этого! В Турцию, в Турцию!

– Черепанов, – строго сказала Ангелина Яковлевна, – я тебе уже объяснила: никаких Турций, пока мы с тобой не поговорим. Ты меня понял?

3

– Итак, Черепанов. – Она решительно пристукнула ладонью по столу. – Хоть ты уже и окончил школу, но специально для тебя – один урок. Помнишь, был такой предмет «Этика и психология семейной жизни»? Маргарита Юрьевна вела. Помнишь? Или прогуливал?

– Помню, – буркнул Славик.

В его памяти эта школьная дисциплина сохранилась скорее благодаря разочарованию. Он-то думал – про сиськи-письки расскажут. Но что могла поведать о сиськах-письках щуплая, кривоногая, очкастая, картавая историчка Маргарита Юрьевна? Так и получилось, она все больше за моральные принципы затирала.

– Если бы помнил, – ясновидящая покачала головой, – никогда бы так не поступил. Ведь втолковывала же тебе Маргарита Юрьевна: никогда не совершай по отношению к

другим того, чего не желаешь по отношению к себе. Про категорический императив Канта тоже не помнишь?

Что-то мутное, вязкое, неимоверно скучное всплыло в памяти. Портрет. Мужик в парике.

– Так, – сказал Славик уклончиво.

– Так? – Ангелина Яковлевна укоризненно посмотрела ему в глаза. – А вот скажи, дружок, зачем ты Галине насвинячил? Зачем ей твой ребенок? Она ведь на аборт не согласна. И молодец, кстати. Только поднимать твоего, Черепанов, да-да, твоего ребенка – ей одной!

– А это не ваше дело, Ангелина Яковлевна, – выдавил Славик, не глядя на собеседницу.

– Ошибаешься, голубчик. И мое тоже. Имею право, а уж на каком основании – о том отчитываться перед тобой не стану. Тебе же вот что скажу. Галина мне никто, и мать ее, Алла Валентиновна, тоже. Соседки по дому. Более того, мне вообще людей не жалко. Но должен быть по-ря-док! И спра-вед-ли-вость! Так-то, Черепанов. Справедливость и порядок. Галина, что и говори, дура. Как можно было такому, прости меня, олуху поверить? Вот в глупости она и виновата. И Алла, мать ее, виновата – что дуру воспитала, что недосмотрела. Такова их вина. Но не больше. Чтобы им всю жизнь покалечило – это несправедливо. Ты меня слушаешь, Черепанов?

Славик осторожно кивнул. Михалыч при этом покачнулся на стуле и чуть не упал.

– Да держи же ты его! – раздраженно прикрикнула Ангелина. – Теперь о порядке. Вот ты! Ты, Черепанов! Я всех своих учеников помню, и тебя помню, учился ты плохо, ленив был, но особенной подлости я в тебе не замечала. А теперь ты кем стал? Я тебе скажу: кукухом. Да-да, кукухом. Подбросил – и бежать.

– Наше дело не рожать... – пробормотал Славик.

– Чтобы я больше не слышала этой чепухи! – оборвала его женщина. – Ты Галине детеныша подбросил, и трава не расти! И другим будешь так же подбрасывать! У-у, живучая ваша порода, кукушачья! Ничем не вытравишь!

Она подняла сжатые в кулаки руки, потрясла ими.

– Да я... – промямлил Славик, – я и не думал... Чего вы...

– Все вы такие! Все вы не думаете! Пока вас самих не трахнут да не оставят с неподъемным грузом!

– Да как это «трахнут»? – удивился Славик. – Я же...

– Найдутся охотники, – усмехнулась в ответ Ангелина. – Уж не сомневайся. Ну и скажи мне, Черепанов, хорошо бы тебе было в таком случае? В глаза мне смотри! В глаза!

Славик снова почувствовал себя пятиклассником. Мучительно покраснев, он промычал:

– Н-нет.

– То-то же! – кивнула учительница. – Потому что непорядок, когда ответственность за вину не падает на виновного. Непорядок, когда виноваты трое или даже целый класс, а наказаны все, кроме одного. – Она посмотрела на кулем сидящего на стуле Михалыча и уточнила: – Кроме двоих. Ладно, посмотрим...

– Ангелина Яковлевна! – проникновенно сказал Славик, прижимая руку к сердцу. – Чего вы хотите? Чтобы они, – он мотнул головой, – меня в тюрьму посадили? За изнасилование?

– Дурак, – вздохнула ясновидящая. – Перед тобой выбор. Ну, насколько я понимаю, жениться ты не хочешь...

– Нет! – в ужасе крикнул Славик.

– Я так и думала, – произнесла Ангелина. – Не могу настаивать... Следовательно, выбор перед тобой следующий. Либо ты будешь по-человечески работать и материально помогать Галине. До совершеннолетия ребенка. Которого ты признаешь своим и с которым... не знаю, хоть в футбол ваш дурацкий гоняй раз в неделю. Ну, конечно, если Галину кто-нибудь замуж возьмет, ты свободен... Да, работу найти я тебе помогу. Но уж и следить стану! Либо...

– Что «либо»? – тусклым голосом спросил Славик.

Попал, стучало в голове. Попал, попал, попал! До совершеннолетия... Это сколько – шестнадцать? Восемнадцать? Или сейчас в четырнадцать паспорт дают? Блин, все равно полжизни...

– Либо я и тебя, и твоего знакомого прокляну.

– А вдруг я... – начал было он.

– Даже не думай, – резко сказала Ангелина. – Ты меня ни сейчас не обманешь, ни после. Сейчас скажешь «да» – я увижу, если соврешь. И проклятие вступит в силу. Завтра придешь ко мне, помогу с работой, но помни: коли врать начнешь – пеняй на себя, Черепанов. Проклятие будет висеть над тобой и придет в действие немедленно.

Славик вдруг осмелел, даже сам себе удивился. От отчаяния, наверное, отвага появилась.

– Да что вы чушь несете? – воскликнул он. – Какие проклятия? Вы же современная женщина, Ангелина Яковлевна! Всю жизнь детей учили!

Она усмехнулась:

– Не всю, – и поторопила: – Время идет, решай. Да или нет?

– Что хоть за проклятие-то? – капризно спросил Славик. – Должен же я... как это... во, сделать, блин, осознанный выбор! Хотя и не верю в эту лабуду...

– Ну, проклятие-то – по результатам – простое. Электричество помнишь? Анионы, катионы?

Славик пожал плечами. Слова он помнил, а подробностей – никаких.

– Троечник... Смотри, Черепанов. Поток частиц. Положительные, со знаком плюс. Отрицательные, со знаком минус. Человеческая жизнь похожа на череду таких вот потоков. Только анионы и катионы всегда текут встречными курсами, сколько одних, столько и других. У человека тоже так бывает. А бывает, что больше плюса или больше минуса. У тебя, например, пока сплошной плюс. Ты счастливчик.

– У меня?! Шутите?!

– А ты недоволен жизнью? В тюрьме не сидел, в армии не служил, родители живы-здоровы, девушки дают. Живешь в свое удовольствие. В Турцию можешь себе позволить. Ярко выраженный плюс.

Возразить было нечего. Если так посмотреть, то и правда...

– Так вот, я переключу твой поток на минус. И с этих пор судьба станет открывать перед тобой только невыгодные варианты. Пойдут неприятности. Точнее, ты сам будешь на них нарываться. Представь себе: перед тобой две дороги, на одной лежит один рубль, на другой сто. Ты всегда будешь сворачивать туда, где рубль – один. И даже хуже: на каждой такой дороге этот несчастный рубль обойдется тебе долгом в сотню. Понимаешь?

– Бабы сказки, – упрямо буркнул Славик.

– Ну, как хочешь, – вздохнула Ангелина. И добавила: – Девушки, кстати, ни тебе, ни знакомому твоему давать не станут. Совершенно определенно. Работаю с гарантией.

Она посмотрела на Славика таким взглядом, что того снова бросило в пот, и вся смелость испарилась вместе со здоровым скепсисом, и Славик решился, и открыл рот, чтобы сказать: «Да, Ангелина Яковлевна, я согласен, даже жениться согласен, если Галка согласится, и хрен с ней, с тещей, только не проклиняйте, я больше не буду!» – и в этот момент заговорил Михалыч. Встать он пока не мог, а вот речь вернулась – пусть и очень похожая на речь пьяного.

– Славян, лошара помойная, терпилой заделался, баран? А ты, кобыла старая, убью нах, а ну пшла вон, бегом!

Ангелина проигнорировала эту тираду.

– Ну, Черепанов?

Славик выдохнул. Похоже, и правда с ума сошел, чуть на очередной геморрой не попал. Гипнозом, что ли, старуха владеет? Вовремя же Михалыч оклемался!

– Нет, – отрезал Славик.

– Что ж, – проговорила она. – Ты выбрал.

Медленно так проговорила, тягуче. А вот дальше действовала очень споро.

Достала из сумочки и поставила на стол серебристый цилиндр с ладонь диаметром и такой же в высоту. Сняла плотно пригнанную крышку, извлекла чудовищный предмет – глаз, вне всякого сомнения мертвый, с помутневшей роговицей, посиневший. Ловким движением вынула – как будто вывинтила – свой собственный левый глаз и вставила на его место этот, жуткий. В упор посмотрела им на Славику. Словно ствол навела.

Он еще успел удивиться – никогда не знал, что у училки один глаз стеклянный. И успел осознать, что все происходит как во сне: кошмар какой-то творится нереальный, и надо либо бежать, либо хоть закричать, но невозможно, и никто вокруг – а народу-то в кабаке полно! – почему-то не обращает внимания...

Ангелина резко зажмурилась. Из жуткого глаза вырвался комок слизи, перелетел, как плевок, через стол, врезался Славику в переносицу. Затем старуха нацелилась на Михалыча и повторила трюк, угодив на этот раз в лоб.

Славика вырвало на пол.

Он еще слышал, как Ангелина Яковлевна с неожиданной нежностью произнесла: «Ласточка, кормилица...» – и как прозвучали и смолкли ее шаги.

Когда Славик пришел в себя, ведьмы в кабаке уже не было. И продолжал греметь «Рамштайн».

4

В документах Ангелины Яковлевны Романенко значилось: дата рождения – 18 октября 1944 года, место – г. Билимбай Свердловской области. Этой версии она и придерживалась все семидесятые, восьмидесятые и девяностые годы, когда трудилась скромной учительницей русского языка и литературы в средней школе – в подмосковных Люберцах, а потом в новом столичном районе Новокузино.

До этого были другие города, другие имена, другие документы. А еще раньше и вовсе без документов обходилась. Но то – давно...

А ныне – вот так: Романенко А.Я., 1944 г. р., вдова, детей нет. Отличница народного просвещения бывшей РСФСР.

Решив выйти на пенсию и зарабатывать на жизнь ясновидением, Ангелина перестала скрывать, что родилась на двести лет раньше – в 1744 году. Того же 18 октября, только по старому стилю. В святцах этот день пуст, и нарекли девочку ближайшим по времени имени – Ефросиньей, а по-простому Фроськой.

В подробности своей биографии Ангелина особо не вдавалась, ни к чему это, но об истинном своем возрасте кое-кому из клиентов и сообщала. Клиентов было немало, люди все романтичные, легковверные, образованные – одни недостаточно, другие, наоборот, избыточно... Что ж, упоминание, брошенное как бы походя, – «Юбилей у меня на носу, через неделю триста пятьдесят стукнет» или, к примеру, «Уж четвертый век, как сирота я круглая», – на этих людей действовало. Кто верил и, что называется, проникался, кто прикидывал – не в себе тетенька, блаженная – и тоже проникался. И молва разносилась, но ясновидящая не боялась: скептик отмахнется и забудет, потенциальный клиент запомнит, да, глядишь, и придет в трудный час. Для него трудный, для клиента.

Итак, в середине октября 1744 года в маленькой подмосковной деревушке, коей и названия-то не сохранилось, появилась на свет девочка Фроська. За неделю с небольшим до того средь бела дня погасло солнце. Конечно, вскорости оно снова вспыхнуло, но от пережитого ужаса соломенная вдова Акулька едва не родила. Однако – удержала. Крепка была. И родила точно в срок.

Особенного внимания на это событие в деревне не обратили – некому было обращать. Кузьма, муж Акульки, по весне забритый в солдаты, нес службу незнамо где, тятку да мамку Акулька и не помнила, Кузькину родню всю чума покосила. Одна-одинешенька осталась соломенная вдова.

Жилось трудно. Первое сохранившееся впечатление Фроськи – закопченные бревна стен, полумрак, сырость, кислый запах жилья. Да еще голод: есть хотелось всегда.

Нет, соломенных вдов на произвол судьбы не бросали: помогали миром, уж как могли. Снаряжали мужиков – по двору, по дому подсобить, подправить, если что совсем уж обветшало; зимой дровишек подвезти, летом, на покосе, сена для вдовьей козы накопить; а то и подкармливали – не так чтобы густо, но чем богаты...

Делали это из человеколюбия христианского, как Господь наш Иисус Христос завещал; а еще, кумекали, воротится с царской службы солдат, седой как лунь, саблями иссеченный, пулями помеченный, но, даст Бог, в силе – прямая дорога ему в помощники барского управляющего: ведь что ж, человек-то бывалый, да и к порядку приученный, опять же считать худо-бедно умеет. Что ж зазря обижать семью такого-то человечка?

Впрочем, всякое случалось. Жинка без мужа, без отца, без братьев – беззащитна. Находились и охотники попользоваться... Добро, коли молода, весела да собою пригожа, – на такую и немец-управляющий польстится, а то и молодой барин. И произведет соломенная вдовушка на свет байстрюка, да ведь баре – они не кукушки. Баре, они по-заморскому балаболят, друг с дружкой расшаркиваются, а и то не кукухи! Об отпрыске своем, глядишь, да и вспомнит папаша, позаботится. Все жить легче. И непутевые людишки обижать поостерегутся: не ровен час, кинется ему, барину-то, полубовница в ноженьки, слезами зальется, на обидчиков укажет – жди беды тогда!

Вот только в родную Фроськину деревню барин наезжал хорошо, ежели раз за двадцать пять годков. Мамка Акулька сказывала – одна только и посчастливилось ей барина узреть... Деревушка тогда глухим углом была; кому из деревенских довелось в главном барском имении побывать, те долго еще потом байки баяли, одна другой диковиннее. Какие байки – чудесные, какие – страшнее страшного. Эти, страшные, все больше шепотом передавали; пошушукаются мужики, перекрестятся да и вздохнут: слава-де богу, и от барской милости подале, и от гнева барского... Мала деревушка, вот и славно. Баре тут и управляющего-то не держали, все на старосту ложилось, на пегобородого Ефимку. Да и тоже слава богу...

Жизнь текла чередой однообразных дней. Летом и ранней осенью было повеселее: ходили с маменькой по грибы-ягоды, в лугах траву собирали – стебли у той травы толстые, сочные; все приварок. А зимой подголаживали, и тогда Фроська, бывало, размахнется: воротился бы тятенька, живой-здоровый, тепло да сытно зажили бы.

И маменьке полегчало бы, а то ведь замечала Фроська: грустит она, на баб деревенских, какие при мужиках, с завистью поглядывает, плачет по ночам. Плачет да поскуливает порою: «Ох, худо без мужика!» Так ведь подлезал к ней бобыль Прошка – все норовил то забор покосившийся поправить, то ворота просевшие на петлях приподнять, то еще что. Прогнала: жонка я замужняя, сказала, ступай прочь, Прошка, не балуй.

Были и другие... баловники... Их Акулька гоняла почем зря – когда ухватом, когда коромыслом, когда и вилами грозила. Горе ведь соломенной вдове, коли понесет не пойми от кого. Тут уж не остановишься, родишь одного выблядка, за ним другого, третьего... Так и называли в деревне: выблядками, а бабу – блядью. Ворота дегтем мазали, и уж не помогали, живи как знаешь... А как прожить? От забот непосильных богу душу отдать легче, ежели допрежь родами не помрешь. Да все одно, детишки сиротами останутся – страшная участь, жуткая, при живых-то отцах.

Таких отцов, впрочем, прозывали кукухами и тоже не жаловали. Мог староста под горячую руку донести управляющему в главном имении, если доводилось туда поехать. А управляющий – тот тоже: мог посмеяться, мог старосте по шее дать, чтоб не лез, дурак этакий, попусту, а мог и барину доложить или барыне. И уж тогда – как Господь даст. Старики вспоминали: при старом-то барине Фильку Седого да Макарку Порожного барин пороть приказал, а после в каторгу отправить. Ух, лют был покойник...

Фроське сравнялось восемь, когда мамка Акулька перед кукухом не устояла. Особенный был кукух, не деревенский: за какую-то провинность прислали к ним, в глушь,

карлу из главного имения. За что да про что сплавил его барин – разное болтали. То ли помрачение на карлу нашло, порезал он живность на скотном дворе. То ли слишком уж полюбила его молодая барыня, и барин, крутой норовом, велел карлу сечь нещадно, а после – в хлеву поселить, со свиньями, и не кормить. Пусть-де то жрет, что у свиней отобрать сподобится. Насилу барыня упростила – посечь больше для виду, да и отправить в дальнюю глухую деревню, богом забытую. Жалела карлу...

В деревне опального приняли с почтением: мало ли что, ныне серчают на него баре, а завтра, того и гляди, снова вознесут. Поселил карлу к себе сам староста Ефимка, угощал сладко, стелил тепло.

А карла вдруг Акульку увидал – и прикипел. Та-то поначалу отмахивалась, посмеивалась: экий потешный! Росточком с Фроську, голова большущая, ножки кривые, коротенькие, руки, наоборот, длинные, чуть не до земли, сразу видать – сильные. И досмеялась мамка – сдалась, пустила в дом, на печи спать укладывала, с собою рядом. Фроська слышала по ночам: возятся они там на печи, карла пыхтит, мамка криком кричит. Страшно делалось, а после девочка поняла – мамке-то ой как хорошо...

Правда: веселый был карла. Балаболил без устали, песни пел, в пляс пускался, глазищи так и сверкали! Отзывался на «карлу», как на имя; Фроська хохотала до упаду: ишь, Карла-марла! А он на Карлу-марлу тоже отзывался, только зубы скалил, будто ярился; ну да то притворно... Баловал Фроську, по голове гладил. А уж маменька-то – пышным цветом цвела!

Так прожили до самой зимы. А потом уехал староста и воротился не один – с барскими гайдуками. Схватили те Карлу-марлу под белы ручки, в сани закинули – поминай как звали!

Собрался мир, Ефимка Пегий и поведал: страсть озлилась барыня, как узнала про карлу своего ненаглядного и про Акульку. И сказала барину: будь, мол, по-твоему – сечь его до полусмерти, а после к свиньям бросить. Барин-то смекнул... Тут староста запнулся, поскреб бороду и закончил вовсе про другое: Акулька-то наша Кузькина – блядь. Барыня молвить изволили: блядь!

Мужики помолчали; кто в затылке почесал, кто головой покрутил, кто плюнул смачно. Молча и разошлись.

Весь день и всю ночь мамка убивалась. Металась от стены к стене, выла, лицом почернела. Фроська забилась в самый темный угол, смотрела со страхом и безнадежностью.

Наутро отправились по воду – как-никак, а жить-то нужно... Вышли со двора, глянь-поглянь – ворота-то в дегте. А на улице – парни молодые, Акульку с дочкой увидели – засвистели, заулюлюкали. И девки тут же – хохочут, пальцами показывают, слова срамные выкрикивают.

Фроська плохо запомнила, как прошли они с ведрами и коромыслом через этот строй, как воротились. И что дальше было – тоже словно в тумане. Мамка больше не плакала, это точно. Все сидела на лавке, руки на коленях сложив. Неподвижная, как покойница.

Потом стемнело, Фроська заснула, а проснулась, еще до света, – нету мамки, а печь остыла, холодно в доме...

Девочка помолилась на образок, что в углу, укуталась потеплее, запалила лучину, выбежала из дома, а затем и со двора. На улице было пусто и темно, лучина не больно-то помогала. Фроська заплакала, и тут из-за облаков выглянула полная луна, ярко осветив дорожку следов на свежем снегу.

Идти по следам оказалось недалеко – через маленькую рощу к речке. А там, по толстому льду, – до проруби, только-только затянувшейся. Рядом с прорубью валялся знакомый колун с почерневшим топорищем.

Девочка отшвырнула ненужную лучину – та зашипела и погасла, – схватила колун, принялась вскрывать прорубь. Три с половиной столетия спустя, став Ангелиной Яковлевной, она оценивала свои тогдашние действия современными словами: действовала автоматически, все чувства притупились. И притом – какое-то новое знание капля за каплей наполняло ее. Это еще предстояло переварить, осознать, осмыслить. Ну, время было...

Фроська едва не упустила топор под воду, чуть не упала в прорубь сама, но в конце концов полынья расчистилась, и из непроглядной глубины всплыла маменька.

Ее лицо быстро покрывалось коркой льда. По-прежнему не отдавая себе отчета в том, что делает, девочка пыталась вытащить мать на лед. Мешали рукавицы, Фроська сбросила их. Руки сразу же заledenели, а своего лица она не чувствовала уже давно.

Звонко упала новая капля непонятного пока знания. И еще одна, и еще. Фроське показалось: захоти она чего-нибудь сильно-сильно – оно сбудется. И захотела: вытащить мать. Волоча ее по льду и по снегу, добраться до дому, хоть ползком. Растопить печь. Отогреть маменьку, оживить.

И чтобы воротился тятенька или хотя бы веселый, добрый Карла. И чтобы никто не смел мазать их ворота дегтем, свистеть, кричать: «Блядь с выблядушкой!»

Она вытянула маменьку из полыньи, задыхаясь, упала рядом, и враз сделалось черным-черно и безмолвно.

5

Очнулась от того, что кто-то тихонько рассмеялся прямо у нее над ухом и произнес:

– Красавица-то какая!

– Ты про которую? – лукаво спросил другой голос, потоньше.

– А обе хороши, – ответил первый.

Опять смех, теперь на два голоса. И, почувствовала Фроська, веет холодом, но не мертвым, какой сковал маменьку, а... не передать... живым, свежим.

Второй голос сказал:

– Старшей-то уже не поможешь. А младшую давай-ка домой снесем, вон следы. По следам и снесем.

– У-у! – притворно сердито отозвался первый. – Я было подумал, ты ее к нам домой снести хочешь!

Послышался легкий шлепок, за ним опять смех.

Фроська попыталась открыть глаза – не вышло, ресницы смерзлись. Хотела спросить – кто, мол, вы такие, люди добрые? – и тоже не смогла.

– Да зюзи мы, девочка! – сказал первый голос, будто слышал Фроськины мысли. – Обыкновенные зюзи! Хочешь к нам?

– Что ты пристал? – теперь невсамделишно осерчал второй голос. – Бери старшую да неси, а я младшую возьму.

– У-у, тяжелая... Да пошто ее брать, ей уже без надобности...

Второй голос рассердился не на шутку:

– А волки объедают? А вороны исключают? Ты что?

– Ох, да шуткую я... Ну, подмогу надо, вдвоем не снесем. Или... девочка, а девочка, ты хоть знак подай: хочешь к нам? У нас хорошо, весело, холодно!

Фроська наконец умудрилась издать стон.

– Видишь, не хочет! – озабоченно произнес второй голос. – А супротив воли нельзя!

– Да-а... – протянул первый. – Супротив воли это никак... За подмогой-то бечь – путь не ближний, как бы совсем не замерзла. Ох, ну взяли...

Сильные руки подняли девочку, перехватили поудобнее. Заскрипел снег. Фроську быстро укачало-убаюкало, и она задремала.

Сквозь дрему доносились голоса. Первый жаловался – тяжело, мол, второй утешал – дескать, уже вот они, ворота, за воротами свою ношу и положишь, а малую в дом надо, отогревать.

И верно, знакомо скрипнуло раз, вскоре другой, потом Фроська ощутила, что лежит на лавке. Голоса опять о чем-то переговаривались, но девочка уже не воспринимала смысла. Только почувствовала через некоторое время – делается теплее. Вот тогда сумела понять, что слышит потрескивание дров в печи и голос – тот, что потолще:

– Уф! Побежали, худо мне в такой жаре!

– Побежали! – откликнулся голос потоньше. – Там-то вон как хорошо! Слышишь, деревья трещат? А ты молодец у меня!

Раздался звук поцелуя, стукнула дверь, и все стихло. Только гудела печь.

Фроська проверила глаза – открываются! – и снова закрыла их.

Спать.

Очнувшись, девочка увидела: подле ее лавки стоит старый сундук, а на сундуке сидит деревенская повитуха.

– И-и, болезная! – тоненько пропела бабка. – На-ка, испей! – Она поднесла к губам Фроськи жбан и прикрикнула: – Пей, пей!

Отвар показался отвратительным, но повитуха не отставала, пришлось давиться, но пить. И Фроська почувствовала: с каждым глотком мерзкого пойла ее силы прибывают.

Она села на лавке и хрипловато спросила:

– А маменька?

– Сгубили Акульку, ироды, – сварливо проговорила старуха. – Со свету сжили, изверги проклятушие! – И участливо добавила: – Схоронили мамку твою, девонька. Третьего дня и схоронили.

– Сколько ж я лежала? – изумилась Фроська.

– А и считай, – пробурчала бабка. – Шесть дён, как один!

И рассказала: обнаружили мертвую маменьку деревенские парни, пришедшие покуражиться над блядью. Так она, бедная, на дворе и лежала. Испугавшись, парни побежали к старосте, Ефимка созвал мужиков покрепче, ввалились в дом, тут уж и ее, Фроську, увидали. Трясли-трясли – никак. Послали за повитухой, приставили приглядывать, покуда в беспамятстве, а как в память придет, так и выхаживать.

После и всем миром собрались и порешили: Акульку схоронить честь по чести, однако не на погосте, а за оградой. Сама ведь руки на себя наложила, грех, господи помилуй!

И все равно получалось, что смерть каким-то образом очистила маменьку от позора. Фроська вздохнула с облегчением.

Еще, по словам старухи, все удивлялись: как девчонка восьми лет от роду сумела дотащить из такой дали да по такому морозу тело матери? Фроська догадалась, что и это стало для односельчан знаком в ее пользу.

– Как сдюжила-то, болезная? – пристала повитуха.

– Помогли... – махнула рукой девочка.

– Помогли-и, – передразнила бабка. – Мужики-то наши, чай, не промах, прошли по следам-то. Ползком ты, матушка, ползком ползла, да мамку свою за собой волокла. От самой от полыньи до самого до двора. А уж от ворот до лавки – одна ползла.

Хитрые зюзи, подумала Фроська – и улыбнулась.

А старуха, погрозив ей пальцем, рассказала: сход постановил – отдать сироту Малашке Жировой. Чтобы та ее кормила-поила, а сирота по хозяйству в услужении была, покуда тятка из солдатчины не воротится или замуж кто не возьмет. Малашка-то согласилась, ей – тут повитуха поджала губы – в услужение девка ох как требуется. Правда, она, кровососка, еще и домишко вот этот самый забрать желала, да мир отказал: Кузька-то, коли не убьют, возвратится – что скажет?

– Ну, девонька, спаси тебя Бог, – заключила бабка и мелко перекрестилась три раза.

И потекло житье-бытье в доме у Малашки.

Приходилась она Фроськиной покойной маменьке дальней родней, да ведь в деревне все друг дружке какая-нибудь, а родня. Вот кровосоской повитуха назвала Малашку не зря.

Жировая – означало: зажиточная, в жиру купается.

Тоже ведь солдатская вдова, да не соломенная – настоящая, сгинул ее Ивашка, в дальних краях голову сложил. А вот поди ж ты, как обустроилась! И дом крепкий, и добро в сундуках всякое, и припасы в погребе, и скотины на дворе богато. Даже корова!

Вдова, детишек трое... Казалось бы – хоть помирай, разве что мир попечением не

оставит! Ан нет – детишки-то были не простые. Ну, старшая, Фиска, та – солдатская дочь, с нее толку ждать не приходилось. Хоть бы замуж кто взял, на выданье девка, четырнадцатый год от роду, Малашка уж на приданое расщедрилась бы, да кто на такую позарится – и глупа, и лицом ряба... Зато близнецы Демьянка да Васятка – вот в них вся суть и крылась: не чьи-нибудь мальчишки, а самого герра Кнопфа, барского управляющего! В главное имение немец Малашку с выводком не брал – господ побаивался, – но сыновей попечением не оставлял. Наезжал, само собой, нечасто, а все ж...

Вот в такой дом попала Фроська. Помыкала ею Малашка всю, заставляла делать всю работу по дому, за птицей и скотиной ухаживать, двойняшкам прислуживать, без отдыха даже в святые праздники. К тому же близнецы оказались настоящими гаденышами. Ангелина Яковлевна не любила вспоминать о том периоде своей жизни...

В деревне наверняка всё знали. Не могли не знать. И что питается сирота – добро, ежели с хлеба на воду, а то ведь чаще очистками да помоями перебивается. И что работает тяжело с утра до ночи, а спит – зимой в затхлом чулане, летом в хлеву, с коровой по соседству. И о ругани нескончаемой, и о каждодневных зуботычинах да оплеухах.

Обо всем знали – крохотная ведь была деревушка. И скорее всего, жалели девочку. Но – молчали. Боялись слово поперек молвить: управляющий-то, когда сыновей да полубовницу проводывал, тоже все видел, а словно не замечал. Стало быть – одобрял...

Ну и привыкли все. Раз оно так, стало быть, так и должно. К тому же другие события, куда важнее, заслонили судьбу сироты: преставился барин. И все взяла в свои руки барыня. Крутенько взяла, ох крутенько...

В деревушке об этом громко болтать боялись пуще огня, а шушукаться – шушукались, как без того... Сойдутся два мужика и давай друг дружке на ушко. А после один брательнику шепнет, другой жинку пужнет, та куме брякнет – и ползут слухи, ползут! Страшненькие слухи: мол, взбеленилась свет-барыня, лютует, аки дикий зверь каркаладил. На кол сажает, живьем кожу сдирает; порванным ноздрям да отрезанным ушам счету нет, а уж порка – то за милость господскую почитай! Вот глаза не выкалывает, языки не рвет, что нет, то нет. Потому – без глаз да без языка слову и делу урон, а оно, слово-то и дело, – царское...

Все – что ни сделай, что ни скажи, как ни взгляни – все у барыни могло за провинность сойти.

И еще говорили, это совсем тихо: до мужского пола барыня жадная сделалась, полубовников уж сколько поменяла, да все – из благородных, хоть и отощавших фамилий. А барыня-то богата несметно, вот и куражится. Возьмет к себе молодого, а наскучит – прогонит с позором, другого сыщет.

Доходили эти слухи и до Фроськи, но интересовали ее мало. Свое бы житье терпеть дал Бог сил.

Она терпела. Переживать было недосуг, мечтать тоже, да и не оставалось на это мочи. Еще до рассвета вскакивала и принималась за работу, глубокой ночью падала, ровно мертвая. Лишь изредка – отчего-то всегда в полнолуние – заснуть не могла, и тогда вставала она, шла к единственной подружке, корове Ласточке, гладила той морду. Корова вздыхала, а во Фроськиной голове проносились видения. Смутно – возвращение тятеньки, бравого солдата. Чуть яснее – как будто вызволяет ее, сиротинушку, из этой неволи маменькин Карла-марла. Вовсе ясно – зима, статный сероглазый красавец зюзя и его тоненькая, словно тростинка, невеста... Почему-то именно так виделись девочке ее давние спасители...

А однажды примерещилась, совсем как наяву, согбенная беззубая старуха с нечесаными волосами и трясущимися руками, покорно ожидающая смерти. Сирота вгляделась – и узнала самое себя. Тогда она отстранилась от Ласточки, сжала кулачок, что есть силы ударила кормилицу в лоб. Корова медленно повернула голову, посмотрела на Фроську невыразимо печальными глазами, в которых застыли слезы. «Прости», – шепнула девочка.

В ту ночь она, несмотря на страшную усталость, так и не уснула – ворочалась на охапке вонючей соломы и все спрашивала: «За что?» К кому Фроська обращалась, она не смогла бы сказать. Но точно – не к Богу.

Много позже Ангелина Яковлевна – в ту пору она прозывалась Серафимой Петровной Купцовой, нижегородской мещанкой, – прочла сказку «Золушка» и улыбнулась: надо же, до чего похожий сюжет! Только ни фея к ней не пришла, ни принц не поцеловал. Ни хрустальной туфельки, ни бала в королевском дворце – ничего этого не было. Было другое – ночь на Ивана Купалу.

6

Фроське шел шестнадцатый год. Прошлой осенью Малашка выдала замуж рябую Фиску: пора уж было, срам, чтоб девка, какая ни есть, в перестарках осталась. Взял за себя дуру бобыль Прошка: на приданое позарился, а Малашка тоже не прогадала – скудно дала, а он-то и тому радовался.

Должно было бы стать полегче, так нет: паскудники Васятка с Демьянкой входили в силу, отбиваться от тринадцатилетних делалось все труднее.

Вечером накануне Ивана Купалы деревенские девки отправились на ближнее болото – цветы собирать, венки плести; чуть позже потянулась в лес ватага парней – костер разводить. Взяли с собой и Малашкиных байстрюков – да только слова этого, «байстрюк», вслух никто не произносил.

Хлебнув бражки, уgomонилась и хозяйка. Пристрастилась она в последний год к хмельному зелью...

Фроська, в кои-то веки раз, оказалась предоставленной сама себе. Все равно боялась, как не бояться, но очень уж хотелось... Девушка выскользнула из хлева, потом со двора, пробежала мимо наглухо заколоченного родительского дома, нырнула в рощицу, вброд преодолела речку повыше того места, где когда-то утопла маменька, и двинулась на болото, да не на ближнее. На ближнем, она знала, уж и цветков-то красивых не осталось, а вот на дальнем – там нехожено-нетоптано...

Что ж, ей-то места всё знакомые, не зря с маменькой столько ходили по грибы, по ягоды.

Солнце спряталось, на небо выкатилась полная луна, огромная и словно бы кровавая. Фроська добралась до дальнего болота, принялась прыгать с кочки на кочку, собирать цветки, один другого краше, на ходу сплетала их в венок.

Уже почти доплела, когда увидела юношу. Высокий, статный, светловолосый, глаза серые, одет во все серебристое – точь-в-точь давний ее зимний спаситель, как мерещилось в видениях, – он стоял на краю болота, совсем неподалеку от Фроськи, и улыбался. Потом из-за деревьев показалась дэвица в легком, будто струящемся сарафане – росточком юноше по плечо, сама тоненькая, гибкая, а волосы тоже светлые, и глаза серые. Только волосы длинные, а на голове небывалой красы венки, сплетенный из крупных золотистых цветков с вытянутыми чашечками. Дэвица слегка наклонила голову, цветки издали тихий мелодичный звон.

– Ох, ну и замарашка! – сказал юноша, глядя на Фроську.

Дэвица певуче рассмеялась:

– Глупый ты, Зорко! Али не признал? Две красавицы на льду, старшая насмерть замерзла, младшая жива-живехонька...

– Ох... – повторил юноша. – И правда... Зорка же ты, Зимавушка, даром что я Зорко...

– Женский глаз... Девушка, пора бы нам и познакомиться! Я Зимава, это Зорко, а тебя как величать, красавица?

Сирота нахмурилась:

– Красавица? Ай надсмехаетесь? – и строптиво вздернула подбородок. – Ну да вам не воду с лица моего пить! Фроськой меня кличут...

– Фроськой? – Зимава изогнула бровь. – Почто ж так, ровно козу аль корову? Ефросиньюшка, вот как надо!

– Красавица, красавица, не сумлевайся! – заверил Зорко. – Глянешь – замарашка, а

вглядишься – красавица! Отмыть, да причесать, да принарядить... Ох, не бойся ты нас, не обидим! И в тот раз не обидели, и в этот не обидим!

– Иди к нам, – позвала Зимава. – Тут бочажок, водица в нем гладкая-прегладкая, чистая-пречистая, холодная-прехолодная! Умоешься, посмотришься, как в зеркало, увидишь, какая ты...

– Я и не боюсь, – буркнула Фроська, переступая с кочки на кочку и то и дело поглядывая на чудесный веночек Зимава.

Она и правда успокоилась. Верно ведь говорят: тогда худого не сделали, и ныне, поди, не сделают. Ну а коли что – этакой жизни не больно жалко...

Впрочем, девушка ощущала в себе какую-то силу... опять, как тогда, у проруби, потихоньку наполняло Фроську что-то новое, пока непонятное... и она уже знала: не так-то просто с нею совладать... и предчувствовала: скоро предстоит эту силу проверить... но не сейчас, не на зюзях...

Она выбралась на берег, степенно поклонилась зюзям, они ответили тем же. Звякнул Зимавин веночек. Дохнуло холодом и свежестью.

– Вон там, за теми ивами, наш бочажок, – показал Зорко. – Пойдем.

– Пускай сама сходит, – остановила его Зимава. – Не смущай ее... Ступай, Ефросиньюшка. Как управишься, кликни нас.

...Фроська вгляделась в гладкую, и впрямь – точно зеркало, поверхность воды. Ой, страшилище какое... Она нерешительно зачерпнула ладошкой водицы – руку аж заломило холодом, а по бочажку пошла рябь, отражение будто раскололось, не разглядеть целого. Девушка зачерпнула еще, плеснула в лицо, провела по нему. Холодно, холодно!

Но она черпала и черпала, смывала и смывала грязь – с лица, с шеи, с рук, – не давала воде успокоиться, не хотела снова увидеть то отражение. Скинула ветхую одежку, ступила в бочажок – оказалось не мелко, с головкой. Думала – дух захватит, ан нет, не так и страшно; знать, успела привыкнуть.

Медленно опустила в глубину, нащупала ногами дно, взглянула вверх – луна, уже не багровая, белая-пребелая, причудливо преломлялась в пляшущей воде. Захотелось навек тут и остаться.

«Будет, будет!» – прикрикнула на себя, перекрестившись прямо под водой. Вынырнула, выбралась на бережок, зубы застучали от холода. Собралась одеваться – как была, на мокрое тело.

– Ай искупалась? – слышался ласковый голос Зимава. – Оставь лохмотья свои, вот тебе сарафан, примерь! На ивушке висит, на ближней веточке... А под ивушкой гребень я положила...

Когда Фроська вышла из зарослей, зюзи в один голос ахнули. Она снова поклонилась, потом встала прямо-прямо, сказала:

– Спаси вас Бог, добрые лю... – Запнулась и поправилась: – Добрые зюзи...

Юноша улыбнулся, девица засмеялась, диковинный веночек вторил ей.

– Не отдарюсь ведь, – вздохнула Фроська. – За сарафан, за спасение давнее, за добро ваше – не отдарюсь...

– За добро, что от сердца, не отдариваются, – став серьезным, возразил Зорко. – Да и видим мы: тебе, красавица, уж столько досталось, сколько иной старухе за всю жизнь не доставалось... Вот нам и в радость – тебя побаловать...

– Ты ведь, Ефросиньюшка, – вступила в разговор Зимава, – на Ивана Купалу веночек плела? На пляски ваши людские, на прыжки через костер собиралась?

– Одним глазком глянуть бы... – подтвердила Фроська. И спохватилась: – Посеяла веночек, голова дырявая! Заново плести придется...

Зимава шагнула к ней, сняла свой чудо-веночек, возложила девушке на голову – словно корону.

– Ох, – только и сумела произнести Фроська.

– Пойдешь с нами? – спросила Зимава. – У нас этой ночью тоже праздник, некоторые, –

она искоса взглянула на Зорко, – даже упиваются до беспамятства, но то немногие. Веселый у нас праздник, и костер имеется, пойдем? Тут недалече...

– Только костер у нас хоть и яркий-преяркий, – пояснил Зорко, – а из холода сотворен. Красивый – куда там вашему! И не жжется...

Зюзи переглянулись.

– Ты вот что знай, девица-красавица, – начала Зимава и остановилась. – Лучше ты, Зорко.

Тот подхватил:

– Ты вот что знай: кто из людей к нам на праздник пришел, кто с нами пил-ел, пел-плясал-веселился, тот с нами и останется. Не по принуждению, а по своему хотению. Завсегда так бывало, ни один уйти не пожелал... Мы-то рады-радешеньки, коли человек добрый – и зюзей станет добрым. Да и хорошо у нас: село наше, Зюзино, – не слыхала?.. Не то чтобы богатое село, а всего вдоволь. Живем – не жалуемся, жизнь у зюзи долгая и вольная. Никого не трогаем, слушаемся одних только стариков своих. А, глядишь, пособить кому требуется – людям али еще кому – пособляем-выручаем... Ну, пойдешь в зюзи? Видишь, мы без обмана, по-честному...

Фроська прикрыла глаза и увидела-услышала как наяву: большая поляна, белым светом луны залитая; изумрудная трава вся в инее, мерцает-переливается – красота, в сказке не сказать; большой костер посредине, языки пламени не красные, а голубые да белые, и веет от того костра не жаром, а свежестью зимней; слышны песни, разносится веселый смех; молодые зюзи, все с золотистыми венками на головах, в развевающихся одеждах, а то и без них, разбегаются, перелетают через холодный костер... Ох, какой соблазн! И верно: прийти туда, да там бы и остаться...

Тайное, не оформившееся еще знание остановило девушку. Она в третий раз отвесила поклон – глубокий-глубокий – и негромко сказала:

– Завидная судьба, да не моя... Простите... Побегу домой... А вас век не забуду!

Зюзи погрустнели, и Зимава молвила:

– Что ж, беги, Ефросиньюшка... Да веноч сбереги, хоть один цветок! Станет худо – позвони в него; может, кто из нас и услышит, коли неподалеку случится. Ну, прощай!

– Прощай... – печально произнес Зорко. И сразу повеселел. – Будет нужда в подмоге – звони! Глядишь, и свидимся!

– Прощайте, – ответила Фроська, повернулась и пошла прочь под тихий перезвон зюзинового венка. Пересекла болото, переправилась через речку, миновала рожицу. На Купальную ночь идти совсем расхотелось. Что там смотреть – поганцев Васятку да Демьянку? Да и не до того сделалось: на сердце вдруг навалилась непонятная, невесть откуда взявшаяся черная тяжесть, оно зачастило, заторопило: что-то ох как неладно.

Девушка побежала. На ночной улице ни души; казалось, деревушка вымерла, одни собаки и остались – вон как перебрехиваются из двора во двор!

Фроська влетела в ворота. Тихо скуля и волоча за собой собственные кишки, к ней полз лохматый пес Буранко.

7

Хлев – на заднем дворе, но до самых ворот доносились заполошный птичий гомон и крики растревоженной мелкой скотины. А вот голоса Ласточки, подружки-любимицы, слышно не было. Ай в ночном выпасе? Так ведь с вечера не отправляла ее хозяйка: Емелька-пастух вместе с молодежью в лес подался, через костер сигать.

А сама-то хозяйка что же? Совсем упилась, подумала Фроська, спит непробудно...

Задышавшись, девушка ворвалась в хлев – и оторопела. Весь шум будто бы смолк для нее, остался один лишь звук – из коровьих ясель. Стон, исполненный непередаваемой муки.

Она приблизилась и увидела во всепроникающем лунном свете: Ласточка, в огромной луже крови, лежит на боку, к ее шее присосалось отвратительное существо, похожее на

огромного клопа. Сквозь стоны умирающей коровы Фроська еще различила жадное причмокивание.

Она словно окаменела. Вот чудовище отвалилось от Ласточки, громко рыгнуло, поднялось на ноги. Фроська с ужасом узнала Карлу-марлу... А тот, никого и ничего не замечая, сделал несколько шагов, взмахнул рукой с неведомо как очутившимся в ней ножом, вспорол коровий бок, принялся вырезать печень.

Девушка стряхнула оцепенение, завизжала, бросилась на упыря. Оказалось, за прошедшие годы Карла-марла не потерял ни ловкости, ни силы: сноровисто развернулся на пятках, перехватил девушку, швырнул на изгаженный земляной пол, упал сверху, прижал руки, зарычал зверем, потянулся оскаленной окровавленной пастью к Фроськиному лицу. Она успела заметить безумно сверкающие глаза, рваные ноздри, уродливые складки кожи вместо ушей; успела пожалеть – и выругала себя за это – о слетевшем наземь золотистом венке; потом стало не до всего этого.

Фроська яростно отбивалась, но безумец был гораздо сильнее. Смерд его дыхания уже опалял девушке лицо, она повернула голову, увидела рядом прямо перед собою – руку протяни – огромный глаз Ласточки, уже тускнеющий.

Что-то словно щелкнуло. Фроська отчаянно дернулась, высвободила правую руку, взмахнула ею.

Кисть обернулась небольшими трехзубыми вилами.

Девушка с силой опустила руку.

Потом спихнула с себя тело несчастного карлы, немного полежала, тяжело дыша. Подняла руку, посмотрела – обыкновенная кисть, с ладонью, с пальцами. Встала, склонилась над лежавшим лицом вниз трупом – три глубокие колотые раны в спине, напротив сердца. Поискала нож, нашла и, подчиняясь зревшему в ней непонятному знанию, вырезала у Ласточки левый глаз.

Полоснула ножом по подолу безнадежно испорченного сарафана, отхватила лоскут серебристой ткани, бережно завернула в него глаз, сунула за пазуху. Потом подобрала венки. Цветки раздавленные, мертвые... А, нет, один кое-как уцелел и – вот! – даже звякнул, только сипло. Ефросинья – так она называла себя теперь – выдернула его, повертела в руках, подумала, воткнула в волосы.

И, пошатываясь, вышла из хлева. Надо было бы хоть Карлу-марлу закопать, да только где силы взять? Совсем их не осталось...

Она решила хоть самую малость отлежаться, вон там, за огородом. А уж после – закопать, лишь бы до рассвета успеть. И будь что будет.

Девушка растянулась на сырой траве и провалилась в сон.

Вернее, в беспамятство. И в том беспамятстве мстилось гадким сном происходившее наяву. Прибежали с колдовской ночи близнецы и совершили, один за другим, непотребство над Ефросиньей, приговаривая: «У, блядь дочь!» – «Сами выблядки!» – хотела крикнуть она, только ни языком шевельнуть, ни рукой...

Очнувшись, поняла: все приснившееся – правда. Охальники валялись тут же, на травке, похрапывали. Умаялись, как же.

Она поднялась, одернула сарафан, отряхнула, как могла. Проверила цветок – на месте, ишь ты... Проверила коровий глаз – тоже на месте. Подошла к гаденышам, постояла над ними. Почувствовала, что новое знание нашептывает ей, что делать. И – принялась делать.

Легко, без боли, выдернула свой левый глаз. Вставила на его место коровий. Свой – завернула в лоскут, опустила за пазуху. Подождала немного, покуда кисти обеих рук сменятся вилами. И с размаху ударила ногой – сперва Васятку, за ним Демьянку. Или наоборот – поди различи их.

Дальше все было просто. Ошалевшие, обделавшиеся со страху, паскудники, под надзором недавней своей жертвы, споро отрыли за нужником глубокую яму, снесли туда тело карлы и так же споро закопали. Затем, рыдая, произвели непотребство, но уже друг над дружкой, попеременно. И наконец, велев своим обидчикам встать перед нею, Ефросинья

дважды подряд резко зажмурилась. Коровий глаз выстрелил в рыло каждому комком слизи. Девушка проговорила: «Чтоб вам молчать до самой смерти!»

Она смотрела вслед убежавшим сломя голову близнецам. На какое-то мгновение даже сделалось жаль их, но кто-то словно провозгласил: «Да воздастся».

Подождала, чтобы воротились на место руки из плоти и крови, поменяла местами свой глаз и коровий, почувствовала, что обессилена пуще прежнего, и отправилась к Ласточке – поцеловать в мертвую морду напоследок.

Там, рядом с коровой, Ефросинью снова накрыло беспамятство.

8

Она понимала, что стала в эту ночь совсем другой. Понимала, что вся жизнь пойдет теперь иначе, только вот не знала как. Ну, торопиться некуда...

Понимала, что наделена силой... А кто наделил? Бог? Нету его, Бога-то... А сила – есть, кто бы ни наделил!

Она не знала тогда, что эту силу надобно расходовать умеючи. Не выплескивать всю заразу, до самого доньшка, а сколько требуется, столько и выплеснуть, чтобы на потом осталось, чтобы не ждать, пока снова сила наберется.

Словом, поутру Ефросинью повязали, и защищаться ей было нечем.

Хорошо, что сообразила она наложить на близнецов проклятие немоты. Умно сообразила. Выблядки мычали, тыкали в девушку, пытались что-то показать пальцами – никто ничего не понял. Заливаясь слезами, тянули мужиков к поганому месту, тоже что-то показывали... Мужики только плюнули да перекрестились.

Горю Малашки деревня не особо сочувствовала, скорее злорадствовала, но – втихомолку.

Сироту тоже жалеть перестали; ее, глядя на погром в хлеву, на корову с вырванным глазом, на зарезанного пса, явственно боялись. И тоже крестились.

Однако следовало что-то делать, и мир порешил: свезти Фроську на господский суд. Повязали девке руки-ноги, погрузили в старостину повозку, запрягли, да, помолясь, Ефимка и тронулся.

Доехали под вечер. Там, в имении, барынины люди велели: на съезжую, куда ж еще. Ефросинью забросили в большую сырую избу, Пегий Ефимка с опаской глядел, как дюжий гайдук сперва режет пути, а после расторопно сковывает девушке ноги тяжелой цепью, другой конец которой заделан в бревенчатую стену.

– Ночевать тебе туточки, – приказал гайдук старосте.

Эта ночь совсем выпала из памяти Ефросиньи – как ни старалась Ангелина Яковлевна восстановить хоть что-нибудь, все было тщетно. Возможно, и к лучшему, полагала она.

А вот утро запомнилось прекрасно и виделось, как будто было вчера.

Гайдуки расковали ее, выволокли из избы, затащили на небольшой дощатый помост, пристроенный к съезжей, поставили на колени перед парой украшенных затейливой резьбой кресел. На площади уже топтался народ, все угрюмо молчали.

Ждать пришлось долго, но Ефросинье было все равно. А вернее – не до того ей было. Боли и печали, голода и жажды она не ощущала; только испытывала смутную радость оттого, что и коровий глаз у нее за пазухой, и золотистый цветок в волосах. И сосредоточилась на впитывании – как и допрежь, капля за каплей – силы, что росла взамен так щедро и так неразумно растраченной накануне.

Послышались шаги. Краем глаза Ефросинья увидела: толпившиеся на площади бухнулись на колени, согнулись в три погибели. Шаги приблизились, на помост взошел и уселся в одно из кресел человек неимоверной красоты. Девушка сразу забыла обо всем остальном: раньше она и помыслить не могла, что бывают такие... Разве что зюзи – да зюзи не в счет, чай не люди...

Белоснежная кожа; тонкие черные усики; черные, словно нарисованные, брови;

небрежно вьющиеся черные волосы; черные глаза в обрамлении пушистых черных ресниц; холеные руки, такие же белые, как лицо; тонкие длинные пальцы унизаны перстнями; сине-зеленый шелковый халат с кистями, отороченный понизу мехом; богато расшитые мягкие туфли с загнутыми носами... ах...

Красавец поднес ко рту глиняную трубку, пососал ее, выпустил облачко дыма и широко зевнул. Затем произнес скучающе:

– Матушка Дарьниколавна изволят хворать гемикранией. Один разбирать стану. Что тут?

Что за бархатный голос... какой раскатистый... «р-р-р»... ах...

Тем временем на помост вытолкнули Ефимку. Тот сразу пал на колени, но красавец приказал:

– Встань, дурак! Стой смирно, говори кратко. Кто таков?

Староста назвал.

– А, да, помню, – проговорил красавец, внимательно разглядывая ноготь. – Ну, говори. Что тут? – Он бросил равнодушный взгляд на Ефросинью. – Чем провинилась?

Ефимка, запинаясь, сообщил: так, мол, и так, зарезала корову, а заодно и пса.

– Коровья Смерть, значит... Корова чья? Дарьниколавны?

– Никак нет, батюшка! Крестьянки Малашки Жировой...

– Пес чей? Дарьниколавны?

– Никак нет, батюшка... Крестьянки Малаш...

– Дурак! – с чувством повторил красавец. – Что мне за дело до какой-то Малашки? – Он опять зевнул. – Высечь бы тебя за глупость, да лень... Пошел вон!

Староста согнулся в поклоне, попятился и исчез из вида.

Красавец оторвался от ногтей, пыхнул трубкой, мимолетно мазнул Ефросинью равнодушным взглядом, отвернулся, снова зевнул – и прервал зевок на середине.

– Однако... – пробормотал он, уставившись на девушку, также не сводившую с него глаз. – Кто такова?

– Ефросинья, сирота...

– Гм-гм. Сирота? Круглая?

– Маменька утопла, тятенька в солдатах...

– Гм-гм. Эй, кто там?

Мигом подскочили два гайдука.

– Нет, – остановил их красавец. Он окинул взглядом толпу, ткнул пальцем. – Ты и ты. А вы, – обратился он к гайдукам, – ступайте сей же момент в съезжую, и чтобы в кандалы заковались! Матушка наша так повелеть изволили: весьма огорчена Дарьниколавна, что не устерегли вы, дурни, ее карлу, оттого и расхворалась. Сама провинность вашу разбирать станет. Ступайте!

Гайдуков след простыл, рядом с Ефросиньей появились два мрачных мужика, а красавец крикнул в толпу:

– Что расселись? Пошли вон, дармоеды!

Площадь опустела.

– Ко мне в комнаты ее, – приказал красавец, поднимаясь из кресла. – И чтобы молчок! Я вам не барыня, языки-то повыдергиваю!

...Сила наполняла ее, и все сильнее билось сердце.

Вошел он. Поднял руку, коснулся ее лба, скул, провел пальцем по чуть приоткрытым губам, шепнул:

– Ефросинья? Нет. Ты ангел. Буду звать тебя Гретхен...

Она ухватилась за кисть халата, потянула.

...Это было счастье. Николенька – так Николай Андреевич наказал звать его – запретил покидать его комнаты, но все равно – это было счастье. Теперь она понимала маменьку, которая когда-то заходила криком в мужских объятиях.

Большую часть времени новоиспеченная Гретхен проводила одна. И ждала. Ни разу они

не были вместе ночью, но сразу после рассвета Николенька приходил, ложился к ней, бормотал: «Проклятая баба, замучила...» – и они неистово любили друг друга.

Так прошло два месяца, а потом грянула беда.

Кто-то не удержал языка за зубами. Этот кто-то жестоко поплатился за то, что не донес раньше: разъяренная барыня велела сварить его живьем и сама подбрасывала дрова в огонь. Николай Андреевич, бросив все, едва ли не в исподнем ускакал в Москву, не простившись ни со своей Гретхен, ни – для него это было главным – с Дарьникалавной.

Ефросинью привели в барынину опочивальню.

– Стойте за дверями, – бросила новым гайдукам Дарьникалавна, гренадерской стати женщина.

– Блядь! – выкрикнула она, оставшись наедине с Ефросиньей. – Знаешь, что я с тобой сделаю?

И, мечтательно закатив глаза, принялась перечислять.

Девушка не слушала. Она с трудом удерживала руки от превращения в вилы – сейчас этого не требовалось – и стояла перед барыней молча, поджидая последнюю каплю силы.

Вот и она, эта капля. Теперь – скорее!

Все произошло быстро. Комок слизи из Ласточкиного глаза ударил Дарьникалавне в рот.

– Чтоб тебе света не видеть до конца дней твоих! – вымолвила Ефросинья, воротила все на место, проверила цветок в волосах, повернулась и вышла.

Через некоторое время, бредя перелеском, услышала за собой погоню – приближался остервенелый собачий лай. Она остановилась, дождалась псов, приняла их на вилы и двинулась дальше – в ту сторону, где, по ее расчетам, находились и родная деревушка, и рощица за ней, и речка, и дальнейшее болото, и, может быть, село Зюзино.

Погони больше не было, но путь получился нелегкий – все-таки много сил потратила, да еще лето выдалось холодным и дождливым. Она потеряла счет дням пути, почти отчаялась, все чаще встряхивала цветок – тот звучал уже совсем хрипло, – все меньше надеялась на спасение и упала без сил, когда на зов пришли Зорко с Зимавой.

Ефросинья провела в селе десять спокойных лет. Сама зюзей не сделалась, а жители и не настаивали – чуяли в ней другое.

На радость старому пьянице, учителю зюзинской школы, скучавшему без прилежных учеников, она выучила латынь, греческий, немецкий, аглицкий, французский, гишпанский, арабский и персидский; прочитала уйму книг на этих языках, ну и на церковнославянском, конечно, тоже; изучила философию, арифметику и геометрию, занималась алхимией, пробовала слагать вирши; назубок зазубрила Черный Реестр того времени.

Узнав, что ее проклятие сбылось – Дарьникалавна указом императрицы подвергнута позору, лишена фамилии и пожизненно заточена в подземную тюрьму без света и человеческого общения, – Ефросинья попрощалась с зюзями. С собой она уносила Ласточкин глаз в хрустальном флаконе, наполненном ледяной водой из любимого озера зюзь, и новый веночек, сплетенный из золотистых цветков.

– Мы увидимся, – пообещала Ефросинья своим дорогим друзьям.

Те печально покачали головой. И оказались правы: Ефросинья увиделась с зюзями, но очень не скоро и не с Зорко и Зимавой, а с их потомками. Век зюзь длиннее человеческого, но гораздо короче века той, которую прозывали – без всякого на то основания – Коровьей Смертью.

Впрочем, в силу самой длительности века ей пришлось еще дважды умерщвлять коров: предыдущий коровий глаз подсыхал окончательно, а без него Ефросинья чувствовала себя незащитной и, главное, неспособной блюсти порядок и справедливость.

С золотистым цветком было проще: научилась выращивать в горшке. И всегда держала несколько цветков наготове – на всякий случай.

Она старела медленно; вскоре после Октябрьской революции старение и вовсе остановилось. Несколько раз меняла имена – и всегда старалась выбирать «ангельские»:

помнила, как Николенька назвал ее ангелом... Ах, Николенька... Оказался трусом и подлецом, да и был-то, если положить руку на сердце, пустышкой... Эх, что с того – первая любовь болит и болит.

А других-то и не случилось в этой долгой жизни.

...Ангелина Яковлевна вышла из мерзкого новокузинского заведения, в котором всю грохотала варварская музыка, а за одним из столов корчились от страха и унижения проклятые ею подонки. Поискала взглядом, нашла помощника, нанятого в агентстве «ИЧП Болотников И.В.», кивнула: «Поехали».

Бодигард... А что, прикажете всякий раз производить боевую трансформацию? Утомительно и несколько безвкусно... А при ее нынешней работе вопрос безопасности актуален – время такое.

Да и при ее миссии – порядок и справедливость – тоже.

Ангелина Яковлевна уселась на правое сиденье и устало бросила:

– Домой.

9

Славик пришел в себя. Чувствовал он себя неважно, но, в общем, мог как-то соображать и двигаться. Михалычу – тому было намного хуже. И даже «Рамштайн» не освежал.

Ладно, пора сваливать. Славик пошарил в борсетке. Уф, все на месте – и пятихатка с какой-то мелочовкой на текущие расходы, и пятнадцать штук в отделении, которое не сразу и найдешь. Его доля с трех последних раскладов. Заначка. Дома-то особо не заныкаешь, у матери нюх как у бобика.

Не сунулась, значит, в борсетку корова старая, а ведь могла бы, пока они тут в отключке были. Лошара пергидрольная...

«Лошара»? Славик вспомнил, что и как сделала с ними Ангелина, и с трудом удержался от повторной рвоты.

Пора, пора. Он сходил в туалет, умылся, вернулся, салфеткой вытер лицо по-прежнему невменяемому Михалычу. Позвал официанта, расплатился. Жестко огрызнулся на претензии по поводу «напачкали, кто убирать будет?». Ну, собственно, как огрызнулся – послал подальше. Потому что – не терпила.

Заставил Михалыча подняться со стула, повел к выходу. Пришлось посторониться, пропуская навстречу двух девушек. Одну, которая в мини-юбке и босоножках с высокой шнуровкой, вроде бы видел на районе, другая, в джинсах, была ему незнакома. Зачетные телки, отметил Славик. Даже Михалыч дернулся было к ним; ишь ты, попускает его.

Ладно, не до телок сейчас.

На улице стало полегче – асфальт и бетонные стены домов, конечно, отдавали накопленное за день тепло, но хоть солнце не палило.

– Ну что, по домам? – спросил Славик.

Глупо спросил. Во-первых, Михалыч пока еще не мог ответить, он и на ногах-то стоял нетвердо. Во-вторых, что значит «по домам»? Ага, сейчас только не хватало с матерью сцепиться!

Ага, сообразил он, тогда к Михалычу. На тачке. Тут недалеко, но в таком состоянии... Хватит на сегодня приключений.

Он подтащил Михалыча – ты смотри, упирается, про телок что-то мычит, обратно в кабак рвется! – к краю тротуара, поднял руку. Тачка подрулила почти сразу, да не хачмобиль, а хорошая «тойота». Рядом с водителем сидел еще один мужик, смутно знакомый. Конкретно – никак не вспоминалось. Да и хрен бы с ним, подумал Славик.

Он с трудом впихнул товарища на заднее сиденье, втиснулся следом, назвал адрес.

– А пешочком? – удивился водитель. – Тут ходу-то пять минут!

– Да друг вот... – объяснил Славик. – Это... ну, короче, плохо себя чувствует...

– Ясно, – кивнул водитель, трогаясь с места. – Лады, довезу уж. И денег не возьму, за

такое и брать-то неловко, один черт по пути...

– Стоп, – сказал вдруг пассажир с переднего сиденья и обернулся: – Слышь, Серега, а рожи-то знакомые! Так-так-так... Денег, говоришь, не возьмешь? Да ты рули, Серега, рули, только вот тут сверни, ага, вот сюда, к гаражам. Вот и отличненько! Стоп-машина. Вылезайте, пидоры!

Водила засмеялся – и прозвучало это очень неприятно.

– Вы чего, мужики? – пролепетал Славик.

Водитель, не обращая на него внимания, жизнерадостно спросил:

– Что, Сань, неужто они?

– Они самые, Серега, сто пудов! Развели тогда, на МКАДе, как пацана, бабла сняли, суки... Втроем, сейчас-то их двое, жаль, третьего куда-то потеряли. – Он прикрикнул: – Кому сказано! На выход, гниды!

За гаражами Славика били не сильно, Михалыча вообще почти не тронули. Ну так, немножко. А вот потом... Потом, угрожая пистолетом, содрали с Михалыча брюки и трусы, поставили раком, сзади пристроили Славика и велели: «Долби!» Деваться было некуда...

Затем их поменяли местами.

– Так-то, пацаны, – прокомментировал Серега. И обратился к товарищу: – Слышь, Сань, сколько раз я тебе говорил: вози с собой травматiku! Убить не убьешь, а смотрится как настоящий «макарка», такая вот пидорва всегда ведется. Да, ты в борсетках у них пошарь, может, найдется что.

– Само собой... – проворчал Саня.

Он выгреб все, что было у обоих, и крикнул:

– Нормальный ход! Полтинник, как с куста! Попролам, Серега!

– Поперло, – заржал тот. – Ну, счастливо оставаться, петушня!

Мужики сели в машину и уехали.

Славик плакал, застегивая джинсы, и тут Михалыч прохрипел:

– Убью! Убью, сука!

Очухался, отстраненно подумал Славик. От шока, наверное. А вслух сказал:

– Да я и сам жить не хочу, Михалыч...

– И не будешь! – заорал тот. – Хоть словечко брякнешь – ты покойник, понял?

– Да понял, блин, понял... – уныло ответил Славик. И вдруг он сообразил. – Слышь, Михалыч, а ведь это все она! Ну, ведьма! Ну, в смысле, Ангелина, училка моя!

– Крыша поехала? – брезгливо осведомился Михалыч.

– Да ты как раз в отключке был, – зачастил Славик, – а она ка-ак... ну, это... короче, как плюнет в нас, а потом говорит: проклинаяю, говорит, всё, говорит, у вас теперь наперекосяк пойдет, и девки вам давать не будут! Вот сволочь, скажи?

– Девки, говоришь? – задумчиво протянул Михалыч. – Девки... – Он вдруг хлопнул Славика по плечу и весело сказал: – Пошли-ка обратно, в кабак. Я помню, там были две такие телки... С этого и начнем – проверим, как нам не дают. Ну и еще мыслишки есть. Двинули, Славян!

– А деньги? – спросил Славик. – Эти-то все забрали, подчистую...

– Мобилу оставили? Не тупи, звони Вадьке, пусть подтягивается. Скажи, Михалыч велел, дело, скажи, на сто тыщ.

Набирая на ходу номер Вадика, Славик подумал, что те две телки – они точно должны дать. Да и Михалыч, похоже, что-то уже прикинул, замутить собирается.

Жизнь налаживалась.

Глава 9 Беги, Люба, беги!

– Так, уходим отсюда! – Наташка замерла, едва переступив порог кухни. Обернулась к Любке, которая только начала снимать неудобные босоножки с замысловатой шнуровкой до колен: – Люб! Не разувайся!

– А что такое, девочки? – Белесый крепыш Вадим доставал из холодильника коньяк. Смотрел на Наташку с ленивой наглостью: попалась, мол, так хоть не дергайся.

– А вот что. – Наташа решила не лукавить, кивнула на тонкий инсулиновый шприц на столе. Рядом – жгут, окровавленные ватки. – Вы колетесь. Мы с вами не...

– Ах-хах-ха! – расхохотался крепыш. – Ты про это? Не бери в голову! У Михалыча диабет, вот и колется. Инсулином.

Инсулином, как же... Знала Наташка этот инсулин, видела! Блин, вот же понесло ее с этими парнями, приключения искать. Нет чтобы с Федором остаться!

Пить надо меньше! Еще и Любку втянула... Скверно. Парней трое: этот Вадик, потом Михалыч и то ли Славик, то ли Стасик, пялившийся в этот момент на Любку и ее возню со шнуровкой.

Подруга действительно перестала разуваться.

– Что там, Натах?

– Торчки они, сваливаем!

Может, и зря она так. Может, стоило уйти по-тихому. Но интуиция говорила Наташе: все правильно! Мужики, может, даже и спидозные. К тому же Любка совсем на бровях, не уведешь ее потом. Да и не получится уйти, поздно будет.

– Да кто тут торчки? Ты дура совсем, что ли? – кричал белесый Вадим, надвигаясь с раздвинутыми руками.

В прихожей пошел в атаку на Любку его товарищ, этот самый Славик-Стасик.

– Разувайся, разувайся, не слушай ее, вы правда дуры, что ли?

– ЛЮБА, БЕГИИИИ!!! – Вопить, если надо, Наташка умела громко.

Вопль нужен был еще и затем, чтобы ошарашить противника. Сбить с толку. Ненадолго. На секунду-другую.

Но и этого времени хватило, чтобы Любка вскочила, кинулась к двери, отталкивая Славика-Стасика. Да и Наташка сумела врезать Вадиму по коленной чашечке острым носком туфли, потом коленкой по яйцам.

Теперь – прыжок в прихожую.

Наташа заметила, что Любка все же вырвалась и выскочила на лестничную площадку. Славик-Стасик еще торчал в прихожей, как-то странно медленно поворачиваясь к Наташке спиной.

В качестве оружия сошло бы что угодно. Располагая считаными секундами, Наташа схватила первое попавшееся – рожок для обуви. Им и треснула парня по затылку, потом по уху.

Удары получались так себе – слабенькие удары.

– Ты что, блядь, делаешь? Охерела совсем? – Славик-Стасик разворачивался к ней.

Третий удар оказался очень хорош – пришелся по верхней губе и носу. Хлынула кровь.

– А-а-а! – закричал Славик-Стасик, устремляясь в ванную.

Появился Михалыч. Ох, какие глаза у него стали бешеные, прямо как у батки Махно! Наверное, вмазался уже...

Михалыч молча приближался к Наташке.

– Люба, беги, ментам звони! – завопила Наташка, кидаясь к раскрытой двери.

Выскакивая из квартиры, услышала треск – похоже, зацепилась за что-то, блузку разодрала. Мимолетно подумала: надо же, кто бы мог подумать, что наплевать на то, как выглядит.

Наташа действовала рефлекторно. Она изо всех сил захлопнула дверь, а когда та стала снова открываться – навалилась на нее всем телом, услышала вой и с мстительной радостью увидела, как синее защемленная дверью кисть руки Михалыча.

Лампочка на этом этаже работала. Любка стояла у лифта. Кабина тяжело и гулко поднималась.

Любка плакала, дрожащими губами выговаривала, заикаясь:

– Да-да-давай лифта до-до-ждемся!

– Ты что?! – Оказывается, бывает шепот, способный перекрыть рев покалеченного мужика.

Наташа схватила подругу за руку, дернула к себе. Потом еще раз шваркнула дверью по ненавистой кисти.

Девушки побежали вниз по лестнице.

2

Ночь Охоты. Волшебная ночь, сладок твой азарт! Трепет жертвы. Экстаз души. Чужая жизнь, которую ты поглощаешь, – суетливая, сопротивляющаяся. Царапающаяся, будто кот.

Когда-то одинокий охотник звался Ыркой. Однако вот уже с полсотни лет, как сменил свое имя на более благозвучное: Ираклий.

Ночь Охоты позволяла ему не стареть, заряжала энергией на весь следующий год. Охота – как экзамен. Если сможешь повалить добычу, выпиться ей в горло, добыть для себя трепещущую жизнь – будешь юн и силен. Прوماхнешься – проведешь целый год жалким, скрюченным стариком.

Почти каждый раз Охота удавалась; за время жизни в Новокузине Ырку лишь однажды, лет пятнадцать назад, постигла неудача. После той осечки он, всегда выглядевший респектабельным господином, резко постарел – и возникли неприятности. Вплоть до того, что примчался до тошноты настырный журналист, пристал, как банный лист, норовил фотографировать, деньги предлагал... Еле-еле удалось избавиться от назойливого гостя – жаль, что по-мирному.

Проблемы, проблемы... Пришлось тогда сниматься с места, переезжать в другой район, а через год, снова помолодев, – еще раз, обратно в Новокузино. Внимания к внезапному омоложению избежать уж точно не удалось бы.

Впрочем, из всего этого удалось и пользу извлечь. Пришлось ведь позаботиться о новых документах: если живешь среди людей – а Ырке нравилось жить среди них, да и питался он тоже людьми, – без документов не обойдешься. Паспорт, военный билет, водительские права... Два раза, с интервалом в год, разумеется, нелегальным путем...

Словом, Ырка свел тогда знакомство с нужными людьми. С такими, на которых ни за что не стал бы охотиться. Потому что благодаря этим связям сумел повернуть несколько очень рискованных, очень сомнительных с точки зрения закона и очень прибыльных делишек – способным бизнесменом оказался. Появились приличные деньги, их Ираклий Витальевич Болотников вложил в ценные бумаги высокой надежности. На остатки открыл небольшое агентство, предоставлявшее клиентам – официально – услуги секретарей и личных помощников, а на самом деле – телохранителей.

В Новокузине Ираклию Витальевичу нравилось, он прекрасно чувствовал себя здесь, на бывшем болоте. Огорчало одно: половину района – ту, что примыкала к лесу, – контролировали, естественно, лешие. Всем известно: лешаки охотников терпеть не могут. А кто такой Ырка? Охотник и есть, к тому же одинокий. Одному против толпы лешаков – трудно.

Ну да ничего. На своей половине района, болотной, он чувствовал себя уверенно. Да и на окружающих производил впечатление несколько замкнутого, но знающего себе цену господина лет сорока на вид, подтянутого, хорошо одетого, корректного – в общем, вызывающего не столько симпатию, сколько уважение.

Ночь Охоты! Единственная, в которую можно забирать жизни безнаказанно, не опасаясь гнева Высших! Забирать, конечно, в меру: увлечешься – превратишься в юнца, и опять хлопочи о новых документах, опять переезжай... Нынешние возможности Ираклия

Витальевича позволяли ему сделать все это без особого напряжения, но совсем не хотелось даже незначительно осложнять так хорошо налаженную жизнь.

В общем, требовались удача и адекватное ее применение – так, несколько по-канцелярски, формулировал господин Болотников.

Чутье Ырки говорило ему, что все получится.

...После полуночи Ираклий Витальевич вышел из квартиры, запер ее, направился к лифту. Решил, что машиной пользоваться не станет. Походит по дворам, посмотрит – что да как. Главное – на лешацкую территорию не заходить. Этому быдлу ведь не докажешь, что сегодня он в своем праве!

Внезапно раздался женский крик, громкий и отчаянный, но одновременно – и наглый. Послышались сдавленные матюги, взвыли мужским голосом, хлопнула дверь, донесся дробный топот.

Это парой этажей ниже, определил Ырка. Что ж, вот она, добыча!

Нахлынул азарт. Разгорелись глаза.

Конечно, выражение «разгорелись глаза» появилось не благодаря Ыркам. Но подходило к ним – очень: глаза действительно загорались, а загоревшись – ослепляли, словно фары дальнего света, и горе было тому, кто встретился своим взглядом со взглядом ночного охотника!

Ырка надел темные очки. Видно ему прекрасно, что в очках, что без, а добыче еще рано знать, что ее преследуют. Пусть считает, что в безопасности, пусть боится чего-нибудь или кого-нибудь другого, пусть даже сама мнит себя охотником! Роковой миг придет, уже скоро! Тогда добыча все поймет, но будет поздно... Ах, какой это будет миг!

Ырка бесшумно спустился по лестнице до этажа, на котором происходили события. Он слышал, как несутся вниз женщины... вроде бы две... да, две. Усилил проникающие свойства взгляда, увидел через две стены: площадка перед лифтом, дальше – открытая дверь одной из квартир, оттуда вылетает худой мужчина с искаженным от боли лицом.

– Уйдут, суки! – злобно говорит, словно выстреливает, он, баюкая распухающую на глазах руку.

Выходят еще двое, эти моложе и тоже очень злы, у одного из них разбиты губы и нос.

– Славян, со мной, на лифте, – командует старший. – Вадим, за ними, по лестнице. Спускайся по лестнице. Мы их наверх погоним – принимай, а лучше – вырубай.

Великолепная ночь!

Добыча сама шла Ырке в руки.

3

Бежать на каблуках – почти как на ходулях. Наташка скинула туфли, взяла их в руки. Если понадобится, каблуки – тоже оружие.

Только теперь она обнаружила, что сумочка осталась в квартире. Что там было-то? Ну, деньги, рублей двести – триста... телефон... косметика всякая... пара презервативов... А, чепуха, телефон только жалко.

Она бы могла уже сто раз убежать, если бы не Любка. В этих чертовых босоножках быстро не побежишь, и не снимешь их так просто. Люба ковыляла, как увечная, и к тому же от полноценной и совершенно ненужной истерики ее отделяли буквально миллиметры. Лишь Наташкина уверенность пока помогала ей держаться.

– Давай спрячемся! – исступленно шептала она. – В любую квартиру позвоним, и спрячемся, и милицию вызовем!

– Скорее всего, никто не откроет, – отрезала Наташа. – Только время потеряем. Да быстрее же ты, каракатица!

Если подумать, возможно, нашлись бы решения и получше найденного Наташей. Однако думать было некогда, и потому ею двигало что-то гораздо сильнее разума. Должно быть, тот инстинкт, благодаря которому она выжила в нелегких уличных передрыгах поселка

Трактор под Челябинском.

А вот Люба была коренная москвичка. Небитая и нетертая. И могла с секунды на секунду сорваться в погибельную для обеих девушек панику.

– На перила! – скомандовала Наташка.

– Что?!

– Что слышала! Залезай и съезжай!

– Наташ, ты сошла с ума, чтобы я...

Пощечина привела ее в чувство.

– Я сказала: быстро садись и съезжай!

Любка всхлипнула и подчинилась.

Дело пошло лучше. Наташка бежала по ступенькам, надеясь не напороться босой ногой на бутылочный осколок, Любка ехала по перилам. Выходило гораздо быстрее, чем вначале.

Они уже достигли не то шестого, не то пятого этажа, когда вниз проехала кабина лифта.

Наташа остановилась:

– Это они.

– Так что нам теперь – вверх, что ли?

– Нет, – сказала Наташа, выглянув в разбитое окно лестничной площадки. – Надо попасть на второй этаж.

– Зачем? – отчаянно прошептала Люба.

– Затем.

...С первого этажа доносился негромкий разговор.

– Нет их здесь, – раздался голос Славика-Стасика.

– Правильно, – отрывисто бросил Михалыч. – Они на своих двоих спускались. Мы их обогнали. Где-то рядом они. Подслушивают.

– Постоим пока, покурим? – сказал Славик-Стасик. – Все равно ведь не уйдут.

– Не уйдут, – прорычал Михалыч. – Кусачие попались, сучки. Не, не выпустим.

Наташка едва успела зажать подружке рот, быстро переложив одну из туфель под мышку...

Они стояли на площадке второго этажа. Наташа показала: спускаемся еще ниже.

Люба дернулась, протестуя. Наташка легонько шлепнула ее по щеке, убрала другую ладонь от Любкиных губ. Прошептала еле слышно:

– Спускаемся на пол-этажа ниже. Там окно – ведет к козырьку над подъездом.

Любка испуганно затрясла головой. Наташка решительно указала на перила.

...Девушкам повезло – окошко было открыто, а лампочка не горела.

Наташа согнулась, сделала упор руками в стену.

– На спину мне карабкайся, – прошептала она. – И в окно, там под ним козырек. И тихо!

Карабкалась Люба неловко. «Быстрой, дура!» – яростным шепотом подгоняла ее Наташа. Наконец Любка залезла на подоконник, не без опаски просунула ноги в окно.

– Тут высоко...

– Тсс! Прыгай!

Их, кажется, услышали.

– Вон они болтают! – сказал Славик-Стасик.

– Стой здесь, я посмотрю, – отозвался Михалыч.

Наташку никто не учил действовать молниеносно, так получилось само по себе. Уже какую-то секунду спустя она взлетела к подоконнику, оперлась на него, умудрившись не выпустить из рук туфли, подтянулась и тоже прыгнула в окно.

До бетонной поверхности козырька было действительно метра полтора. Это – существенно, если, как Любка, совершать прыжки на каблуках.

Оказавшись на козырьке, Наташа схватила подружку буквально в охапку, подтащила к стене дома, прямо под тем окном, из которого они выпрыгнули. Сама съежилась рядом, стараясь слиться со стеной.

– Зачем? – прошептала Любка.

– Тсс! – прошипела Наташа и ладонью зажала подружке рот.

Вовремя. На лестнице слышались шаги.

– Эй, девчонки! Пошутили – и хватит! Давай выходи!

Этот голос прозвучал с другой стороны стены. Своей ладонью Наташа чувствовала, как из глотки подружки исходит вопль, беззвучный, но страшный. И она, Наташа, казалось, принимает этой крик своей ладонью.

– Может, хватит в прятки играть? – Голос был спокойный, но жуткий. Как у Ганнибала Лектера. – Ха, ввожу новое правило, девочки. Кого из вас найду первой, ту убью последней. И самой умной девочке будет совсем-совсем не больно. Ну же! Где вы? Ау!

Михалыч пытался их пугать, а Наташа соображала. Он ведь наверняка вооружен. А на козырек забраться не может, потому что рука болит. Что предпримет? Погонит сюда Славика-Стасика? Или еще что-то? Ведь и полной уверенности в том, что девушки именно здесь, у него нет.

К удивлению Наташки, Михалыч спустился вниз. Теперь он давал указания Славику-Стасику:

– Карауль на улице, они где-то спрятались. Стой здесь, гляди в оба! Как что где увидишь или услышишь, сразу туда. Понял?

– А ты куда?

– А я в квартиру на лифте прокачусь. Придумал кое-что.

Тихо хлопнула дверь подъезда. Славик-Стасик вышел на улицу – девушки слышали его шаги.

Ох, только бы у Любки нервы не сдали, только бы не заорала...

Послышался шум кабины. Михалыч, человек с глазами батьки Махно, поехал наверх. Так, надо сосредоточиться, приказала себе Наташка. Что он мог придумать? Зачем ему в квартиру? Проходили бесполезные и бесценные секунды. Уже отчаявшись найти ответ, она вдруг все поняла.

Ну конечно! Ее собственная сумочка осталась там! С телефоном!

Как в сказке про Кощея: квартира, а в ней сумочка, а в сумочке телефон, а в телефоне «Контакты», а в «Контактах» имя «Люба»...

Наташка выхватила из рук подружки сумочку – дорожную «Луи Виттон».

– М-м! – замычала подружка, извиваясь.

– Тихо! – прошептала Наташа.

Блин, где же тут телефон? Ага, вот! Тоже недешевая вещица – но жизнь дороже.

Наташе показалось, что она на рыбалке и рыба рвется из рук, – они потели и дрожали, телефон выскальзывал. Она мысленно выругала себя – и справилась. Размахнулась – швырнула трубку что было сил. Получилось – через весь козырек и еще дальше, к кустам.

И уже там выброшенный мобильник зачирикал дебильной финской полькой.

«Значит, правильно я все поняла!»

Одновременно раздался другой звонок: набившее оскомину чириканье на мотив «Черного бумера».

– Да, Михалыч, – говорил снизу Славик-Стасик, – звон слышу. Из кустов. Они по ходу на крышу упилили, слышь, Михалыч?.. Чё?.. Все равно тут стоять? Ну ладно, стою... Да не, не парься, не уйдут.

– Уйдут! – прошептала Наташка. – Вот увидишь, уйдут!

4

Ырка возносил безмолвную хвалу Высшим за такой роскошный подарок: великолепные, полные жизни и энергии жертвы, охваченные – о, ирония судьбы! – охотничьим азартом.

Нет ничего прекраснее сильной жертвы, которая до последнего мнит себя хищником. Какое недоумение в глазах! Какая безнадежная агрессия в последнем движении, отчаянном и

порывистом!

Один из людей был совсем рядом, в квартире, говорил по телефону. Ырка услышал грохот – это в тишине лязгнула дверь.

Ну, охотнички?

Он тихо прочистил горло, пошуршал складками безупречного костюма. Приманка сработала, человек закричал:

– Наверх, Вадик, быстро! Тут они!

И сам выскочил на лестницу.

Ырка снял очки.

Аура человека стала наливаясь темным, тяжелым страхом. Охотник всмотрелся: превосходная аура! В ней и боль – ну да, вон как рука распухла, и жестокая обида на какое-то тяжкое оскорбление – какое именно, Ырку не интересовало, и похоть, и азарт собственной охоты. Впрочем, азарт затухал, а страх, наоборот, разгорался. Исключительная аура!

Человек заморгал, встретив слепящий взгляд Ырки, попытался прикрыться здоровой рукой, попятился, забормотал:

– Му... му... мужик! Ты чего?

Ырка снисходительно усмехнулся:

– Вы не меня искали, молодой человек?

– Да я... да нет... девки... это... девки... две от нас сбежали... Мужик, не смотри так, а?

Ырка оскалился, выпустил клыки, зарычал. Насладился последним ужасом жертвы и бросился.

5

Любка еще тряслась, рот был зажат Наташкиной ладонью, когда сверху раздался крик:

– Наверх, Вадик, быстро! Тут они!

Наташка поняла: ситуация изменилась в их пользу – преследователи обознались, наткнулись на кого-то другого. Теперь – использовать это!

Опять затрещал «Черный бумер».

– Чего, Вадик? Наверху? Иду, докурю только на холодке... Ты давай рассказывай пока!

Наташка рассудила: вряд ли этот дурачок станет теперь присматриваться к козырьку. Значит, можно и посмотреть, что там внизу...

Прямо под собой девушка увидела Славика-Стасика. Еще когда в кабаке знакомились, он ей гадким каким-то показался. Не зверем, нет, но... Трудно объяснить, это чутье, выработанное жизнью в далеком поселке... Надо было этого чутья слушаться, сколько раз себе говорила! Нет, поехали две дуры пьяные на тусовочную хату, как же...

Еще в Тракторе Наташка поняла, на что способны наркоманы, когда их ломает. Видела, знает. Мрази... Нелюди...

– У тебя ж хэндс-фри, Вадь! – говорил в телефон Славик-Стасик. – Слышь, ты оставайся... как это... в эфире, во! Веди, блин, прямой репортаж с места событий... Угу... Чё говоришь? Гагага, съемочная группа Первого канала! Жжешь, Вадюха!

Вдруг стало тихо, словно на землю опустилось что-то густое, вязкое, злое, заглушающее все, заглушающее саму жизнь.

– Вадюха... Вадюх... Чего молчишь-то? Чего-о?! Чего-о-о?! Михалыча?! Замочили?! Ты с дуба рухнул?!

Последний вопрос Славик-Стасик уже прокричал.

Следующий крик раздался почти одновременно из двух мест. Родившись наверху, многими этажами выше, он отразился внизу – в мембране телефона.

– Господи... – прошептала Наташа.

Сверху донесся звон стекла. Осколки стали падать пару секунд спустя.

Наташа сжалась, замерла. Ей представилось, как здоровенный осколок, готовый

пронзить насквозь такую уязвимую плоть...

– Господи, пронеси!

Земля содрогнулась: на асфальт брякнулось что-то тяжелое, похожее на мешок. Только почему-то хрустнуло при падении... И медленно, словно наплывами, пришло к Наташе понимание, что это не мешок... У мешка рук и ног не бывает...

Ее вырвало мгновенно – прямо на остолебеневшего Славика-Стасика.

В ту же секунду Наташа прыгнула.

На самом деле это был не прыжок – это было падение. Да, рассчитанное, но падение. На Славика-Стасика.

Рассчитала немножко неточно – правый бок все-таки ободрала. А вот туфли в руках остались. И теперь Наташка била каблуками в голову, в голову. По носу, в висок, куда попало.

Она знала, о чем ей категорически нельзя думать, – о том, кто затаился наверху. Об этом силаче, который выкидывает здоровенных мужиков в высоко расположенное окно. Черт, да Наташа вовсе и не хотела этого знать!

Враг уже не сопротивлялся, лишь был да всхлипывал разбитым носом.

– Люба! – Теперь уже, знала Наташа, можно и кричать. – Прыгай, быстро!

Любка, с перекошенным лицом, показалась на краю:

– Что? Прыгать? Я же на каблуках...

– На него, блядь, прыгай! – Наташка отскочила от Славика-Стасика, который глухо стонал, держась руками за лицо. – Быстро, Любочка! Быстро, милая! Давай же, сука!!!

Любка прыгнула. Наташка не могла этого видеть, отвернулась. Но когда раздался хруст, ее опять вывернуло.

...Сначала они бежали. Но как оказалось, нарезали круги вокруг того же дома. А там, в опасной близости, уже стояли и ментовская «шестерка», и «газель» скорой помощи, над которой мелькали синие огни.

Любка прыгнула не очень удачно. Ногу сломала, стонала она! Однако как-то шла. Наташка как могла – наверное, на остатках адреналина – убеждала Любку, что ногу та максимум подвернула, и нечего ныть, сваливать надо, сваливать!

Таксисты не останавливались. Да и кто возьмет двух девок, одна из которых в крови, другая хромает, вцепившись подруге в плечо?

Пришлось красться между домами, гаражами, избегая освещенных участков.

Наташка прикидывала ситуацию. Денег у них нет. Одна сумочка в квартире осталась, другую Любка бросила на козырьке. Конечно, менты на них выйдут, но, господи, пусть это будет не сейчас! После этого кошмара отвечать на вопросы... Сидеть на твердом казенном стуле... Просить у недоброго мента сигарету...

Ей хотелось бросить Любку, забиться в какую-нибудь щель между гаражами и там спать. Спать. И плевать на все.

Боли Наташка не чувствовала, только горел ободранный бок. А вот Люба хныкала.

Наташка даже что-то ей шепотом отвечала. И не сразу заметила, что за ними кто-то увязался.

Сначала это были шаги. Неторопливые, крадущиеся. Необгоняющие.

Тот, кто шел следом, шел не просто так. Он шел с определенной целью. За ними.

Наташа приказала себе: не оборачиваться! Ни в коем случае!

– Не оборачивайся! – прошептала она.

И вдруг преследователь заговорил:

– Девушки! Стойте, девушки!

Как же Наташке хотелось орать! Ведь это...

– Девушки! Побегали, давайте теперь знакомиться...

...это не мог быть Славик-Стасик! Просто не мог! В последний раз он валялся, держась за лицо. Он просто не мог...

– Да постойте же вы!

Рука, его рука вдруг скользнула по ее спине. Наташа все-таки заорала, потащила

управляющую Любку. Та, как разглядела Наташа в свете качнувшегося уличного фонаря, зажмурилась. Что ж, это только к лучшему.

– Девушки! Давайте просто в глаза друг другу посмотрим...

– Нет, – тоненько, сквозь зубы, выкрикнула Наташка. – Не-е-е-ет! Не смотри, Любочка, не вздумай, милая! Бежим, Люб, бежим!

Это странное наитие приходило откуда-то... из далекого источника... из пыльного кладезя генетической памяти... из людского опыта, которым все мы кормимся в своих снах... Коллективное бессознательное, или как его там? В институте ведь проходили недавно...

– Да стойте же вы, девушки!

Их преследователь смеялся. Нет, это не Славик-Стасик. После того, что Наташа сделала с его лицом, смеяться невозможно.

Это тот, кто убил тех двоих.

Мысль обожгла. Наташа пошатнулась, и зашлась высоким придушенным воем повисшая на плече Любка. Плечо онемело, налилось тяжестью.

– Не смотри, Любочка! Не смотри на него, пожалуйста!

Она знала: смотреть нельзя! Она знала: надо читать молитву, но слов не помнила и стала отчаянно выкрикивать:

– Чур меня! Чур! Чур! Чур, блядь!

Прямо над головами девушек сверкнула молния, оглушительно бабахнуло, и хлынул ливень. Капли стекали по волосам, по лицу, смывали грязь и кровь.

– Дождик, – прошептала Наташка. – А мы ведь все еще живые... Дождик, Любка, дождик!

Она трясла за плечи скрючившуюся подругу и чувствовала, как уходит страх.

Потом позволила себе оглянуться. Трое парней бандитского вида обступили подтянутого мужика в темных очках, угрожающе водили перед его лицом руками.

Наташа знала: их с Любкой это уже не касается.

6

Ырка шел за девушками, окликал. Нападать не торопился. Нападать неожиданно – это профанация.

Ырка добивался у своих жертв красивой, богатой ауры. Вот те двое, в его собственном подъезде, – роскошные ауры были у обоих! Особенно перед самым концом, когда появлялась линия покорности – неширокая, неброская, но такая ценная!

Для охотника это – момент наивысшего наслаждения. Не считая самой трапезы, разумеется...

Перед его взглядом, конечно, никто не устоит. Однако, утолив голод, Ырка мог сейчас позволить себе и поиграть: достичь желаемого, не прибегая к последнему средству, покорить жертву словами, интонациями, междометиями.

Одна из девушек давно уже была готова. Вторая пока не поддавалась, не появлялась в ее ауре желанная линия. Странная девка, ведьма какая-нибудь у нее в прабабках... Чует – а может быть, и знает – нельзя оглядываться на Ырку. Да еще «чур» выкрикивает.

Смешная. Какой там «чур»... Ладно, пора догонять, смотреть в глаза...

Хлестнула молния, ударил гром, полило как из ведра. Ырка на секунду зажмурился, и тут его окликнули:

– Алё, уважаемый!

Он повернулся на голос. Неторопливо, вразвалочку к нему подходили лешаки. Трое, все крепкие, жилистые.

– Слышь, папаша, – куражась, сказал один из них, – ты чего сюда забрел?

– Забыл чего? – поддержал второй.

– Поучить надо, – высказался третий, сплюнув сквозь дырку между зубами.

– Беспредельничать не будем, – усмехнулся первый. Похоже, в этой группе он

верховодил. – Сейчас папаша по-хорошему перед братвой извинится, и пускай валит.

– Что?!

Ему, Ырке, извиняться перед этим сбродом?!

Один из лешаков толкнул его в грудь. Ырка попятился, выставив перед собой мощные ладони.

...Бой не состоялся – Ырка покинул территорию лешаков. Без всяких извинений, конечно: в конце концов, он же там никого не завалил. Вот завалил бы – другое дело. Против троих он мог и выстоять, но лешаки кликнули бы своих – лес-то, и правда, вот он, рядом – и были бы в своем праве.

А так – ничего.

Пожалуй, даже хорошо, что так получилось: все-таки увлекся, не остановился вовремя. Двоих сожрал – и достаточно.

Ну так остановили его. Спасибо Высшим.

Ливень прекратился так же внезапно, как начался. Господин Болотников прогулочным шагом приближался к своему дому и улыбался: Охота удалась.

Глава 10 Где этот дом

1

Голенький младенец лежал на животике на покрытом шкурой волка столе и отчаянно кричал. Вероятно, он страдал от холода. Или, может быть, боялся трех склонившихся над ним седобородых Мудрейших. А возможно, чувствовал свою судьбу.

Златослав выпрямился, покачал головой, посмотрел на коллег. Судибор и Честирад тоже выпрямились, горестно кивнули. Квета, мать ребенка, в ужасе зажала рот рукой. Ивор, отец, безнадежно понурился.

– С этим, – печально произнес Златослав, указывая на поясицу мальчика, украшенную гроздью родимых пятен, – ему здесь жить нельзя.

– Никак, – решительно подтвердил Честирад. – Оставим – беду на весь Народ Леса накликаем.

– Закон не позволяет оставить, – тихо дополнил Судибор. – Закон требует: обменять.

Квета схватила сына на руки, судорожно прижала к себе. Возражать бесполезно, она знала. Но удержаться от слез не сумела.

– Путятушко, сыночек... – выдавила она.

– Не плачь, мать, – сказал Златослав. – И ты, отец, не отчаивайся. Сами знаете: живем трудно. Да что живем – выживаем... Не станем Закон соблюдать – вымрем. Приметы-то зловещие, на то мы и Мудрейшие – видим ясно.

– Не плачь, Квета, – добавил Судибор. – Не убивайся так, Ивор. Ныне ведь не старые времена, не на смерть Путяту вашего обрекаем – на обмен. Кто знает, какая судьба его ждет? Житье-бытье в Городе сказочное, не чета здешнему...

Златослав подхватил:

– Тепло, сытно. Колесницы сами собой ездят, без коней. Железные птицы по небу летают. Куда человек скажет, туда его и повезут. Тоже и драконы – добрые драконы, мирные – в чреве своем людей возят. Волшебные ларцы показывают, что за тридевять земель творится. Разговаривать можно с кем пожелаешь, где бы кто ни был. Вот, к примеру, Путята твой тут, а, скажем, невеста его далеко... за сто лиг его невеста! Берет Путята чудесную коробочку да и молвит в нее: добро ли почивала, дэвица? А она ему и отвечает: добро, Путятушко, а ты здоров ли? А уж здоровы они там все – лекари в Городе ох какие знающие!

– Вот только я его, родненького, никогда уж не увижу, – простонала Квета.

– Терпи, – отозвался Честирад. – И благодари судьбу: сказывают, многие обменыши

наши в счастье век свой там проживают.

– Да ведь не узнать об этом, – глухо молвил Ивор.

– Не узнать, – согласился Честирад. – Но ты верь. И кого вам взамен дадут, того любите, как своего, пестуйте, как своего, растите, как своего. Глядишь, и сыну вашему кровному в Городе за это воздастся.

– Эй, Стража! – крикнул Златослав.

В шатер вошел юноша с коротким мечом на поясе.

– Передай Радомиру с Миленой: готовиться к обмену, – приказал Златослав.

Юноша выскользнул из шатра.

– Хоть ночку дайте наглядеться напоследок... – взмолилась Квета.

– Знамо, наглядитесь, – ответил Судибор. – Утром пойдут. На рассвете.

Квета с Путятой на руках, рыдая, кинулась прочь. Мрачный Ивор коротко поклонился Мудрейшим и последовал за женой.

2

За час до рассвета Радомир оторвался от Милены и произнес:

– Пора собираться, солнце мое золотое...

– Подожди, – попросила она. – Подожди, воин... – И положила голову на его широкую грудь.

– Ну что? – Радомир нежно провел здоровой правой рукой по ее густым черным волосам.

– Знаю, уговаривать тебя смысла нет. Но прошу: подумай, еще и еще раз подумай. Может, все же через другую Дверь пойдем? В Митино, в Бирюлево? Ведь риск какой – в Новокузино возвращаться.

Радомир рассмеялся:

– Что я слышу? Сама Милена, Милена Отчаянная, о риске заговорила!

– Не зубоскаль понапрасну! – вскипела она. – Да, о риске говорю, потому что предчувствие у меня! А ты, Радомир Хладнокровный, с твоим-то опытом, на беду нарываешься! И чего ради?!

Радомир сжал ее плечо, заговорил горячо, как по писаному, – много думал об этом:

– Не испытаеть – не поймешь. Но постарайся, солнце мое, поверить: с тех пор как встретил того человека, как родимое пятно на шее его увидел, как взгляды наши скрестились и лицо его исказилось, словно от боли, – места себе не нахожу. Вспомню – сразу звенит в голове, как тогда зазвенело. Он это, он, это его на меня тридцать девять лет тому назад обменяли! Как мы с тобой сегодня сына Кветы и Ивора на кого-то обменяем... Поверь, любимая, не будет мне покоя и не будет нам с тобой счастья, покуда не увижу его снова, не поговорю, не пойму – что он нашел, что потерял. И что потерял, что нашел я.

– Эх, обменяш... – прошептала Милена. – Это ты-то потерял? Великий воин, командир Неистовых, живая легенда – и потерял?!

– Бывший, счастье мое, бывший командир...

Радомир замолчал. Все они так, горько подумал он.

Даже Милена, лучшая из лучших. Воображают, что все это увлекательно и красиво – штурмовать, например, почти неприступную крепость Перевал, чтобы взять в заложники Первого мастера Горного Племена. Нужно – да, Радомир никогда и не сомневался, потому что иначе не заставить бы горцев по-прежнему снабжать Народ Леса всякой железной всячиной, без которой просто не прожить, – топорами, лопатами, кирками, вилами, мечами, наконечниками для стрел и копий. Нужно, ничего не скажешь... Но – красиво? Но – захватывающее приключение? Никто, кроме братьев-воинов, не понимает, какой это тяжкий и страшный труд – война. Кровь, грязь, смрад. И всюду смерть, безжалостная и уродливая, смерть врагов, смерть друзей и твоя смерть – вот она, рядом. Не передать этого.

Три больших войны – Горная, Степная, Прибрежная. Восемь генеральных сражений.

Бессчетное количество боев. Необходимо это было? Кто бы спорил. Но – упоение битвой? Но – экстаз неистовства? Но – счастье убийства?

Забейте это счастье в свои глотки, охрипшие от победных песнопений, скрипнул зубами Радомир. А знаете ли вы, что такое – самый лучший, самый храбрый и самый верный друг, пытающийся удержать в ладонях собственные дымящиеся кишки? Что такое – чистый, исполненный восторга юноша, вчера принятый в Неистовые, а сегодня двумя руками прижимающий друг к другу края разорванного стрелой горла? Что такое – вопли детей и вой женщин, через становище которых ты, ради правого дела, проходишь огнем и мечом?

Знаете ли вы, наконец, что такое: прямое попадание пущенного из катапульты камня, и переломанная в двух местах голень – позже кости срастутся неправильно, и ты навсегда останешься хромым, но будешь рад, что легко отделался, – и контратака противника, и ты тщишься подняться, и опираешься на неповрежденную ногу и обе руки, и в правой еще сжимаешь меч, и колесо вражеской боевой повозки ломает клинок, а затем давит в кровавое месиво четыре пальца левой твоей руки, и спустя сутки, или двое, или пятеро ты кое-как приходишь в себя, и хромаешь, ковыляешь, ползешь к своему лагерю, где тебя уже не ждут, и понимаешь, что не дойдешь, потому что раздавленные пальцы гниют и убивают тебя, и ты отрезаешь их обломком своего меча?

После такого не выживают, но он, Радомир, не коренной житель Леса, он обменыш, он из Города, и он выжил.

«Только прекратите прославлять мои подвиги. Только заткнитесь, ради Леса и Неба. Все – ради вас, да, но забудьте обо мне, хоть на месяц забудьте, не рвите мою душу словами. Покоя жажду, покоя...»

Радомир резко вздохнул. Что уж врать себе – смерть приручила его. Воевать он, конечно, больше не мог, но и избавиться от пережитого было выше сил. Смерть, вошедшая в привычку – и в кровь, звала его, как жреца Чащи зовет тайный отвар из заветных трав.

Потому и пошел в Стражу. Обходить рубежи, отражать в меру сил первый удар, поднимать тревогу; спасать от воды и огня; излавливать и наказывать собственных выродков; даже судить – в простых случаях, когда нет нужды во вмешательстве Мудрейших, – казалось, это подойдет.

И подошло. Спасибо Милене, ставшей его – сначала – напарницей, а вскоре и возлюбленной. Тоже, между прочим, обменыш, тоже родом из Города. И сирота: пока он воевал с Горными Мастерами, приемные родители Милены пали жертвами набега Степной Орды. Чего ей стоило сохранить легкий, воздушный нрав и невероятную внутреннюю силу, гадал Радомир?

Солнце. Солнце золотое. Кабы не она – сгинул бы навеки, в Чаще, или в Степи, или в Топях.

И она, Радомир знал, любила беззаветно и преданно, какой бы взбалмошной и капризной ни казалась, как бы ни склонна была глазками стрелять и попойкой крутить. Придет час, он не сомневался, и Милена не задумается ни на миг: жизнь за него отдаст, хотя и не знает, что это – жизнь отдавать. Но отдаст. Если он позволит.

Только – не позволит.

– Пора, солнце, пора, – сказал Радомир. – Не будем опаздывать на последнюю нашу вылазку.

– Как, последнюю? – задохнулась Милена.

– Слушай, любимая. Будешь моей женой?

– Мы же Стража... – растерянно проговорила она. – Обет безбрачия...

– Потому и говорю – последняя вылазка.

Милена приподнялась, оперлась о локоть, заглянула Радомиру в лицо, провела пальцем по его светлым, коротко стриженным волосам, по изломанному шраму на щеке. Закрыла глаза, медленно наклонила голову. Прошептала:

– Мой воин... Спасибо... Да, конечно, да...

– Пора, – повторил Радомир. И прикоснулся к лицу Милены беспалой левой рукой.

Начали собираться.

3

Узкая, но ровная тропка. Впереди Милена: катит перед собой коляску со сладко спящим, только что в последний раз покормленным родной матерью Путятой. Следом Радомир. За ним – Мудрейший Златослав. Два молодых Стражника, немного приотстав из деликатности, замыкают процессию.

Ивору и Квете сопровождать сына к Двери запрещено Законом. У Кветы и Ивора больше нет сына. У них появится новый сын, если Милена и Радомир будут удачливы сегодня. Ради жизни Народа Леса.

До сих пор Радомир и Милена были удачливы. За ними восемнадцать успешных обменов. И ни одного провала. Ивору и Квете есть на что надеяться. Ради жизни Народа Леса.

Коляска – недорогая. Народ Леса не знает колясок, не знает денег, не знает многого. Все это – из Города, с предыдущих вылазок. Что украли, то и наше, была бы удача. Милена и Радомир – удачливы, удачливы, удачливы.

Частокол в два человеческих роста высотой. Здесь Дверь в Город. Точнее, в Новокузино. В другие места Города – другие Двери. А зачем частокол – никто не знает. Давно он тут стоит.

Радомиру и Милене под силу пройти через Дверь: они родом из Города. Надо произнести правильные слова, а еще – правильно дышать и правильно чувствовать. Тогда пройдут, и малыша с собой проведут. А будут возвращаться – тоже: все как надо произнесут, и прочувствуют, и тоже пройдут. Потому что истинная для них Родина – Лес. И малыша проведут, только другого.

Двое суток у них на все про все: покуда луна полная, покуда звезды благоприятно располагаются. Не уложатся – застрянут в Городе до следующей возможности, аж на двенадцать недель застрянут. Но Радомир с Миленой лучшие, и они уложатся, им и дня достанет. Даже с избытком.

А вот Златославу через Дверь не пройти, никогда и ни за что, даром что Мудрейший. Он в Лесу родился, путь через Дверь ему заказан, о Городе что знает – только понаслышке.

Но – Мудрейший. И по Закону, должен напутственное слово сказать.

Он и говорит. Не слишком, впрочем, обычаев старинных придерживаясь.

– Милена, Радомир, – молвит Мудрейший, – все вы знаете и все понимаете. Задерживать вас не стану. Скажу коротко: верю в твое чутье, Отчаянная. Верю, что ребенок, которого ты избереешь, не принесет зла Народу Леса. И пусть этот мальчик, которого ты оставишь в Городе, будет там счастлив. Верю, о Хладнокровный, – Златослав почтительно кланяется Радомиру, – верю в тебя. Беспредельно верю, ты это заслужил, что еще сказать? Добавлю одно: не рискуйте зря. Все. Идите. Ради жизни Народа Леса.

Златослав поворачивается, чтобы уйти, но Радомир останавливает его:

– Погоди, Мудрейший. Мы, я и Милена, просим о милости.

– Говори, – настороженно отвечает старец.

– Посмотри на нас, – произносит Радомир и обнимает Милену за плечи здоровой правой рукой.

Мудрейший встревоженно вглядывается.

– Да, – говорит он, – я вижу. Вы не просто напарники. Вы – пара. Что ж, Закон не препятствует этому. Но мне кажется, что ты, Радомир, и ты, Милена... вы, кажется мне, желаете большего.

Милена неуместно хмыкает, а Радомир будничным тоном подтверждает:

– Мы желаем большего. Мы желаем стать мужем и женой. И просим согласия на то, чтобы это задание стало последним.

– Но, – Златослав растерян, – вы же лучшие в Страже... И потом – вы оба обменялись, а

браки между обменышами... Вы же знаете, Народ Леса нуждается в свежей крови, отчасти ради этого мы и идем на обмены, мы рассчитывали на ваши браки с коренными...

– Ты понимаешь, Мудрейший, – неожиданно вступает в разговор Милена, и на ее лице даже сквозь смуглую кожу проступает румянец, – что мы ведь можем и задержаться в Городе? А то и совсем не вернуться? И это будет...

Радомир останавливает Милену, слегка сдавливая ей плечо, затем медленно поднимает левую руку – на ней цел только большой палец, остальные обрублены.

– Да, Радомир, да, Милена, – произносит Златослав после долгого молчания. – Народ Леса и его Мудрейшие согласны. Вы заслужили. Исполните, что должно, возвращайтесь и будьте счастливы.

– Мы готовы обучить молодых всему, что умеем, – говорит Радомир. – Верно, солнце?

– Верно, любимый, – откликается Милена.

Старец снова кланяется, поворачивается и уходит.

4

Как всегда, первым через Дверь прошел Радомир. И сразу же принялся считать про себя: один... два... три...

Он знал – Милена тоже повела синхронный отсчет. До ста. Если что-то не так, Радомир вернется, и они повторят попытку чуть позже. А если все в порядке, то через «сто» Милена присоединится к напарнику на этой стороне.

Радомир огляделся. Пустынно.

Еще недавно эта Дверь вела из Леса в лес. Загаженный, полумертвый, но все же – лес. Новокузинское кладбище потеснило его, и теперь Дверь выводила к свежим могилам, около которых с утра до вечера копошились жители Города. Поэтому пользоваться Дверью стали в такие часы, когда, вероятнее всего, кладбище пустовало, – ночью, ранним утром.

Радомир досчитал до ста. Милена с коляской возникла, словно ниоткуда, на засыпанной мелким гравием дорожке.

Они неторопливо двинулись в сторону Города.

– Что это тебя понесло, солнце? – спросил Радомир. – Ты и вправду готова остаться здесь?

– Знаешь, – задумчиво проговорила Милена, – я не представляю своей жизни вне Леса. Но... – Она сделала паузу, Радомир мысленно улыбнулся, а Милена неохотно заключила: – Еще меньше представляю жизнь без тебя.

Радомир коснулся ее руки, Милена ответила быстрым и сильным пожатием, снова ухватила за поручень коляски и резко сказала:

– И все! Работаем!

Радомир усмехнулся. Он чувствовал себя почти счастливым. Еще отыскать бы того... обменыша... сбросить тяжесть с души, и – можно жить...

Ну, конечно, и младенца обменять. Он взглянул на Милену:

– Все-таки упряма ты. Клянусь, ты в этом своем цветастом... нет, что ты, хороша, конечно, да не сердись же, хороша, правда! Но пожалуй, слишком хороша. Глаз не отвести. А нам как раз важно в глаза не бросаться. Вот я, смотри – джинсы, футболка, кроссовки. Как все тут.

– Ты ничего в этом не понимаешь, – надменно сказала Милена. – Мой саронг – писк моды. В нынешнем сезоне именно такое и носят.

– Но... – попытался было возразить Радомир.

– И хватит об этом, – отрезала Милена. – Зануда. Мой наряд – моя забота. А уж сделаю я все как надо. Ты знай прикрывай.

– Я-то прикрою, – пробормотал Радомир. – Ты только хотя бы води себя поскромнее как-нибудь...

Милена вздернула подбородок и не удостоила партнера ответом.

Миновав обширное кладбище, они вступили в Город. Навстречу стали попадаться люди, по дорогам сновали пока еще редкие самодвижущиеся повозки – автомобили и автобусы.

Начинало припекать. Путь захныкал, Милена остановилась, извлекла из кармашка коляски увенчанную соской бутылочку с молоком, сцеженным Кветой перед расставанием с сыном. Последнее материнское молоко для этого ребенка...

Младенец зачмокал.

– Может, он мокрый? – спросил Радомир.

– До места дойдем – перепеленаю, – ответила Милена. – Ну, начали.

Теперь они, осторожности ради, разделились. Милена шла с коляской как бы сама по себе, Радомир, стараясь не слишком сильно хромать, держался шагах в сорока позади.

Приблизились к огромному дому, полукруглому, красно-белому. Двое черноволосых, раскосоглазых парней в оранжевых жилетах чистили тротуар: один катил железную тачку, другой бросал в нее мусор – бумажки, пакеты, пустые бутылки и банки, окурки. Все-таки нечистоплотны горожане, подумал Радомир. А эти двое молодцы. И кстати, смуглые, как Милена, и одеты почти так же ярко. Ишь, тот, что с тачкой, даже напевает: «Где эта улица, где этот дом...»

Пересекли двор дома-громадины, вышли к залитой солнцем детской площадке. Милена уселась на скамеечку, принялась покачивать коляску. Радомир прошел мимо, устроился на лавочке у подъезда, вытащил сигареты – желтую пачку с изображением диковинного горбатого зверя, закурил.

Дым, как обычно, мягко и сладко ударил в голову. Радомир, однако, не позволил себе излишне расслабиться: он хорошо видел Милену и полностью контролировал ситуацию. Впрочем, ситуацией все это называть пока не приходилось – ничего особенного. Вообще ничего. Рутинка.

Он привычно погрузился в размышления – о Лесе, о Народе Леса, о себе.

Странные люди, думал он о соплеменниках, словно о чужих. То есть, конечно, не странные, а обычные, но это и есть странность. Живут, плодятся; собирают травы и корни, грибы и ягоды; рубят деревья, строят хижинки и шатры; возносят хвалу Лесу и Небу, источают проклятия Черным Пещерам, Гнилым Топям, Желтой Степи, Железному Городу. Мучаются, каждый из них, от рождения до смерти; называют себя счастливыми, и почти все искренне. Только Мудрейшие, может быть, сомневаются в своем счастье, да виду не подают.

Странные люди, обычные люди. Охотно, даже радостно, принимают то, что приносим мы: воины, разведчики, следопыты, торговцы – бродяги, одним словом... Желчь Большого Морского Змея, кость Полночного Призрака, сталь работы Горных Мастеров, бархат и шелк, награбленные неведомо у кого степняками и у степняков же отнятые. Деньги, коляски, пустые и непустые сосуды, джинсы, модные журналы, сигареты, добытые в Городе.

Принимают. Но смотрят на нас, бродяг, искоса, исподлобья. Славят нас, но стараются держаться подальше. Доброму жителю Леса не подобает заниматься такими делами. Добрый житель Леса должен – жить, плодиться, собирать травы и корни, грибы и ягоды...

Да ведь мы-то, бродяги, – мы, почти все, обмениши. Что ж с нас взять?

Лишь Мудрейшие, быть может, думают иначе, да и они – поди пойми их...

Мудрейшие, догадался вдруг Радомир, они тоже вроде как обмениши. Только не по крови, а по мысли своей, по духу. Оттого они и наверху. Ибо обменишу – либо одному быть среди всех, либо скитаться где придется, либо наверх взбираться и наверху пребывать. Тоже в одиночестве.

Какое счастье, что есть Милена...

Он затаился, выдохнул дым, швырнул окурок в урну, взглянул на напарницу. Та, он знал, высматривает добычу – молодую мамашу с ребенком в коляске. Войти в контакт – Милена делает это виртуозно, улучшить момент, обменять младенцев и уносить ноги. Даст Небо – и балахон ее этот... как его... саронг, вот... не помешает.

В обычных обстоятельствах контакт длился бы до вечера: гуляли бы вместе, болтали о

детях, о мужьях, о свекровях, о врачах, о модах, глазели бы на витрины; разлучились бы на несколько часов – обед, кормление, что там у них еще, встретились бы, словно невзначай, на вечерней прогулке, и – обмен! До ста досчитать, больше не нужно. До свидания – пока, увидимся завтра, и уезжает в чужой коляске сладко спящий Путята, а Милена увозит здорового, крепкого мальчишку без зловещего вида родимых пятен – она выбирать умеет, чутьем наделена исключительным; и менять умеет – мастерство высочайшее.

Ну а уж ежели что сложится не так – за восемнадцать их вылазок было два случая, – тогда в игру вступит Радомир. Отвлечет внимание обезумевшей жертвы, громко закричит что-нибудь вроде: «Женщину ограбили!» Соберется толпа – тут это в мгновение ока происходит, горожане любопытны и азартны. Примчится их Стража, называемая милицией, она зла и сильна, но простодушна. И направит Радомир всех по ложному следу. Да сам же и возглавит погоню, а в подходящий момент легко, несмотря на изувеченную ногу, оторвется. И встретится с Миленой в условленном месте, в полумертвом лесу, неподалеку от кладбища, от Двери.

И – дело сделано. В следующий раз Милена и Радомир появятся в этом районе не скоро, да и выглядеть будут по-иному. Милена окажется светловолосой, Радомир, к примеру, лысым и чернобровым, а шрам на его щеке будет замаскирован густой щетиной. И перчатки наденет, чтобы беспалость скрыть. Хромоту только не спрячешь, ну да мало ли хромых.

Радомир тряхнул головой. Это все не о том. Сегодня у них никак не обычные обстоятельства. Последняя операция, следующего раза не будет. Можно и нужно действовать резко, быстро. Так риска меньше. Контакт – обмен – Милена, скрытно сопровождаемая Радомиром, уходит, устраивается в том условленном местечке – Радомир возвращается в Город, усаживается на лавочку напротив приземистого здания, в котором служит нужный ему человек, – беседует с ним, сбрасывая камень с души или, наоборот, наваливая еще один, – и покидает Город навсегда. К Милене, вместе с ней и с обменышем к Двери, и – в Лес. Там, как ни крути, их народ. И там Квета и Ивор, они горюют, но ждут.

Или остаться здесь? Предательская, паскудная мысль, помрачнел Радомир, ведь лезет же в голову, и до чего назойливо... Нет, в который раз сказал он себе. Нет, мой народ – не тот, от которого родился, а тот, с которым и ради которого... Ну их, эти громкие слова – и без них все ясно...

Милена извлекла из кармашка коляски зеркальце, посмотрелась в него, покачала головой. Это означало: партнер, здесь ничего подходящего, отправляемся в центральный сквер. Что ж, ей виднее.

Радомир начал было подниматься со скамейки, когда из-за угла появился потный, расхлюстанный милиционер. Он мутно посмотрел на Радомира, не обнаружил, видимо, ничего для себя интересного, плюхнулся рядом и буркнул:

– Закурить есть?

Радомир протянул открытую желтую пачку.

– Я две возьму, – невнятно произнес милиционер.

Похоже, не разрешения спросил, а просто уведомил.

Взял даже три. Приподнял фуражку, сунул под нее две сигареты, третью сунул в рот, повернул голову к Радомиру, вопросительно задрал редкие брови.

Радомир щелкнул зажигалкой, затем неторопливо закурил сам. Мерзкая какая тварь, подумал он. Хоть бы поблагодарил. Впрочем, не нужно с ним связываться – есть дела поважнее.

Неприятный милиционер жадно выкурил сигарету, бросил окурочек на асфальт прямо перед собой, поерзал, приоткрыл рот, желая вроде бы что-то сказать, потом передумал, закрыл рот, встал и поплелся прочь.

Милена повторно подала условный сигнал. Радомир поднялся, аккуратно опустил свой окурочек в урну, взглянул на небо – солнце уже приближалось к зениту – и не спеша двинулся в сторону сквера. Милена, держа дистанцию, покатила коляску следом.

В лесок втянулись все еще порознь: Милена впереди, Радомир в небольшом отдалении. Когда гигантских домов Новокузина стало не видно из-за деревьев, Радомир ускорил шаг и догнал напарницу.

Обмен прошел без малейших осложнений. В сквере Милена разговорила с молоденькой пухлогрудой блондинкой, покачивавшей яркую голубую коляску. «У вас мальчик?» – «Мальчик, два месяца. А у вас?» – «Тоже, два и восемь дней!» – «Уй, до чего холёсенький!» – «Ути, прелесть какая!» – «А балахончик-то у тебя какой прикольный!» – «Так последний же писк! Саронг называется!»

И поехало. Вот что-то обсуждают с уморительной серьезностью. Вот хохочут над чем-то, и обаяние Милены ломает последние остатки отчужденности. Вот встают и бок о бок покидают сквер, а Радомир, с видом праздного прохожего, следует за ними.

Вот он слышит, как Милена говорит: «Ой, Тань, мне в магазин зайти надо, смесь купить. Петька же на смеси, с молоком-то у меня, видишь, плохо. Отпустишь? Я быстро!» – «Да иди, Милка, – тараторит блондинка. – А потом я в обувной заскочу на минутку, а ты посторожишь, услуга за услугу, идет?»

Что и требовалось. Около того обувного обмен и состоялся. Да еще Радомир, в суете на автобусной остановке, что рядом с обувным, ловко вытащил немного денег из кармана у какого-то лопуха.

Вот и Танин дом. Молодые мамы расстались подружками, договорились встретиться там же, где познакомились. Завтра утром.

Ага. Как же.

Теперь несчастная блондинка уже наверняка обнаружила подмену. Но – поздно.

Девятнадцатый обмен совершен.

– Ты молодчина, солнце, – сказал Радомир.

Милена досадливо дернула плечом.

– Жалко ее? – спросил он.

– Конечно, жалко, – ответила Милена. И, помолчав, добавила: – Как всегда. Я еще и поэтому рада, что больше не пойдем.

Вот и укрытие. До Двери – шагов триста. Крохотная полянка, удобный пенек, кругом густые заросли кустов, несколько деревьев с плотной листвой. Милена тут в безопасности.

Из глубины леса донеслось троекратное заунывное уханье. Радомир насторожился:

– В прошлый раз тоже слышал такое.

– Да чепуха, – устало улыбнулась Милена. – Зверь меня никакой не тронет, а люди сюда не заглядывают. А и заглянет кто – справлюсь уж как-нибудь. За тебя вот беспокоюсь...

Радомир постоял еще, напрягая слух. Тихо.

– Ладно, – проговорил он. – Я быстро. А коли задержусь... Жди до момента, когда луна окажется вот здесь. – Он указал на небо в просвет между двумя мощными вязами. – Тогда уходи. Я догоню, не тревожься. В крайнем случае встретимся дома.

Он легко коснулся губами волос Милены и бесшумно исчез за деревьями.

Павел сильно потер лицо обеими руками. Устал сегодня. И дышать нечем. Надо распорядиться, пусть посмотрят, что там с кондиционером. Проклятье – то трубы лопаются, то мусоровоз опрокидывается, то жильцы осатаневшие телефон обрывают, то идиоты сантехники номера выкаблучивают. И комиссия из префектуры на следующей неделе. Да еще вот кондиционер в собственном кабинете. И в голове, тоже собственной, назойливо звенит что-то.

Одни таджики, или кто они есть, не подводят.

И Алка, само собой. Надежна, как железобетонная плита. Хотя если честно, то и от нее

головной боли выше крыши.

Черт же дернул его восемнадцать лет назад. Правда, Алка тогда была не то что нынче. Не тростинка, конечно, скорее кобылка, но все равно – такая прямо... И не потела поминутно, и глазками, еще жирком не заплывшими, поигрывала, ну и все такое.

И ведь женился незадолго до того, а так и так не устоял. Всего-то два разочка, первый по пьяни, второй по инерции...

Но этого хватило: «Паша, я залетела!» Да ты, может, от мужа своего ублюдочного залетела, я-то при чем, отбивался Павел. «Ах так?! Гад, сволочь, паразит!» Слезы, истерики, тебя убью, себя убью, всех убью... Ад.

Сказал бы – хуже, чем в Карабахе, когда ни с того ни с сего промеж двух огней угодили. Впрочем, поправил себя Павел, сравнивать то лето нельзя ни с чем.

В общем, в другом роде ад.

В итоге, правда, все устаканилось. Увести Павла от молодой жены Алка даже не пыталась – эта чума трезвого ума, не откажешь. Зато сама оперативно развелась с ублюдочным мужем, мгновенно выскочила за другого дурака, родила Галку, бледную немочь. Поди разбери от кого.

Утверждала, что от него, от Павла. «Понятия не имею!» – орал он. «Родинку на шее видишь? – орала она. – Ты слепой, что ли, козел?» Ребенок тем временем уныло и безнадежно скулил. «Дура! – орал Павел. – У меня родимое пятно, дура! В форме полумесяца, дура! А это что?! – Он остервенело тыкал толстым пальцем в синюшную шейку. – Это полумесяц?! Это залупа, а не полумесяц! Глаза разуй, дура!!!»

Ну, от Алки не отбредешься. Пришлось деньги на девчонку давать, хотя сам тогда еле концы с концами сводил. Начал зарабатывать прилично – побольше и помогать стал. Положение приобрел – сумел в хорошую школу устроить, потом, прошлым летом, в академию.

А родинка-то действительно полумесяцем оказалась. Его дочь, никуда не денешься...

И вот – залетела. От какого-то подонка. Зар-раза.

Алка, сколько Павел ее помнил, никогда головы не теряла. Истерика не истерика – все по трезвому, холодному расчету. А тут – поехала у нее крыша, однозначно поехала. Делать аборт – не делать аборт. Подонка, другим в назидание, кастрировать на Красной площади – ох, позора не оберешься, смотри же, Паша, никому ни гугу. Галку, сволоту, убить и закопать – ой да кровинушка моя... И так далее.

К ясновидящей какой-то ходила, совсем рехнулась. И его, Павла, замучила. Ну правильно, от дурака мужа толку-то никакого.

Когда на людях, по работе, еще ничего. Хотя и с повышенным драйвом, но на пользу делу. Палвикч то, Палвикч сё. А наедине: Па-а-ашенька-а-а, что ж делать-то?! И слезы по толстым щекам, и тушь течет.

Даже не удержался вчера, запер кабинет и прямо на столе для посетителей... того... по старой, так сказать, памяти.

Думал, успокоится немного, отвлечется, так нет – вообще вразнос пошла. Прямо девица невинная, ага.

Да и удовольствия, честно говоря, никакого.

Эх, вернуться бы в детство. Детдом – далеко не рай, но кто сильный, тот выживет, не сломается, закалится. Он – сильный. Ему в детдоме хорошо жилось, если правильно оценивать.

А тут, во взрослой, давно уже взрослой жизни... Ну, уважаемый человек; ну, директор ДЭЗа. Всё при нем – и всё туфта. Не жалко бросить, чтобы туда, в детство, вернуться.

Или – в мир часто повторяющегося сновидения: лес, настоящий, густой, дикий лес, и он, Павел, с коротким мечом в одной руке и маленьким круглым щитом в другой, скользит меж деревьями, и оказывается за спиной врага, непонятного, но заведомо смертельного, и не бьет в спину, потому что это бесчестно, но издает хриплый возглас, и враг поворачивается, занося тяжелое копьё, и Павел ловко уклоняется от страшного удара, и его меч рассекает

грудь врага слева-сверху направо-вниз.

Любимый эпизод. Вот она, жизнь, настоящая и полноценная.

И еще много разного в этом сне, но все в таком же духе.

Звон в голове усилился.

Подышать надо. Павел встал, двинулся из кабинета – на воздух.

– Палвикч! – раздалось в коридоре. Опять эти нотки истерические...

– Потом, Алла Валентиновна, потом, – отмахнулся он.

На улице жарко, солнце палит, но все лучше, чем в четырех стенах.

Три скамейки напротив ДЭЗа. Никого. Впрочем, нет – на одной, засунув под себя ладони, сидит белобрысый мужик, совсем неприметный. Ладно, две другие свободны.

Мужик посмотрел на Павла. Тот, словно в тумане – и звон в голове стал колокольным, – подошел, сел рядом с белобрысым.

– Здравствуй, брат, – тихо сказал тот. – Ты не гляди на меня: голова будет болеть. У меня вот тоже... гудит...

Павел промолчал.

– Ты, наверное, не понимаешь, – продолжил белобрысый, – но я объясню. Я из леса. – Слово «лес» прозвучало как с большой буквы. – Но рожден здесь. А ты рожден в Лесу. Твое родимое пятно, вот этот полумесяц, сочли дурной приметой. И забрали тебя у родителей, и отнесли сюда, и оставили здесь. А меня, взамен, забрали отсюда и принесли твоим родителям, да будет им вечный покой.

– Что? – хрипло выдохнул Павел.

– Не беспокойся. Они ушли достойно.

«Сумасшедший, – решил Павел. – Или мошенник... что-то ему от меня надо... вот только что? Эх, голова... соображать мешает... Ну да, медиум, гипнотизер, из этой братии. Еще мне не хватало. И чего я к нему подсел? Или это он ко мне? Все путается...»

– Тебе нечего опасаться, – говорил тем временем мужик. Не гладко говорил – запинаясь, останавливаясь, перескакивал с одного на другое, подыскивал слова. Может, и правда у него в голове тоже непорядок... гудит... – Тебе нечего опасаться. Я всего лишь хочу понять, как тебе тут живется. Что я потерял, что ты обрел. Что потеряла моя женщина... солнце... Знаешь, об этом... о ней... не люб лю ни с кем, а с тобой можно, потому что ты – это я. Я воин, но воином должен был стать ты. Проклятье, не могу выразить! Мне бы только несколько слов с тобой... недолго, до тысячи не досчитать... потом уйду навсегда...

Господи, подумал Павел.

– Понял тебя, – с трудом произнес он. – Пойдем-ка... брат... ко мне в кабинет, там и обсудим.

Белобрысый вскинул голову, улыбнулся, явно преодолевая себя, но – хорошо улыбнулся, тепло и сказал:

– Я знал, что ты поймешь.

В коридоре опять прозвучало Алкино взвинченное:

– Палвикч!

Павел только махнул рукой.

– Заходи, – сказал он странному гостю. – Садись. Говори.

«Да, пусть посидит. Пусть говорит. Лучше, чтобы чувствовал себя в безопасности. Выжду немного, – прикидывал Павел, – отлучусь на минутку и ментов вызову. А они уж пускай и разбираются – псих это, или аферист какой-нибудь, или не знаю кто».

– Мое имя Радомир, – начал белобрысый. – А твое имя я не разобрал.

– Павел Викторович, – пробормотал директор.

Гость кивнул.

– Теперь слушай.

И он принялся рассказывать совершенно дикую и нелепую историю – смесь слащавой детской сказки с шизофреническим ужасиком.

Одно плохо: Павел то и дело обнаруживал в этом бреде картинки из своего заветного

сна.

Телепат не иначе. Опасный человек с дурацким именем и теплой улыбкой. И еще шрам на щеке... Это что-то важное, но в голове звенит и звенит, ну никак не сосредоточиться...

– погоди, – сказал Павел. – В туалет схожу.

Он выскочил в коридор, быстро добрался до своей персональной кабинки, заперся, достал сотовый, сделал несколько глубоких вдохов-выдохов. В голове немного прояснилось.

«Шрам... Ну конечно же! Я же, – ликуя, сообразил Павел, – видел этого мужика! Точно, пару месяцев назад. Только шрам и запомнился. Тогда тоже с башкой что-то случилось, испугался даже, обследоваться хотел, да так и не собрался».

А кстати, в тот самый день из соседнего дома ребенка украли, а вместо него другого подбросили. До сих пор милиция никаких следов не нашла. Баба там какая-то фигурировала, так она будто сквозь землю провалилась, а про мужика вроде бы никто ничего...

Стоп! А что этот... Радомир-то... ну и имечко... что он молол-то? Его у родителей забрали, куда-то отнесли, а Павла, наоборот, принесли... А Павел-то, между прочим, действительно подкидыш...

Ой-ой-ой.

Павел набрал номер районного ОВД и коротко поговорил с дежурным.

Затем вернулся в кабинет и сказал белокрысому:

– Извини. Ну, теперь продолжай.

– Лучше ты, – попросил Радомир. – Главное я уже сказал, а время на исходе. Поэтому лучше ты. Расскажи о своей жизни, хотя бы коротко.

Что ж, подумал Павел, и то дело – теперь ведь надо время потянуть. И начал неторопливо, основательно рассказывать.

7

Полная луна докатилась по небу до того самого места, на которое указывал Радомир. Пора уходить.

Милена справилась с подступившими слезами. «Не тревожься, – сказал он на прощание, – в крайнем случае встретимся дома».

Но предчувствие говорило о другом. Плохое было предчувствие.

В лесу, в который уже раз, что-то сдавленно ухнуло, словно подтверждая: пропал твой воин.

«Бросил меня, – подумала Милена с внезапным ожесточением. – Выяснить ему что-то захотелось. Поговорить с незнакомым, чужим человеком. И – конец. Ради блажи, ради каприза рискнул – и проиграл. А я теперь – одна. Бросил».

Ах, воин...

Что же делать, о Небо и Лес?

А что делать? – одернула она себя. Яснее ясного, что делать. Сейчас – не ныть, возвращаться в Лес. Ребенка, как положено, передать Мудрейшим. Потом – ждать до утра. А на рассвете – снова к Двери, и через нее, и искать. И будь что будет.

Жизнь разрушается, отчетливо увидела Милена.

Она добралась до Двери и прошла через нее без приключений. Два силуэта выскользнули из-за деревьев. Стражи Леса.

– Старцы отчего-то встревожены, – сообщил Воля. – Златослав приказал встречать вас здесь.

– А где Радомир? – спросил Яр.

– Не знаю, – мрачно ответила Милена. – Идемте.

Лица Стражей вытянулись, но вопросов не последовало. Порядок тверд: в подобных случаях первыми спрашивают Мудрейшие.

Вот и их шатер. Милена взяла ребенка на руки, ступила внутрь.

Все трое здесь. Все трое смотрят на нее, и лица всех троих печальны.

– Радомир? – тихо спросил Златослав.
Милена отрицательно качнула головой и протянула мальчика старцам.
– Что ж, – сказал Честирад, принимая младенца, – поступим по Закону. Сперва осмотрим дитя, затем передадим его новым родителям, а уж после ты, Милена, поведаешь нам...
Осматривали тщательно, изъянов не обнаружили.
– Ты неизменно на высоте, – проговорил Судибор.
Двое других согласно наклонили головы.
– Пойдешь с нами к Ивору и Квете? – спросил Златослав.
Милена опять покачала головой.
– Тогда жди нас здесь. Вот очаг, вот скамья, вот стол, вот еда и питье. Подкрепи силы и отдохни немного.
Мудрейшие покинули шатер, унося нового жителя Леса. Милена села на скамью и замерла, ни о чем не думая.
Старцы вернулись. Она не знала, сколько времени прошло.
– Теперь говори, – велел Златослав.
Милена обошлась без подробностей. Ни к чему, решила она. Совершили обмен, затем расстались, уловившись встретиться в известном обоим месте неподалеку от Двери. До назначенного часа Радомир не появился. Она вернулась в Лес. Все. Что могло его задержать? Ей неизвестно.
– Возможно, он придет, – сказал Судибор. – У него еще почти целые сутки...
– Возможно, – отозвалась Милена. Голос ее звучал мертво.
– Дурное предчувствие? – осведомился Златослав.
– Да, – призналась она.
– Не спеши оплакивать его, – молвил Честирад.
– И себя... – добавил Златослав. – Подождем. Если хочешь, жди здесь.
– Нет, Мудрейшие, – ответила Милена. – Пойду к себе. А на рассвете отправлюсь на поиски.
Старцы переглянулись.
– Имеешь право, – пробормотал Судибор. – Но это опасно, ты понимаешь?
Милена молча взглянула на них, повернулась и вышла из шатра.

8

Вот-вот наступит рассвет. Милена быстро идет к Двери. Она теперь русоволоса, и нет на ней яркого саронга – джинсы, кроссовки, легкая куртка. Как учил Радомир.
Ночь была бессонной, но Милена не ощущает усталости. И вчерашнего тяжелого предчувствия у нее нет – только лихорадочное возбуждение.
Она проходит. За Дверью ни души.
Только не бегом, напоминает она себе. Не привлекать внимания, быть незаметной. Сейчас пересечь кладбище, затаиться в каком-нибудь глухом дворе, а когда Город, окончательно проснувшись, станет наполняться людьми – слиться с толпой. И прочесывать. Квартал за кварталом.
Не нарваться бы на вчерашнюю Татьяну... Вряд ли опознает, но лучше не рисковать. Как-никак боль матери – все может быть...
И на ту, у которой два месяца назад ребенка увели, – на нее тоже бы не напороться.
«Ах, как же их всех жалко! И какая же сволочная у нас служба!
Прекрати, – приказывает себе Милена, стискивая зубы. – Все это – ради жизни Народа Леса. А главное – тебе сейчас не о том думать нужно».
Боковой выход с кладбища. Петли плохо смазаны, надо калитку придержать, чтобы не скрипела душераздирающе.
Где-то далеко поет петух.

Железная решетка, разгораживавшая унылое помещение, казалось, надежно отделяла Радомира от свободы, от Милены, от Леса. Он, однако, почти не сомневался, что еще до рассвета выберется отсюда.

Милиция, надо сказать, сильно разочаровала. Попади эти люди под его начало – половину отправил бы в помощь женщинам, воду из озера таскать или хворост собирать. Да пригрозил бы, что любого, кто по дурости рискнет попроситься обратно, немедленно повесит. А другую половину – действительно повесил бы, безо всяких угроз. Как изменников, вольных или невольных.

Раньше он думал, что эта самая милиция – вроде Стражи Леса: не слишком изощрена, но в общем неплохо обучена, старательна и быстра. Да к тому же и свирепа.

Быстра? Ну-ну, поглядим... Свирепа? Скорее бессмысленно злобна. Старательна, обучена? Да если по-честному, то им и сбор хвороста доверять боязно.

Не вмешайся Павел, сын Виктора, – на самом деле, по рождению, он Радомир, сын Вышезара, а сам Радомир, опять же по рождению, может быть, и есть какой-нибудь Павел... Впрочем, об этом лучше сейчас не думать... Словом, если бы не Павел, никогда бы им Радомира не скрутить.

Вошли вдвоем, мешая друг другу. Встали бестолково, в пределах досягаемости. Замешкались. Начали в два голоса нести какую-то чушь о документах.

Радомир, мгновенно все поняв, не стал тратить время на то, что называл «сломать противника силой духа». С удовольствием бы, но – в другой раз... А сейчас он сделал несколько быстрых, слитных, экономных движений. Одному – тому самому, что утром сигареты вымогал, по-прежнему потному и неопрятному, – ткнул, не вставая, пальцем под ребро. Попал, как и полагалось, в узел. Потный без звука повалился на пол, взметнув при падении, неведомо откуда, столб пыли. Радомир немного удивился, но отвлекаться не стал: главное, что мимолетный его знакомец на некоторое время отключился.

Пыль все еще продолжала подниматься, когда Радомир, взмыв со стула, достал второго. Носком кроссовки под коленную чашечку – это очень больно. Противник издал душераздирающий вопль и рухнул. «Не мне одному хромать», – мелькнуло в голове воина.

А вот от грузного хозяина кабинета он такой прыти не ожидал. И среагировать на удар ребром ладони пониже уха не успел. Теряя сознание, оценил: не врал Павел про свои приютские, уличные и боевые навыки...

Очнулся в раскаленном железном чреве самодвижущейся повозки. Руки были скованы, лицо разбито, боль пульсировала в голове и в боку. Впрочем, боль Радомир сразу загнал на дальний край сознания. Не привыкать.

Вскоре приехали. Пленника грубо выволокли из фургона, пинками затолкали в здание, вот в это скучное помещение. Грубо и небрежно обыскали, приступили к допросу – с криками, угрозами, грязной бранью. Он молчал. «Запираемся, значит, – процедил немолодой мужчина, бывший тут, очевидно, начальником. – И документов никаких. Ладно, ребята, проведите-ка воспитательную работу. А то как на сотрудников при исполнении нападать, так это да, а как отвечать, так нет. Давайте, а протокол уж после. Смотрите только не переусердствуйте. Псих он, скорее всего... Отвечай потом...»

Загнали сюда, за решетку, повалили на пол, принялись бить – сначала вдвоем, затем присоединился пришедший в себя потный. Этот старался за двоих, начальнику даже пришлось его немного окоротить. «Слышь, Шищенко, – прикрикнул он, – ты давай-ка не излишествуй, мне лишних проблем не надо! Я кому сказал!»

Ну, побили еще немного, устали да и бросили это дело.

Ни к какому допросу, ни к какому протоколу так никто и вернулся. Сначала занялись новым задержанным – им оказался смуглый парень с раскосыми глазами, один из тех, кого Радомир с Миленой видели ранним утром за уборкой двора. С этим обращались помягче:

посмотрели несколько протянутых им бумаг, пару раз несильно дали по шее, завели какой-то малопонятный разговор – давно ли приехал, да кто родственники, да с кем тут живет, да много ли зарабатывает.

Потом поднялась суматоха. Раздался прерывистый звон, начальник поднес к уху изогнутую грязно-белую трубку, послушал и закричал: «Тревога! Чепэ! Залесская, двенадцать! Похищение ребенка, как в июне, один в один, с подменной, только ориентировка другая! Женщина, на вид двадцать два – двадцать пять, рост средний, сложение среднее, волосы черные, кожа смуглая, одета в яркий балахон, особых примет нет! Экипажи, на выход! Действовать по расписанию! Егоров, чурку в обезьянник, а с психа браслетки сними, может, пригодятся! Шищенко, при мне остаешься!»

«Как же, пригодятся, – проворчал названный Егоровым. – Все они без особых... среднего, блин, сложения... Эх, шляйся теперь по духоте без толку...» Но руки Радомиру расковал.

Помещение опустело, остались двое с той стороны и двое с этой. Надо же, подивился воин. О его возможной причастности к обменам даже не подумали. Оковы сняли, ремень оставили, шнурки тоже. А ведь знают, что он опасен. Беспечны и нерадивы, что и говорить.

Ну и хорошо. Побой-то особого вреда не причинили. Радомир умело подставлял под удары те части тела, по которым – ладно уж, пускай бьют... Ну, ребро, наверное, треснуло... ну, глаз заплыл... ну, по почкам разок-другой пришлось... Пустяки. Боеспособен.

Неистовство постепенно выросло в нем, но никто, кроме братьев-воинов, не сумел бы этого увидеть. А боевое неистовство – страшная для врага штука. Оно не похоже на слепую ярость безмозглого быка, которому кровь бросается в голову и который в результате эту самую голову теряет. Во всех смыслах теряет.

Не надо, чтобы кровь бросалась в голову. Надо, чтобы ток крови по телу ускорился вдвое, втрое. И тогда ход времени для тебя замедлится, и при всей ярости ты сохранишь ясность мысли, и станешь замечать, оценивать, сопоставлять и принимать решения быстрее и точнее, чем твой враг, и сможешь за каждый короткий миг сделать больше движений, и врагу будет не поспеть за тобой. И ты победишь.

Способность к боевому неистовству – редкий дар. Радомир был наделен этим даром в самой высокой мере.

Его нынешние враги этого не знали, а вели они себя до глупости легкомысленно. Впрочем, скорее всего, не умели по-иному.

Как бы то ни было, Радомира это устраивало.

Ночь пошла на вторую половину, когда начальника одолела зевота, злая, беспощадная, с подвываниями и всхлипами. Некоторое время он боролся, но в конце концов не выдержал:

– Ты, Шищенко, вот что. – Душераздирающий зевок. – Ты это... посиди-ка тут, а я... – Снова зевок. – Пойду я покемарю. В шесть разбудишь. Ну или раньше, если что.

Шищенко, оставшись один, выдал череду отвратительных ругательств. Прошелся по помещению, приблизился к решетке, уставился на узников, поигрывая тяжелой связкой ключей.

– У, с-сука, – прошипел он.

Сосед Радомира продолжал отрешенно напевать вполголоса ту же песенку, что и утром: «Где эта улица, где этот дом...»

Сейчас? – прикинул Радомир. Нет, рано – пусть начальник, устроившийся отдыхать в какой-нибудь соседней комнате, уснет крепче.

Шищенко сунул ключи в карман, сел за обшарпанный стол, поерзал, положил на стол руки, опустил на них голову и, похоже, тоже собрался спать.

Радомир выждал еще немного.

Ну, пора.

– Гнать тебя надо, – негромко, но отчетливо проговорил он. – А лучше – повесить.

Разбудить его, обозлить, чтобы кровь ударила в голову – точь-в-точь как тому быку, – подманить к решетке, повторить тычок в узел под ребром – наверняка опять пропустит, –

вытащить ключи. Легче легкого. И уходить. Делать тут больше нечего.

– Ты же выродок, безмозглый выродок, – продолжил Радомир. – Не ровен час, дашь потомство. Это будет беда для людей. Хотя нет, ты, должно быть, весь сгнил внутри, потомства тебе не дать. Спасибо и на том.

Шишенко поднял голову, ошалело помотал ею.

– Это ты мне, что ли, козел? – хрипло осведомился он, поднимаясь со стула. – Ну, гляди теперь. Сам напросился.

Радомир изготавился.

Однако делать ему ничего не пришлось. Приоткрылась входная дверь, и в помещении появился невысокий сухощавый человек лет сорока на вид.

– Здравствуй, – сказал он.

– А, дядя Маня, – почему-то робко ответил Шишенко, оборачиваясь. – Здорово...

– Я тебе не дядя и не Маня, – ровным голосом произнес вошедший. – Я Мансур, и ты, шиш, это знаешь. А теперь отпусти Джанибека.

– Ты чего? – в явном страхе пробормотал Шишенко. – Ты чего, Мансур? Я тебя уважаю, блин, но я ж на службе! С меня же голову снимут! Ты чего, старый, с дуба рухнул?

Мансур приподнял правую руку.

– Э, – презрительно бросил он. – Выкрутишься как-нибудь. Выпускай.

– Да как я... И сигнализация же тут... А вообще-то, Мансур, давай делай! С тобой-то связываться... не, совсем не с руки. Делай! А я потом вот на этого, – он кивнул в сторону Радомира, – все и спишу. Типа, загипнотизировал меня, ну, я и вырубился. Давай, дядь Мань!

Радомир смотрел на происходящее во все глаза. Боевое неистовство, уже вскипевшее в нем, дало возможность разглядеть и гримасу отвращения, на миг исказившую черты Мансура, и глубинную суть этого человека... этой личности... суть глубокого старика... и еще много больше... не разобрать с ходу, а жаль...

Радомир покосился на Джанибека. Тот сохранял полную невозмутимость, только что напевать перестал. Но его взгляд, обращенный на Мансура, был полон света.

– Делай! – выдохнул Радомир.

Мансур поднес руку к лицу, разъединил доселе плотно сжатые большой и указательный пальцы, тихо дунул, что-то прошептал. Движения Шишенко стали механическими. Он вытащил из кармана связку, порылся в ней, подошел к решетке, отомкнул замок. Потом вернулся к столу, сел, откинулся на спинку стула, закрыл глаза и обмяк.

Мансур произнес несколько гортанных слов. Джанибек спокойно встал и вышел из-за решетки.

Мансур пристально взгляделся в Радомира.

– Ты тоже свободен, воин, – сказал он.

– Благодарю тебя, – сдержанно ответил Радомир. – Я справился бы и сам...

– Знаю, – отозвался Мансур.

– ...но все равно благодарю. Только прошу: когда уйдешь – сними свои чары. А этого, – он показал на Шишенко, – дай мне. Счета «раз» будет достаточно. Обещаю не убивать.

– Что хочешь, то и делай с ним, слушай, – серьезно ответил Мансур. – У тебя будет – до пяти досчитать, больше не будет.

– Это много, – проговорил Радомир.

– Потом – сигнализация, шмигнализация... До встречи, воин. Мы еще увидимся.

Мансур с Джанибеком выскользнули за дверь.

Радомир покинул узилище, приостановился возле Шишенко, взглянул на него... и ничего не стал делать.

Когда он выбежал на безлюдную предраассветную улицу, за его спиной завыл сигнал тревоги.

Радомир прибавил ходу.

Милена застывает, напрягает все чувства. Слышит отдаленный крик петуха, тонкий, тоскливый вой собаки. На сердце ложится тяжелая рука, она сжимает и выворачивает...

Раздается оскорбительно грубое верещание сирен. Плохо, понимает Милена. Совсем плохо. Ее воин, ее Радомир жив, но это погоня за ним. Как за диким зверем.

Потом она вспоминает: Радомир – сильный. Больше чем сильный. И раз жив, значит, им его не взять. Она заставляет себя думать так.

В ее голове почему-то звучит слышанная здесь, в этом проклятом Городе, песенка: «Где эта улица, где этот дом? Где эта девушка, что я влюблен?»

«Вот эта девушка, – отчаянно говорит Милена себе, Радомиру, Лесу и Небу. – Вот я!» Вдали – бегущая фигура. Мчится к Милене, припадая на правую ногу.

У Милены перехватывает дыхание. Она так и держит калитку приоткрытой, чтобы Радомир проскочил сквозь нее с ходу.

Это он. О Небо и Лес, на его лице кровь, и глаз заплаыл синим. И бежит тяжело, но – это он.

Радомир выдыхает:

– Солнце... – и, не задерживаясь, вбегает на кладбище.

Милена следует за ним.

Они останавливаются только у самой Двери. Милена бросается к Радомиру, прижимается к нему, потом отстраняется, проводит рукой по его разбитому лицу, шепчет:

– Воин...

– Не плачь, солнце, – просит Радомир.

Лишь тут она замечает – и правда, все лицо мокрое...

– Не плачь, – повторяет Радомир. – Идем домой.

– Домой, – откликается Милена. – Домой.

Глава 11 Инициация

1

К вечеру жара немного отпустила. Нагретый за день асфальт отдавал свой жар, вроде как сковородка, конфорку под которой только что выключили. Но солнце зашло, и потемневшее небо даже, казалось, пролило вниз самую малость свежести.

Впрочем, Стеклянному Вове ничего такого не казалось. Ему вообще ничего не казалось – вот еще.

Вова занял привычное место у подъезда, пристроил под скамейку пару пустых пивных бутылок, устремил взгляд поверх отдаленных домов соседнего микрорайона и глубоко задумался. Мысли потекли по хорошо накатанному руслу.

«Я – это я, – сказал себе Вова. – А я – это не хер собачий».

Он давно ждал, чтобы кто-нибудь возразил, но несогласных отчего-то не находилось.

Другой конец скамейки, на котором обычно сидел, всматриваясь во что-то доступное ему одному, сантехник Вася, сейчас пустовал. Стеклянного Вову это, однако, не беспокоило.

Мало ли, кто тут сидит. И еще более мало ли, кто тут не сидит.

А вот приблизившаяся к подъезду тонкая тень отвлекла внимание от важных мыслей. Она, эта тень, поднесла к губам руку с тусклым огоньком, огонек сразу раскалился, будто живой, пахнуло дымком. Захотелось покурить. Но только Вова собрался стрельнуть, ну и заодно рассказать что-нибудь о себе – он бы хорошо рассказал, в основном молча, крепко держа собеседника за локоть и глядя ему в глаза, – как тень грациозно махнула рукой, и огонек полетел, кувыркаясь, в урну, и курить почему-то расхотелось. А на традиционном месте сантехника Васи обнаружилось некое существо. Прелестное, если бы Стеклянный

только сумел оценить.

В таких случаях Вовины органы чувств срабатывали одно за другим, но – исключительно попеременно. Вот и теперь первым отрапортовало мозгу обоняние, уловив аромат то ли сладковатых духов, то ли остро-сладкого маринада. После чего отключилось за ненадобностью. Затем появились слуховые ощущения: существо дышало. Не то чтобы шумно, но как-то... тяжеловато, что ли... Звуки умерли, и – спасибо, фонарь над дверью только что зажегся – Вова, медленно повернув голову вправо, задействовал зрение.

«Я – это я, – подытожил он. – А тут, гляди-ка... девка... ничего так... только того... не русская... ишь глазенки какие узехонькие...»

Утолив любопытство и немедленно забыв о его предмете, Стекланный снова вперился в совсем уже темное небо, и горделивая мысль почти вернулась к нему во всей своей полноте, когда неожиданно возникло новое чувство – чувство чужого. Причем опасного.

Опасных чужих Вова не любил. Опасных своих, конечно, тоже – начальника, например. Но начальника, как и любого другого опасного своего – допустим, жену мутным утром, или неприятно взрослеющего сына, или даже, иногда, того же Васю, – он скорее побаивался. А вот к опасным чужим питал отчетливую ненависть. Жгучую такую. Или, может, лучше сказать – убийственно холодную. Что, вероятно, одно и то же.

В общем, кто его знает, как лучше сказать, главное – сильную ненависть питал, и без какой-либо опаски.

Сейчас к подъезду приближался из тьмы кто-то чужой и опасный. Возможно, даже не один. Точно, не один. У, суки.

Кто они, эти чужие, Вова, находясь в конусе света, определить не мог, но рассердился так, что аж в голове прояснилось, будто нашатыря нюхнул.

Нерусская девчонка прекратила взволнованно дышать и затаилась, а Стекланный ожесточенно напрягся.

Из темноты захрипели и зарычали. Мужские голоса. Сначала отвратительно глухой и враждебный, за ним другой, басовитее и еще более злобный. Хотя какой звучал хуже, Вова не взялся бы сказать. Да он вообще-то ничего не взялся бы сказать, настолько побелело вдруг перед глазами.

«Я – это я!» – бешено провозгласил Стекланный про себя и вслух, поднимаясь со скамейки и свирепо ощериваясь во мрак.

Как обычно, возражать ему никто не стал. Более того – чужие остановились. Похоже, Вовина ярость и сработала. Ну там, ноздри сильно раздул, глаза выпучил. Это да, и раздул, и выпучил. Еще, между прочим, Васю ни с того ни с сего вспомнил. Сам при этом чуть не обгадился, не пойми с чего, – запала, правда, не потеряв, – вот чужим и передалось.

А может, что-нибудь другое на них подействовало. Но как бы то ни было, попятились, и откатились далеко назад, и уже там, на пустыре перед магазином, круглосуточно торгующим всякой всячиной, ужасно сцепились друг с другом, и к двум жутким голосам присоединился третий, тоже чужой, но не страшный, скорее жалобный и задавленный, кого-то звавший на помощь, а потом стало тихо.

Стекланный Вова выдохнул. Быстро остывая, сел на свое место, удовлетворенно вспомнил, что он – это он. Пошарил по скамейке рядом с собой, огорчился – пиво кончилось.

Порылся в карманах. Что ж, на литр хватит. И еще сигарет взять, недорогих, типа «Примы». Но обязательно с фильтром.

Эх, Вася бы на эти деньги... литр водки, как пить дать... да еще бы и осталось... Но Вася – это Вася, а он, Вова, – это он. И точка.

Делать нечего, придется к тому магазину перетягиваться. Оно и к лучшему: притихли там – ненадолго, Вова чувствовал. Как раз к раздаче и подоспеет. Чужих, их поучить полезно, особенно если так и так за пивом идти.

Он встал, вышел из светового конуса, порыскал взглядом, взял курс и, твердо переставляя ноги, двинулся к круглосуточному.

А о тонкой раскосоглазой девушке, что, пока он ноздри раздувал, тихонько прянула к

двери, вставила в гнездо магнитный ключ и скользнула в подъезд, Вова забыл. И правильно – на кой бы черт она ему сдалась?

2

Маша старалась не утратить восстановленного на скамейке перед подъездом самообладания. Выскочив из лифта, она сосредоточенно, не теряя ни мгновения, не позволяя себе путать ключи, отперла наружную металлическую дверь, затем внутреннюю деревянную, вошла в квартиру, закрылась на все, какие были, задвижки и замки и только после этого расслабилась.

Прислонилась к стене, постояла, совсем без сил. Потом, не зажигая света, проковыляла на ватных ногах в кухню, присела на табурет, всхлипнула.

«Стоп, – приказала она себе. – Стоп! Ты чужая в этом городе, тебе не на кого рассчитывать, кроме самой себя, так прекрати истерику».

Стоп.

Не помогло. Перед глазами снова возник он – мясистый стручок красного перца. Уже который день преследует ее круглосуточно, жить не дает, работать толком не дает, потому что все время жарко делается и влажно и ноги подкашиваются. А работать надо, надо стоять каждый день с девяти до девяти за прилавком, чтобы зарабатывать на эту убогую съемную квартирку на самом краю чужой, равнодушной Москвы и вообще на жизнь, чтобы Лильку в люди вытащить, да и самой как-то пробиться.

Откуда-то издали донеслась чарующая музыка, но Маше было не до нее. Наоборот, раздражение вызвала, потому что – не ко времени.

Вот опять – перчик. Наваждение. Маша снова испытала всю мучительную гамму чувств: безумную сладкую истому, и горячий стыд, и отвращение к себе, и первобытный страх, и снова истому.

Она ощутила, что мокра – от макушки до пальцев ног. И между ног тоже мокро.

Под душ, немедленно.

Стоя под душем, она обнаружила, что яростно трет промежность жесткой мочалкой и уже близка... Последним усилием переключила душ на холодный. Пришла в себя.

Контрастный поможет, хотя бы на время. Горячий... холодный... горячий... холодный...

Вытираясь, совсем взяла себя в руки. «Кто я? – спросила себя Маша. – Тихая, скромная, невзрачная корейская девушка из-под Ташкента. Воспитанная бабушкой строго и честно. Лильке, младшей, любимице, досталось куда больше ласки... стоп, о ласке не думать!

Лилька красавица, все правильно. А мой единственный капитал, – сказала себе Маша, – самообладание и целеустремленность. Так бабушка учила.

Когда-нибудь, – подумала Маша, – я стану такой же, какой навсегда запомнила бабушку, – вся в глубоких морщинах, сухая, желтая. Но с прямой спиной. Хорошо бы у меня тогда тоже пара внуков была.

Не факт, что получится, судя по тому, как складывается жизнь в Москве...»

Так, все в сторону, надо подумать о сестре. Уже поздно, а ее до сих пор нет. Скорее всего, опять заваялась, не впервой. Значит, позвонить. И строго-настроено наказать, чтобы сообщила, как только у метро в маршрутку сядет. И тогда выходить встречать.

Потому что, уж если даже ко мне пристали... да как страшно... стоп, дура!.. то уж Лильку точно не пропустят.

Под ложечкой противно заныло. Ничего, одернула себя Маша. Взять с собой что-нибудь потяжелее. В стенном шкафу полно всяких инструментов... дядечка, что тут жил, а потом умер, а детки его теперь, значит, квартиру сдают, он, дядечка этот, видно, рукастый был... вот и подобрать молоток какой-нибудь...

Да, молоток... Лишь бы опять не скрутило... А из этих двоих, что пристали, второй – вообще как будто из фильма ужасов... Первый, кстати, тоже не подарок... Хотя... Что-то в

нем есть такое...

Да стоп же! О сестре подумай, сучка!

Маша взялась за мобильный. Звонить, однако, не пришлось – пока она, млея, стояла под душем, от Лильки, оказывается, пришла эсэмэска: «Все ок, ночью в общежитии».

Что ж, уже хорошо – никуда идти не надо. Ни с каким молотком.

«А Лилька, – подумала вдруг Маша, – веселую жизнь ведет. В общежитии она ночует... С кем, интересно? Упускаю девочку, ах, упускаю...»

И снова накатило. Изнемогая от стыда, Маша услышала, будто со стороны, свой хриплый вопль и очнулась поверх полуразобранной постели, в чудовищно непристойной позе.

Потом стыд странным образом отодвинулся куда-то далеко. Маша равнодушно отметила: «Не удержалась. Что ж, бывает» – и неожиданно для себя успокоилась.

Привела в порядок постель, надела – от греха – пижаму, легла. Принялась, уже холодно и отстраненно, перебирать в памяти прошедший день. Чтобы понять или хотя бы попытаться понять, что же с ней произошло сегодня и что – она чувствовала – произойдет завтра. А может быть, и раньше.

Значит, с утра она маялась в павильоне, кое-как продавая якобы корейскую морковь, капусту и тому подобную ерунду. Часов в пять появился японец. Ну или полуяпонец, но японская кровь в нем очевидна, это с полувзгляда...

Потолкался у прилавка, потом отошел в сторонку. Небольшого роста, ладный, жесткие черные волосы на прямой пробор, припухшие веки, тонкие губы. Дождался момента, когда покупатели все схлынули, приблизился, глухо спросил: а красный перец?

Маша обмерла. И сразу потекла. А японец спокойно сказал: «Тосихиро. Для друзей Тоси. По-русски Антон. Приду вечером». И исчез.

Ближе к закрытию в павильон, хромая, вошел второй. Чем-то похожий на того японца, но с более плоским лицом. И вообще, явно не японец. И очень, очень страшный. Невообразимо страшный. Неопишимо.

Этот ничего говорить не стал: неподвижно уставился единственным глазом на похолодевшую Машу, простоял так минут десять, затем неразборчиво прорычал что-то и вышел.

Да, тогда Маша похолодела, а теперь ее бросило в жар. Нет, перчик пока не беспокоил, просто стало душно. Давно, говорят, здесь такого знойного лета не было... еще и пижама... а окна все закупорены...

Она встала, подошла к балконной двери, отодвинула штору, осторожно выглянула. Чего боишься, идиотка? Двенадцатый же этаж! Приоткрыла дверь. Слегка повеяло ночной прохладой.

Маша легла. Что дальше? Она содрогнулась.

Уже около десяти, сдав смену, она шла через пустырь. Собственно, даже не пустырь – просто плохо освещенное пространство, заросшее травой и пересеченное тропинками, что ведут от остановки к ее дому и к соседним.

И вот на этом пространстве появились, словно ниоткуда, те двое.

Дальше было так страшно, что вспоминать совсем не хотелось. Как в ночном кошмаре, когда на тебя надвигается несказанный ужас и надо бежать, кричать, хоть что-то делать, а не можешь пошевелить даже пальцем.

В момент наивысшего отчаяния Маша почти безотчетно полезла за дежурной пачкой сигарет и зажигалкой, которые носила в сумке так, на всякий случай. Этот случай и наступил. Она судорожно закурила и почувствовала, что стало чуть легче. Правда, снова представился окаянный стручок, и нахлынуло вожделение, но ноги все-таки пошли немного резвее.

Возможно, это Машу и спасло. А еще то, что преследователи непрерывно рычали друг на друга и оттого мешкали. И наконец спас, наверное, пьяноватый дядька, который каждый вечер неподвижно сидит на скамейке у подъезда. Когда Маша, забросив в урну сигарету, поняла, что уже не успевает отпереть дверь подъезда, и в изнеможении упала на скамейку,

этот дядька как-то чудно' напрягся, медленно встал, вытаращил глаза и испустил нечленораздельный крик.

Удивительно, но те двое остановились, и перестали рычать, и даже попятиться.

Впрочем, Маша не сомневалась: это ненадолго.

Но паузой она воспользовалась – шмыгнула к двери, открыла ее и кинулась к лифту.

«Что-то, – подумала Маша, – толку от воспоминаний не видно. Не получается анализ, ничего понять не удастся.

Наверное, надо разобраться, как я... в общем, не устояла... и что из этого следует... Может, тут-то и есть ключ ко всему. Но только нету никаких сил это разбирать. Ка-те-го-ри-чес-ки, как говорила бабушка.

Ладно, утро вечера мудренее, а там будь что будет».

Легкая штора балконной двери качнулась, будто ветерок подул. Глухой голос произнес:

– Я же обещал, что приду вечером...

3

Иван, хромой и одноглазый рубщик мяса, а по природе своей – абасы, дошел до последней степени озлобления. Разорвать кого-нибудь...

Кровь мощно стучала в голове, кровь пульсировала в пенисе, густая, настоящая, почти черная кровь.

Мимо детской песочницы, на бортике которой пристроился Иван, скользнула кошка. Молниеносное движение – и абасы ухватил ее за шкурку, свернул шею, затем разорвал тщедушное тельце на две половинки, отшвырнул с отвращением.

Плохой день, совсем плохой.

Зря он в эту Москву приехал. Сказок наслушался – в Москве и то есть, и это есть, в Москве все есть, – а ничего такого в Москве нет. Зверя нет, вот что главное. Нет зверя – нет и правильной жизни для абасы: медленно выпустить из живого еще зверя кровь, вскрыть беспомощное, подергивающееся тело, упиться его болью, вознести эту боль Высшим Духам.

Обман получился, а не правильная жизнь. Мясо на рынке рубить – пустое дело...

А еще Ивану сегодня требовалась женщина. Сильно требовалась, до исступления. И днем нашлась была такая – гладкая, упругая, молодая. И выследил по всем правилам охоты, но – сорвалось. Сначала вмешались лешие. Хлипкие они, конечно, Иван легко разметал бы двоих, а то и троих. Но откуда ни возьмись, явился еще и этот длинный, слабый, нескладный... кажется, соплей перешибешь. А оказался сумасшедшим боканом. Крикнул что-то тонким голосом, повернулся к Ивану, да и к лешим, спиной и как дал... Дышать совсем нечем стало, еле ноги унес.

Пришлось вернуться в город. Что-то привело абасы к торговому центру, а внутри его – к прилавку с пряно пахнущей дрянью. А за прилавком стояла девка. Хорошая девка. Она тоже подошла бы Ивану – худовата, конечно, но ничего, тоже свежая на вид. И шея длинная. И глаза узенькие. Это хорошо, разнообразие полезно.

Иван даже зарычал от предвкушения, вышел на улицу, стал поджидать. Он хорошо умел поджидать.

И дождался. Девка появилась, когда уже стемнело. Иван облизнулся, двинулся за ней. Но – однако, плохой день! – оказалось, что он не один. Да еще как не один!

Соперник был невысок ростом, желт лицом, ловок в движениях. Что-то насторожило Ивана. Сдерживая тяжелый гнев, он тайно прощупал желтолицего и едва не взревел в полный голос. Ебосан, чтоб его! Не совсем чистокровный... сука, в нем местной крови полно, русской, вот же пес... Иван прочувствовал силу врага – немалая сила – и ощутил, что тот тоже прощупал его, узнал и оценил.

Ебосан! Правильные абасы ненавидели ебосанов, а сказать, что Иван неправильный абасы, мало кто осмелился бы, даром что о двух руках и не одноног – всего лишь хром. Иван считал себя правильнее, чем презираемые им родичи – отступники, ушедшие кто алмазы

добывать в родной Якутии, кто золото.

Родичей он презирал, а вот ебосанов люто ненавидел, хотя и не встречал никогда. Не важно – встречал, не встречал: ничего, кроме ненависти, это проклятое племя не заслуживало.

Когда-то, давным-давно, абасы и ебосаны были одним народом. Назывались они – то ли ебасы, то ли абасаны, никто уже не помнил, да и не в этом суть. А суть в том, что однажды предки нынешних ебосанов покинули родные края, перебрались за далекое море, обосновались на больших и малых островах и изменили заветам Высших Духов. Кровавое мясо дикого зверя заменила ебосанам бледная плоть рыбы. Хуже того – они не гнушались и отвратительными морскими гадами. И еще хуже – не брезговали совсем неодушевленными плодами земли.

Кровь у ебосанов, однако, оставалась густой. Во всяком случае, у этого, встреченного Иваном в таком неподходящем месте и в такое неподходящее время.

Абасы обнажил большие желтые зубы и зарычал. Ебосан зарычал в ответ. А девка уходила, хотя и как-то неуверенно.

Бросились вслед, продолжая рычать и скалиться. Девка приостановилась, закурила, закашлялась, пошла быстрее.

Ебосан страшно мешал Ивану. Из-за этого девка немного оторвалась от преследования. Но не воспользовалась этим – вместо того, чтобы юркнуть в подъезд, плюхнулась на скамейку рядом с каким-то пьяницей.

Иван рыкнул на ебосана и изготавился к нападению. Сгрести девку, втащить в подъезд и уж там...

Ебосан ответил утробным ворчаньем.

А затем возникло новое препятствие: пьяница поднялся на ноги, невидяще уставился на Ивана налившимися кровью глазами и выкрикнул что-то бессмысленное.

«Однако в этом тоже сила, – ощутил абасы. – Не его сила, чужая, но есть. Кто такой, не пойму... Двое на одного, не справлюсь. С одним ебосаном, может, совладал бы...»

Иван не сомневался, что пьяница станет помогать его противнику. Впрочем, ебосан, видимо, думал так же.

Соперники начали отступать.

На пустыре Иван наконец дал выход своей ярости. Он прыгнул на врага, нанес убийственный удар. Ебосан, однако, оказался умелым бойцом – уклонился и ударил навстречу.

Оба хрипло закричали, взметнулся вихрь, в который некстати занесло ни в чем не повинного прохожего – как ни странно, такого же узкоглазого.

«Этот ни при чем, – определил Иван. Откуда-то вдруг всплыло слово: – Удмурт, однако. – За ним другое: – Или киргиз. У, путается под ногами, собака! Понаехали!»

Он пнул прохожего – просто со злобы. Тот жалобно заверещал. Ебосан вытолкнул несчастного из вихря и, высоко подпрыгнув, ударил Ивана ногой в голову. Абасы покачнулся, но устоял. И, пригнувшись, кинулся на врага, целя головой в нос.

Схватка продолжалась, не принося решительного результата. Снова попался под руку удмурто-киргиз, который, вместо того чтобы убежать, решил, что его обидели и необходимо отомстить. Дурак, ох дурак...

Вокруг стали кричать, звать милицию. Потом заголосила сирена.

– Мне это ни к чему, – тяжело дыша, проговорил ебосан. – Но мы еще встретимся, – угрожающе добавил он.

Иван прохрипел проклятие. Милиции он не боялся, а вот мелькнувший в толпе боканон и непонятный пьяница, приближавшийся к ним, обеспокоили. Что ж, встретимся...

Противники скользнули в разные стороны и растворились в темноте. Милиции достался только задиристый то ли киргиз, то ли удмурт. Именно в нем очевидцы почему-то опознали зачинщика драки.

– Понаехали! – орал в толпе. – Спасу от них нету, даже по пустырю спокойно не

пройти!

Позже, уже почти ночью, Иван вернулся к дому, в котором скрылась та девка с раскосыми глазами. Скамейка пустовала. Короткими чуткими ноздрями абасы втянул в себя воздух и понял, что опоздал. Ебосан прокрался к цели раньше его.

Иван разыскал во дворе местечко потемнее – вот тут, у песочницы, – и принялся ждать утра. День получился совсем плохой, но утром – утром он отыграется. Не будь он абасы. Ох, как он помучает эту тварь! Высшим понравится...

А потом – уйдет из Москвы. Куда-нибудь, где дикие звери.

4

Маша хотела закричать, но не сумела. Правда – как в кошмаре...

– Не бойся, – сказал непрощенный гость. – Вреда тебе не причиню. Наоборот...

Слабый свет падал на него из-за окна. Вроде бы обычный человек, не молодой, не старый. Одет неброско – черные джинсы, черная футболка, черные кроссовки. Сложен хорошо – крепкий, широкоплечий. Как его – Тоси, кажется?..

Все бы хорошо, только вот страшно безумно... И одновременно – снова накатывает уже привычное вожделение...

«Конец мне», – подумала Маша.

– Не бойся, – повторил Тоси. – Вот, смотри.

На месте, где он стоял, на мгновение вспыхнул яркий столб света, а когда этот свет погас, гость выглядел уже по-другому. Вроде бы тот же, но выше ростом, моложе, красивее, в черном шелковом кимоно и босиком.

Он сложил ладони, почтительно поклонился Маше, подошел к кровати, встал на колени.

– Не бойся, – сказал Тоси в третий раз и взял Машу за руку.

– Кто вы? – выдавила девушка. – И как сюда попали? Высоко же...

– Высота не проблема, – усмехнулся гость. – А кто я? Ты не узнала?

– Узнала... Вы в павильон приходили. Сказали, как вас зовут. А потом преследовали...

– Значит, не узнала. Или просто не слышала никогда про нас. Я ебосан. Да, пожалуй, не слыхала... В Корее нас помнят, а здешние корейцы будто и не корейцы... Ну, поняла теперь? Ладно, потом объясню. А сейчас – вот. – Он вытащил из-за пазухи стручок красного перца, протянул Маше: – Это тебе...

Девушка издала протяжный стон, ее глаза закатились, тело напряглось, выгнулось дугой.

– Не торопись, – тихо сказал Тоси. – Все будет хорошо... А вот это лишнее...

И он расстегнул верхнюю пуговку Машиной пижамы. И следующую. И дальше...

...Спустя час Маша расслабленно и умиротворенно лежала в объятиях своего первого любовника, и ей было хорошо, как никогда, а Тоси рассказывал:

– Про нас, ебосанов, придумано всяких небылиц. Будто бы мы только и делаем, что совращаем корейских девушек, прикидываясь стручками красного перца. А совратив, убиваем. Чуть ли не живьем съедаем. Ага, больше нам делать нечего... Эти рассказы, наверное, от вековой вражды между японцами и корейцами. Нет, Машенька, мы служим любви. И мы не японцы, хотя и похожи. Мы – ебосаны, добрые духи. Да, мы предпочитаем корейнок, но только потому, что нет в мире женщин прекраснее. Вот как ты...

– Смеешься надо мной, – прошептала Маша.

Тоси пристально посмотрел на нее:

– Так-так. Значит, считаешь себя дурнушкой... А сестру красавицей...

Маша кивнула.

– Дурочка, – нежно проговорил Тоси. – Сестра у тебя маленького роста, крепенькая, румянец во всю щеку, да? Это не та красота, нет. Ты – да, ты! – вот кто красавица. Высокая, стройная... Эти волосы... Эти брови... Эти глаза – ах, какой дивный разрез... Эти скулы,

просто скульптурные... Эта божественная линия подбородка... Эта шея... и грудь... и живот... и ноги...

Сознание снова покинуло Машу.

Позже Тоси продолжал:

– Чистокровных ебосанов не бывает. Во всех нас много человеческой крови, мы по-другому не размножаемся. Но от ебосана и женщины рождается полноценный ебосан или ебосанка, и наш род продолжается.

– А от ебосанки и мужчины?

– Молодец, хорошо соображаешь. От ебосанки и мужчины рождается тоже ебосан или ебосанка, но потомства дать не может.

– Вроде как лошадь с ослом, – прокомментировала Маша.

– Не совсем, – улыбнулся Тоси, – хотя что-то похожее есть. Так вот, я все-таки не совсем обычный ебосан. Много крови во мне – от русских, от татар. Так уж получилось. Дед у меня был слегка того... Неслыханное дело – увлекся идеями коммунизма, уехал в Россию, работал в Коминтерне. В те времена многие этими идеями увлекались. Многие, но не из нашего народа. А вот дед – он говорил: коммунизм есть любовь, и кому, как не нам, его строить? Да и символ наш, перец, он почему красный? Не случайно это...

– А что потом?

– Разочаровался, что ж еще... Его даже расстрелять хотели, только как же, расстреляешь нас. Навел миражей, запутал всех, а сам в Тибет отправился. Вроде и ныне там. Я ж говорю – того старикан. – Тоси постучал пальцем по лбу. – Ну а мне мое происхождение дало много. Вот, например, я лучше, тоньше оцениваю женскую красоту. Японцам нравятся мелкие, толстые, кривоногие, и у сородичей моих тамошних пристрастия такие же... – Он засмеялся. – А мой вкус безупречен. Образование в этом смысле второстепенно. Помогает, конечно, но больше – по части эрудиции.

– А ты кто по образованию?

– Филолог... Восточные языки...

– А я, – зарделась Маша, – в школе хорошо училась. И потом в техникум поступила... но так все сложилось... – Она прильнула к ебосану, тот ласково провел рукой по ее волосам. – Скажи, Тошенька, – спросила девушка, – а тот твой... не знаю, как назвать его... ну, вроде двойника... он кто?

– Неужели я такой же страшный? – Тоси поднял бровь.

– Нет, что ты! Но знаешь, как бывает: одно прекрасное, другое ужасное, а похожи друг на друга...

– Знаю, – усмехнулся ебосан. – Ты права, мы почти двойники. Он абасы. Мы с ними дальние родичи, но они пошли по пути зла и жестокости. Главное для абасы – мучить зверей, а иногда и людей. Невероятными муками своих жертв абасы служат Высшим Духам. Вернее, думают, что служат...

– Боже, – прошептала девушка.

– Ничего, любимая, – ответил Тоси. – Он силен, но теперь у тебя есть я, а я не слабее. Хотя кто кого в схватке – не знаю... Но к нам двоим он и близко не подойдет. Абасы свирепы, но по-звериному осторожны.

– К кому – двоим? – не поняла Маша. – Тот дядечка на скамейке, он что, тоже?..

– Нет, – рассмеялся ебосан, – этого я впервые видел. Похоже на случайный выброс силы, такое случается. Возможно, отраженная сила... А двое – это мы с тобой, солнце мое. Ты ведь согласишься стать ебосанкой?

– Я?!

– Собственно, это уже произошло, – скромно сообщил Тоси. – Ты зачала мальчика, который будет ебосаном, а жена и мать ебосана, сама понимаешь... Вопрос только в одном – захочешь ли ты пользоваться новыми способностями. Некоторые в этом смысле очень сдержанны. Хотя все равно, восприятие мира невероятно расширяется...

– Я не ощущаю никакого расширения, – растерянно сказала Маша.

– Да? А что с тобой происходило – это не расширение? Я про перчик... А если вот так... и так...

Маша коротко простонала.

– То-то, – донесся до ее слуха шепот ебосана. – Инициация состоялась. А другие грани, другие возможности придут позже. Сейчас нам не до этого... любовь моя...

– ...любовь моя... – эхом отозвалась Маша.

5

Маша оторвалась от Тосихиро и медленно взмыла в воздух. Ебосан лежал, закрыв глаза, – неужели устал? И его... словом, то, что так нравилось ей и действительно походило на стручок перца, только огромного-преогромного... красного, жгучего... оно сейчас тоже, кажется, устало. Во всяком случае, заметно уменьшилось.

«Это я его так? Я?» – подумала Маша со смешанным чувством гордости и сожаления.

Сама она никакой усталости не ощущала – только непрерывное, неутолимое возбуждение, только желание: еще, еще... Тело покрывали мелкие капли пота, сердце стучало часто и сильно, из межножья сочилась влага.

Девушка сделала нечто вроде «бочки» в воздухе. На мгновение вспыхнул яркий свет. Когда он угас, Маша убедилась, что ее груди стали немного крупнее, как ей всегда и хотелось. Вытянула перед собой руки, посмотрела на ноги – ну, тут все в порядке. Ноги, правда, можно бы и порельефнее сделать, но Тоша сказал, ему такие нравятся – тоненькие.

Еще глаза чуть расширить? Пожалуй. Самую малость...

Она заметила, что Тоси смотрит на нее из-под полужакрытых век, и снова потекла. Тронула себя за соски, издала тихий стон.

Ебосан, не меняя позы, стал подниматься к ней. Не отрывая глаз от «перчика», резко вздыбившегося и снова ставшего пугающе большим – впрочем, Маша уже знала, что бояться нечего, – она развела ноги. Тоси совершил плавный разворот, оказался сзади... вот, вот... прикосновение... Девушка нырнула вперед, описала, чудом не ударившись о люстру, замысловатую дугу, прильнула к возлюбленному, снова отпрянула, потянулась к «перчику».

– Поиграем? – тихо рассмеялся Тоси. Увернулся, потом привлек ее к себе, провел языком по ложбинке между грудями.

Случайным бликом света промелькнула мысль о сестре: хорошо, что Лилька сегодня загуляла... Тоси приник к Маше всем телом, она слабо ахнула, задохнулась и, почти теряя сознание, услышала:

– Потом покажу тебе еще кое-что. В кошек обернемся... это очень пикантный секс... А после я стану гориллой, огромной, волосатой, почти как Кинг-Конг, а ты – снова женщиной... Получится незабываемо...

Закрыла глаза и отдалась новым ощущениям.

6

Без нескольких минут восемь Стекланный Вова вышел из подъезда, сел на скамейку. Сантехник Вася опять не появился, да и хрен бы с ним.

В голове, как обычно по утрам, шумело.

Вова сосредоточился, чтобы вспомнить что-то важное – о себе, конечно, – но не успел. Дверь отворилась, глухим, как будто простуженным голосом кто-то спросил:

– Ты идешь, солнце?

Мелодичный голосок ответил из недр подъезда:

– Сейчас... Хозяева просили почтовый ящик проверить...

На пороге показался какой-то незнакомый Вове азиат. Неприметный, весь в черном, скажи пожалуйста... Одни черные... Хотя на рожу этот желтый какой-то. Впрочем, и с ним тоже бы хрен.

Тихо чмокнул магнитный замок – дверь закрылась.

Вова ощутил тяжелый взгляд откуда-то справа. Из-за угла дома выходил настоящий урод: приземистый, харя как блин и бурая, глаз вообще не видать... хотя нет, на одном бельмо различить можно... ё-моё... и хромает... и вообще весь какой-то... заскорузлый, что ли...

Урод налетел на желтолицего. Взметнулся и опал смерч, от хриплого двухголосого воя задрожало стекло за Вовиной спиной. Вжавшись в спинку скамейки, Вова обалдело смотрел на побоище: удары мелькали и блокировались с нереальной скоростью – как в мультике, подумал Стекланный. Блеснул и отлетел в сторону длинный нож, какими орудуют мясники. Желтолицый завизжал, как будто огромным ржавым гвоздем провели по стеклу, попытался подскочить на манер Джекки Чана, но споткнулся, и заскорузлый ухватил его корявой рукой за ногу, и дернул на себя, и желтолицый рухнул на асфальт. Урод оскалился нечистой щербатой пастью, неуклюже подпрыгнул и с сиплым возгласом «Хык!» тяжело, акцентированно опустил обеими ногами на грудь противника.

Все, понял Вова. Сейчас там хрустнет, а потом этот хромой еще попрыгает, и кранты.

Стало страшновато.

Однако ничего не хрустнуло. Это во-первых. А во-вторых, из распахнувшейся двери подъезда вылетела вчерашняя девчонка – та самая, у которой вчера вечером Стекланный так и не стрельнул закурить. Только сейчас она была не испуганная и задыхающаяся, а разъяренная. Верхняя губа приподнята, и видны острые мелкие белые зубы.

Вова прямо не узнавал себя: заробел, надо же.

От визга девчонки у него заложило уши. Что произошло в первый момент, он рассмотреть не успел. Но дальше как-то въехал в темп событий. Вот заскорузлый, жутко оскалившись, стоит на одном колене и трясет башкой, разбрасывая вокруг кровавые сопли, и девчонка целит голой ногой ему в челюсть, и урод вдруг выбрасывает вперед руку – Вове показалось, что с когтями. И поверженный желтолицый, о котором все вроде бы позабыли, взрывается, словно бомба, и оказывается рядом, и, неистово ревя, перехватывает руку врага. Зубами перехватывает. Точнее – клыками, как у тигра, Вова мог бы поклясться в этом.

Потом заскорузлого гнали пинками, и, удаляясь, доносился вой, теперь уже на три голоса. Даже красиво... заслушаешься...

Азиат и девчонка вернулись – оказывается, сумочку она бросила прямо на Вовину скамейку.

Как-то она изменилась, отметил Стекланный. Похорошела, что ли... Высокая, тонкая, платице еле бедра прикрывает... Глазки – щелочки, но все равно этакая... Вон покраснелась как... Да и понятно, после такой-то драки.

А желтолицый дышит тяжело. Ну, это тоже понятно. Однако не теряется: обнял красотку за талию, на ушко шепчет что-то... Ни стыда ни совести...

Оба синхронно мазнули по Вове взглядом – на миг стало совсем страшно – и синхронно же покачали головой. Затем улыбнулись друг другу.

– Надо же, – сказал азиат. – Как он неожиданно... А я, признаться, за ночь подрастратился... Если б не ты, даже и не знаю...

– Да ну, Тоша, – хмыкнула девчонка. – Меня бы он просто разорвал.

– Мог, – согласился желтолицый.

– Даже при том, что я-то как раз прилив сил ощущаю, – почему-то смущенно добавила она.

Азиат ухмыльнулся.

– Ну, пошли, – сказал он.

Они двинулись в сторону пустыря, словно забыв о Вове.

– А зачем, Тоша, мы лифта ждали? – спросила красотка. – Могли бы и через окно спуститься, по воздуху, правда же?

– Это, Машенька, только при необходимости, – ответил желтолицый. – А так лучше, как обычные...

Он еще что-то добавил, но Вова уже не разобрал. Услышал только, как девчонка рассмеялась.

Да и хрен бы с ними тоже, подумал Стекланный Вова.

Он посмотрел на часы. Восемь. Пора на работу.

Встал, взял курс на автобусную остановку и, сделав первый шаг, наконец-то подумал: «Я – это я».

И как обычно, никто ему не возразил.

Глава 12

От заката до рассвета

Солнце закатилось, зажглись уличные фонари. Андрейка этого не видел, однако чувал. Вернее, даже не чувал, а кожей ощущал. Совсем еще не дряблой кожей, хотя, по правде сказать, и не такой упругой, как в молодые годы.

Впрочем, старость ни при чем, привычно подумал Андрейка. Какая там старость! Вы поживите в таких вот условиях, посмотрим на вашу кожу.

– Ох-хох-хонюшки, – пробормотал он.

Разоспался, пора вставать. А страсть как не хочется. Кости ноют, во рту кисло, в голове шумит. Перебрал вчера пива у соседа Варфоломейки, перебрал. Вот ведь, старый... нет, одернул он себя, никакой не старый – опытный... зрелый... да, зрелый... а удержу нет.

И еще, вспомнил он, под утро с соседом разругался. Вдрызг. Потому что Варфоломейка, куркуль плешивый, пиво выставял несвежее. Только на одну бутылочку непросроченного и расщедрился, а дальше стал потчевать разливным, по всему видать, подкисшим, да еще и разбодяженным не иначе.

Андрейка почувствовал на губах горечь резиновой трубки, из которой сосали пиво; не открывая глаз, сплюнул; тяжело поворочался; ощутил под щекой что-то мокрое. «Моя слюна, – понял он, – надо же, как неудачно сплюнула»; сделал над собой усилие, продрал глаза и слез со своей полочки.

Ох... Неудачно слез – в ногу вступило, в пояснице отозвалось. Андрейка осторожно присел на порожек, осмотрелся. Что-то не то. Совсем не то.

Он покрутил круглой головой, заросшей неровным ежиком – на пол посыпался мелкий мусор, – потер глаза, еще раз осмотрелся. Батюшки!

В палатке пусто! Совсем пусто, шаром покати! Ни сметанки, ни кефирчиков, ни молочка, ни сырочков глазированных – ни-че-го! Ай-ай-ай! И холодильничка маленького в углу нет, только густая паутина в том углу. И даже табуретки, на которой еще вчера восседала продавщица Лариска, тоже нет.

Андрейка попытался вспомнить хоть что-нибудь, связанное с неожиданным опустошением его палатки, его «Коровки», его, можно сказать, дома – он ведь и правда жил тут последние два с половиной года. Попытался вспомнить, но в виски тяжело бухнуло, он сморщился и обхватил голову руками.

Одна только мысль и крутилась надоедливой мухой: гад такой Варфоломейка! Бесполезная мысль, что уж.

Ах, как стучит... и в затылок отдает... давление не иначе... Так ведь и до сердечной недостаточности недалеко. Андрейка положил руку на левую сторону груди, замер, прислушался к себе – вроде ничего.

Он немного успокоился, и голова чуточку унялась. Ага, стало припоминаться кое-что. На той неделе приходили... вроде двое... точно, сквозь сон два голоса слышались... бубнили ересь всякую, мол, будешь, Лариска, торговать... в магазине, что ли... или на рынке... да, точно, на рынке. А этим днем, всплыло в памяти, шумело в палатке сильнее обычного. Только он, Андрейка, спал пьяненький, вот и не чухнулся.

Значит, закрыли «Коровку». Изверги.

Горе-то какое. Ему, жировику, остаться без крова да без харча – самое настоящее горе. Горькое. Да не простому жировику. Простые, они в домах живут, с людьми, при кухнях ошиваются. Черная кость, питаются чем ни попадя. Кому, конечно, и повезет, хорошо кормятся, только такое редко случается. В большинстве – перебиваются не пойми чем. И довольны. Тьфу.

Он-то, Андрейка, не чета им – потомственный жировик-харчевник. Некоторые предпочитали говорить «трактирник», иные вообще язык ломали – «корчмарник», а он придерживался старого слова: «харчевник». «Наш род, – лицо жировика сделалось важным, – уж сколько веков при харчевнях. Еще с царя того окаянного... как же его... а, да ладно! Мы, – Андрейка выпрямил спину, – лучшие. Соль среди жировиков. Вон, – сказал он себе, – как я ловко устроился: испохабили людишки кафе-мороженое, где прежде обретался, сломали все, сделали дискотеку-ногодрыгалку – так нашел же «Коровку» эту. Все, что правильному жировику нужно, тут есть... вернее, было. Ну а побаловать себя – пивной ларек неподалеку».

Андрейка скривился. У-у, сосед... Это надо же – пивной ларек для жилья выбрать! Позорище, право слово! А уж пиво у него – страх один, а не пиво...

«Я не таков, – гордо сказал себе жировичок, подняв голову. – И нечего рассиживаться, выбираться пора. Не бомжевать же, в самом-то деле! Годы не те».

Андрейка поднялся, прошлепал в угол палатки, кряхтя нагнулся, подцепил пальцами потайную досочку – хорошая такая досочка, сломанная, а словно целая, – откинул ее, потом, отдуваясь, выкатил из обнажившейся дырки крупный корявый камень, окинул последний раз взглядом свое бывшее жилище, горестно вздохнул и полез головой вперед в отверстие.

Лез неловко, весь извозился, однако вылез. Встал на ноги, огляделся – ничего опасного, – отряхнулся, обошел палатку. Так и есть: стоит наглухо заколоченная. Даже вывеску «Коровка. Молочные продукты» и ту сняли.

Эх. Жировичок утер предательски набежавшую слезу, повернулся к домику спиной и потрусил куда глаза глядят.

Глаза глядели поначалу в сторону Варфоломейкиного ларька. «Нет, – твердо сказал себе Андрейка, – ноги моей там не будет, покуда жучило этот не повинится. За пиво кислое, за сухарики заплесневелые, за насмешки. Пить, мол, не умеешь... Киселем обзывался, и еще жиртрестом».

К тому же ларек еще работает об эту пору, а Варфоломейка, стало быть, либо дрыхнет, либо, скорее всего, подслушивает, что там мужики болтают. Глупостей набирается.

Мужики-то ладно, Андрейку им не увидеть. Мало каши ели. Правда, почуять могут, прислушиваться начнут, ежели он шебуршиться станет – а как не шебуршиться? Всегда оно так... Дальше, глядишь, ругань пойдет, ссоры. До драки дойти может, под горячую-то руку. А оно ни к чему. Жировик, как и всякий домовик, ссор не уважает, нет. В доме, в каком ни на есть, тишь да гладь – вот это домовика дело и мечта. И ему хорошо, и тем, кто в доме живет да в дом приходит, тоже неплохо. Поозорничать немного – без этого никак, но ведь только ночью глухой, когда спят все.

Так что – нет. К тому же собаки там еще. Много их всегда по вечернему-то времени. Эти и Андрейку видят, и кого хочешь. А уж чуют как! И злые, и-и-и... Коты, они добрее, да нету там котов.

«Нет, – мысленно повторил Андрейка, сглотнув слюну. – Не пойду. Надо чего другого поискать».

Он взобрался на пристроенное к большому дому крыльцо с железными перилами и призадумался. Раньше эти ступеньки вели в крохотный магазинчик, никем из братьев не занятый. Случалось сюда наведываться, как же. В поисках разнообразия, бывало, заглянешь, под прилавок протиснешься, карамельку позаимствуешь полакомиться или пастилку. И ходу, пока покупатели не перебрались – между собой ли, с продавщицей ли Любаней.

Теперь не то – теперь тут эту сделали... палихмастерскую... Андрейка сплюнул – вот же слова новые удумывают, на таком словечке рот скривишь, да так и останется. Раньше лучше было – циркульня, и все дела.

Ну, как бы оно ни звалось, делать здесь совсем нечего. Просочиться-то легко, да не одеколон же пить.

А пить хочется. И покушать тоже.

Так. Вон там, через двор, магазинчик, за ним еще один. Только в той стороне страшно очень. Там такая мымра старая живет, что даже аппетит пропадает, как вспомнишь. В допрежние времена мымра эта, сказывают, коров жизни лишала. Так, говорят, и прозывалась: Коровья Смерть. Раздерет буренку на мелкие кусочки, кусочки эти вокруг себя разбросает, сама вся в кровище, и поет-пляшет. Брр... Коровка-то, она же ведь полезная, безобидная, безответная. Молочко дает, из молочка – все самое лучшее делают. А глаза какие у ней, у коровки-то! И ее, кормилицу, вот этак... Аж слезы подступают, как подумаешь. И страшно, само собой.

Конечно, редко когда свои своих обижают. А эта – вроде как своя... ну, не чужая... Да ведь это как посмотреть: тут из своих такие, бывает, шастают, что уж лучше людям довериться, хоть и глупы они, и грубы, и бесчувственны вовсе.

Может, конечно, и врут про мымру, станется с болтунов. А все одно – боязно. Нашему брату в ту сторону ходу нет.

Значит, обратно, откуда пришел; пройти мимо разоренной «Коровки» – глаза снова увлажнились, – потом свернуть направо, во дворы; а там что у нас? Там, вдоль стеночек, хоронясь от собак, по узкой дорожке, мимо детского сада, мимо школы, и еще мимо другой школы, да еще мимо другого детского сада – на главную площадь.

Ох, как в пузе забурчало! Зря про детские садики вспомнил, так и совсем расклеиться недолго. Ведь не в бурчании этом суть – Андрейка помотал головой, – да чтоб он, честный жировик, у детишек кашку воровал, да не бывать такому... Ну, по озорству, по незрелости своей, давно уж – забрел как-то ночью в садик... На кухню пробрался... Пахло там нехорошо – сильно пригоревшей запеканкой пахло, на маргарине, а все одно тронуло его тогда, аж потом прошибло. Думал – хоть крошечку попробую, да не удалось: ничего, шаром покати. Видать, нянечки все подчистую подобрали.

Детишки – это святое, почище коровок. Своих вот нет у Андрейки, а как хочется! Да куда ж ему теперь, бездомному-то...

Ладно, некогда разнюниваться. Стало быть, на главную площадь, а там придумаем что-нибудь.

Жировичок встряхнулся, больно ударившись при этом о перила, и двинулся по намеченному пути.

* * *

Надобно тут сказать, что мелкая нечисть, вроде тех же жировиков, как правило, способна рассчитывать будущее либо на ближайшие три минуты, редко на пять, либо уж на век-другой вперед. Все, что посередке, от ее внимания обычно ускользает, теряется в красиво клубящемся тумане. Видно, поэтому и мелкой нечисти этой в наших краях больше, чем в других землях. Впрочем, и жить у нас куда интереснее, чем где бы то ни было.

В общем, не стал Андрейка загадывать. Добраться бы до главной площади, а там видно будет.

Добрался. В целом – благополучно. Один раз, замечтавшись о чем-то неясном, забыл вовремя свернуть, врезался на полном ходу в закрытые ворота детского сада, прямо носом в решетку воткнулся, снова чуть не заплакал, но сдержался, и в общем все пока обошлось.

Вечер уже, пожалуй, закончился. Наступила ночь. Прохожих и собак на улицах стало мало, машин тоже, окна в громадных домах гасли одно за другим. Делалось все тише.

Главная площадь... В самой ее середине уютный сквер, на нем детская площадка. Любимое Андрейкино место.

Чувствительно стукнувшись коленкой и мужественно стерпев боль, он взобрался на качели и принялся легонько раскачиваться – как будто ветерок задувал то туда, то сюда.

Качели мерно поскрипывали, а жировичок задумался.

Он давно-давно жил здесь. Все это – площадь, улицы, дома, магазины, рынки, сама детская площадка – появилось только в последние годы. А до того тут было болото, и обширное картофельное поле, и коровник, и поодаль старая деревня. Совхоз, что ли, какой-то.

Тяжелые годы, вздохнул жировичок. Ни одной харчевни, кроме совхозной столовой. Ужас, ужас... Как прозябали, ужас... Одна радость – коровник...

А еще раньше – только болото и было. Подвизались тогда с папашей при церковной трапезной, верстах в пяти. Там хорошо кормили, очень даже хорошо, только очень уж страшное место эта самая трапезная. Сейчас, говорят, она тоже есть, и готовят, как прежде, по высшему разряду, да лучше ну ее, трапезную...

Нет, нынче времена-то изобильные, не в пример. Как его... прогресс, да. Эх, папаня, не дождался...

Андрейка опять растрогался чуть не до слез. «Да что это со мной сегодня? – подумал он. – Не иначе, как от пива несвежего да с голодухи».

Времена-то изобильные, а голодно сегодня. Ну хватит. Пора и свойственную, так сказать, решительность проявить. А лучше сказать – молодцеватость.

Он слез с качелей, чуть не подвернув ногу. Осмотрелся.

Ага. Туда не пойдем – там ногодрыгалка, ничего путного.

Туда – тоже ни ногой. Там Борюнька. Выскочка. Из грязи в князи. Деревню сломали, его из дома прогнали, так пристроился в грязноватом шалмане, от своих нос воротит, вечно там хулиганит – ишь, снова орут все, вон, на улицу выскочили, один другому по носу, по носу. Борюнькины штуки, больше некому. Хоть бы прикрыли шалман этот... Что-то все никак – слово, что ли, какое знают тайное?

А на том конце площади у нас что?

Ох ты ж... Вот голова дырявая! Местечко, может, и не самое завидное – пистерия или как ее, – да ведь Кирушка там!

На душе потеплело. Бабулька она, конечно, на вид строгая и худощавая, как кикиморе домашней и положено, да Андрейку никогда не обижала. И он ее тоже. Эх, годы молодые...

«Ну уж и бабулька, – упрекнул себя жировичок. – Едва ли она меня старше. А я еще хоть куда, стало быть, и она, Кирушка, тоже, может, ничего».

Как ни есть – не прогонит. Накормит, а то и напоит. Да еще, глядишь, и приголубит по старой... хм... дружбе.

Теперь, впервые за вечер и ночь, Андрейка заулыбался. Потом приосанился, притопнул ногой – и резво припустил к пиццерии.

Проник легко и непринужденно, сонная гардеробщица и ухом не повела. Посетителей в полутемном зале – всего ничего, одна лишь парочка в дальнем углу, да у высокой стойки паренек в белой рубашке. Половой, нынче их официантами кличут.

Через зал этот – дальше, за кулисы, как говорится. Прошмыгнул – думал, на кухне очутится, а оказался в грязноватом туалете. Фу!

Выскочил обратно, в другую дверь сунулся. Коридор. Опять не кухня. Первая по коридору дверь направо. Ага, кладовая.

– Ох ты ж, это кто ж пожаловал! – прошелестело-проокало из угла.

Кирушка, она... Правильно сердце привело.

– Я это, соседushка, – потупился жировичок. – Вот, гулял тут, дай, думаю, загляну по старой памяти... Соскучился...

Кикимора слезла с полки. Была она похожа на подсыхающую, хотя еще и живую ветку осины, а может, березы. И разговаривала под стать облику – как будто щепочки друг о друга стучаются.

– Ох, Ондрюшко, – сказала Кира, – ты бы врал-то больше. Сто лет не скучал, не заходил, не проводывал... Насквозь ведь тебя, пузыря, вижу. Да не сёрбай носопыркой-то, ладно уж... Стряслось-то что? Ишь, совсем с тела спал...

Андрейка горестно махнул рукой, открыл было рот, но произнести не сумел ни слова – ком к горлу подкатился, да так и задержался.

– Голодный, поди... – полувопросительно-полуутвердительно прошуршала кикимора. – И из дома небось прогнали... Набедокурил, пострел? Все не угомонишься никак?

Она подошла к жировичку вплотную, приобняла, прижала Андрейкину голову к своему плечу.

А он тут уж совсем не выдержал – разрыдался.

– Нету у меня больше дома... – выдавил Андрейка сквозь слезы. – Хоть помирай...

– Ох, болезный... – ответила Кира. – Ну, не плачь, Ондрюшенько, не плачь. Покормлю тебя, это первым делом. Заморишь червячка, оно и повеселее станет. А потом, глядишь, и придумаем что.

Она споро выскочила в коридор. Через минуту-другую вернулась, неся в сухоньких руках что-то, завернутое в бумагу.

– Кушай, дружок.

– А это что? – опасливо спросил Андрейка.

– Это, милок, пицца «Маргарита». Гости оставили, так ты уж не побрезгуй. – Кикимора церемонно поклонилась. – Чем богаты...

Жировичок осторожно надкусил кем-то обгрызенный блин, успевший уже и подчерстветь. Вздохнул, принялся жевать.

– Вкусно? – гордо осведомилась Кира.

– А запить нечем? – страдальчески морщась, ответил вопросом на вопрос Андрейка.

– Не привередничай! – рассердилась кикимора. – Дали тебе, вот и жуй-глотай, да спасибо скажи! А то ишь ты! Запить ему!

Крупная слеза плюхнулась на остатки пиццы.

– Ладно, не мокни, – смягчилась Кира. – Закуси уж чем есть, для разогреву. Мы закрываемся скоро, тогда уж поплотнее угощу. По старой дружбе. Хотя пороть тебя надо, а не привечать, пороть оглоеда срамного. Да уж ох, сердце бабье...

Она стрельнула в Андрейку глазками, и тот приободрился.

...Через час с небольшим заведение и вправду опустело. Кирушка с Андрейкой выбрались в зал, пролезли за стойку. Жировичок, притворяясь, что разбирается, выбрал бутылку приторно-сладкого ликера молочного цвета, лихо выпил залпом целый бокал и совсем повеселел. Кикимора предпочла что-то прозрачное, слегка пузырящееся. Впрочем, и к этому она только прикасалась губами. Однако губы перестали казаться бескровными, и серые щеки заиграли румянцем, и глаза заблестели.

А Андрейка, казалось, надувался на глазах, словно праздничный воздушный шарик. Он уже допил второй бокал и приступил к третьему. Смело залез в холодильник, попробовал несколько пирожных, бисквит и песочное не одобрил, но все-таки съел, а вот эклеры похвалил от души. Кира, глядя на гостя, радостно смеялась, деликатно прикрывая рот ладошкой.

Свои зловключения жировичок видел теперь в юмористическом свете и рассказывал о них, веселя хозяйку до сухой икоты.

Потом Андрейка гоголем ходил по залу, ловко вспрыгивал на столы, исполнял на них различные виды чечетки – пришлось как-то видеть по телевизору, – спрыгивал, делал замысловатые кульбиты, а Кирушка прямо изнемогала от смеха и держалась за впалый животик.

Ближе к утру оба устали и посерьезнели.

Сели рядышком.

– Ох, умаялась! – выдохнула кикимора и положила голову Андрейке на плечо. – Вот такой ты мне по нраву, пузырек!

– Да и ты мне по душе, веточка-палочка, – проговорил жировичок, кладя руку на острую коленку Киры.

– Что ж делать-то с тобой? – прошелестела та. – Ты не думай, хочешь – живи сколько надобно. Да только не по законам это, сам знаешь. Нам ведь поодиночке жить-вековать положено...

– Да, – печально подтвердил Андрейка.

Вдруг на него словно что-то накатило. Живешь вот так, живешь, шалишь, озоруешь, да и пользу хозяевам приносишь, потому что без домовика дом не дом – просто стены, пол, потолок... Только потом-то – что? Так ведь доиграешься: сгинешь – и следа от тебя не останется, и ни одна душа не вспомнит.

Снова слезы подступили. Он сжал коленку кикиморы, потом обнял Кирушку за твердую талию, притиснул к себе потеснее:

– Одинокие мы с тобой оба... Горемычные... Эх, судьба...

Жировичок напрягся и принялся заваливать кикимору под стойку бара.

– Охальник, – шепнула Кирушка, но особо сопротивляться не стала.

...Летние ночи коротки. Вот и эта ночь близилась к концу. Андрейка с Кирушкой тихонько разговаривали о пустяках, понимая, что скоро им прощаться.

Вдруг кикимора замерла, словно одеревенела. Даже взгляд маленьких ее глазок остановился, и моргать перестала.

– Ты что? – испуганно прошептал жировичок.

– Понесла, – так же испуганно ответила Кира. – Право слово, понесла, чую.

Андрейка тоненько ойкнул.

– А и хорошо! – Кикимора вдруг улыбнулась и часто заморгала. – Не все же сухой веточкой оставаться. Рожу кикиморушку махонькую, Ондриянкой прозову, воспитаю. Али жировичка рожу? – добавила она в сомнении.

Андрейка припомнил, что когда-то папаша ему рассказывал. И тоже, как и Кира, прислушался к себе. Сердце застучало часто-часто.

– Кикиморушку родишь, – уверенно сказал он. – А я жировичка на свет произведу.

– Ты? – засмеялась Кирушка.

– Я, а то кто же, – важно подтвердил Андрейка. – Ты что ж, не знаешь? Мы так и плодимся: сойдемся с кем-нибудь, и того... Можно и наследника породить. Как-то родитель мудрено это втолковывал, не упомяну уж... Слов длинных не люблю... генез какой-то... В общем, от живота отделится.

– Да что ты?!

– А вот утонуть мне в Божьем озере... – Голос жировичка пресекался.

Андрейка потрясенно смотрел куда-то внутрь себя и видел дорогу на Божье озеро. И знал откуда-то, что теперь это его путь. Сегодня, прямо сейчас, чтобы до рассвета успеть. Почему до рассвета-то? А поди пойми, но точно: до рассвета.

Там, на Божьем, недоступном, как считалось, ни для кого из них, из близкой и дальней родни, даже для Высших недоступном, он, жировик-харчевник Андрей, найдет и добудет что-то очень важное. Для всех для них важное. А уж где жить да чем кормиться – дело десятое. Все образуется.

«Я избран, – подумал Андрейка. – Кем – непонятно, и что я там добуду – тоже пока непонятно, однако идти надо. Предназначение», – просмаковал он непривычно длинное слово.

Страшновато, поежился он. Да что там, просто жутко. Но надо.

«Не стану бояться, – решил жировичок. – Чует сердце – вернусь».

Он неловко чмокнул кикимору в щеку:

– Пойду, Кирушка. Дело у меня. Ты жди, к ночи, глядишь, вернусь. Или, – Андрейка снова взгляделся внутрь себя, – еще где свидимся.

Он неуклюже поднялся, подтянул штаны, шмыгнул носом, потер поясницу и, не оборачиваясь на тихо заплакавшую Киру, выбрался на улицу.

Стоял предрассветный час. «Успею до восхода, – прикинул Андрейка, – коли поспешать

стану». И потрусил в направлении внушавшего ужас и неясную надежду Божьего озера.

Часть третья

Те же плюс соавторы: финиш

1

Словно будильник прозвонил.

Никаких будильников в съемной двушке не было и быть не могло: Мансур их не признавал. Так и говорил новому чурке, если тот, располагаясь на ночлег, вытаскивал эту дрянь и начинал противно скрежещающие колесики крутить: «Э, дорогой, зачем тебе будильник-шмудильник? Убери, да? Нужно будет – сам проснешься. Сам не проснешься – я тебя просну. А проспишь или я не просну – значит, так надо. Убери, слушай?»

Мансур очень хорошо знал, о чем толкует неразумному. Сам он, не одну тысячу лет просидев в глиняном кувшине, вышел на свободу выдохшимся, как перестаренное вино, потерявшим почти всю предназначенную джинну силу, осмотрелся, уразумел, кто к чему, да и отправился в горы – спать. И спал столько, сколько люди не живут. А пришел срок – проснулся.

«Нет, – поправил себя Мансур, – правильный восточный человек столько живет, сколько я спал. Даже больше живет. Потому что правильный восточный человек кушает правильно, пьет правильно, дышит правильно, все делает правильно. Это русские столько не живут, сколько я спал. А американцы...»

Сколько живут американцы, Мансур не знал, но надеялся, что еще меньше, чем русские.

И опять – словно будильник задребезжал. Это в голове, понял джинн. Ночь, темно, рассвет не скоро, а вставать пора, да. Просто так в голове дребезжать не будет.

Перед глазами вдруг повис кубик, переливающийся от зеленого, через синее и желтое, к красному, а потом обратно. Кубик слегка покачивался и, казалось, пытался что-то сообщить Мансуру. Или что-то включить в нем.

Джинн открыл глаза – кубик исчез, сменившись тусклым светом фонаря за окном. Закрыв глаза – кубик появился.

«Сколько живу, – подумал Мансур, – никогда такого не видел».

И в этот момент – включилось. Включилось десятое чувство, о существовании которого джинн даже не подозревал. Но оно включилось, сомнений не было. И Мансуру стало ясно, что следует делать.

Он быстро – и тихо, чтобы не разбудить умаявшихся за день чурок, – собрался, выскользнул из квартиры, осторожно закрыл за собой дверь. Лифта ждать не стал – второй этаж, зачем лифт-шмифт? – ссыпался по лестнице, прыгая через две ступеньки и уже не стараясь не шуметь, вылетел в пустой двор.

Уловил что-то необычное сверху-сбоку. Глянул мельком – так и есть, через один подъезд, на предпоследнем этаже, там за окном... да, еще один наш появляется. Нет, не один. Одна. Наша. Редкий случай, да. Хорошо появляется, правильно появляется, по-восточному. Совсем по-восточному, даже позавидовать можно.

«Не мое дело, – сказал себе Мансур. Тут же усомнился: – Или уже мое?» И, выбегая через арку дома на улицу, решил: после. Может, к вечеру. Сейчас некогда, сейчас – к озерам.

Он попытался на расстоянии вызвать Тимофея с Аникеем – не отвечают. Надо думать, спят. Да и силы у Мансура не те, далековато озера, чтобы докричаться мог.

Значит, тем более спешить надо.

Правильный восточный человек еще и потому долго живет, что ходит тоже правильно. Не бегаёт туда-сюда. Не торопится туда-сюда, как муха. Туда полетит, сюда полетит... Нет, правильный восточный человек ходит степенно, и спина у него прямая, да. Но если

приходится драться, правильный восточный человек быстр, как гюрза.

К тому же он, Мансур, и не человек.

Джинн побежал совсем быстро. Когда поравнялся с поганим прудом, оттуда с негромким всплеском выскочил парнишка – новый болотный, понял Мансур, бросив взгляд на отрока. Этот, выходит, услышал.

– Я с вами, дяденька? – спросил новичок.

Э, сойдет, решил Мансур.

– За спиной не ходи, – велел он. – Не люблю за спиной. По правую руку ходи.

– Может, пацанов позвать? – пропыхтел парнишка, принаравливаясь к темпу. – С района... по мобиле...

Мансур только выдохнул гортанное и злое «ха». А сам подумал: вчерашний воин пригодился бы, только ему по мобиле-шмобиле не дозвонишься.

И у водяных-болотных мобил-шмобил нет. И у этого дурака, которого перехватить надо.

На мгновение прикрыл глаза – яркий кубик все так и покачивался на внутренней поверхности век.

Ну, еще быстрее.

2

Сон улетучился, как не было.

Радомир привычным движением взялся за рукоять кинжала. Прислушался – нет, ничего, только Милена рядом посапывает.

Он открыл глаза. Темно. Надо бы еще поспать, позади трудные дни, впереди много дел – обычных, но важных, как всё, что он делал в своей странной жизни.

Относиться к каждому своему делу, даже самому пустяковому, как к важному, – это сильно осложняет жизнь. Радомир улыбнулся. «Не желаю по-другому», – сказал он себе. Долг призывает молча – так сказал ему много лет назад первый его командир, Владен. Поэт был в душе...

Стоп. Вот сейчас важное дело: выбросить из головы все, дать себе покой до рассвета.

Но заснуть не удавалось, что-то беспокоило.

Внезапно Радомир понял: надо снова идти на ту сторону. Даже не понял, а ощутил: тот немногословный смуглый человек, с которым встретились в мерзкой страже Города, ждет помощи. «Воин» – назвал его тот человек. Правильно. Воин – всегда, кем бы ни числился. От себя не уйдешь. Или – уйдешь, но себя и потеряешь. Останешься неведомо кем.

Он легко выскользнул из-под одеяла, тихо-тихо оделся, поглядывая на Милену при свете луны, заглядывающей в окно. Открыл задвинутый в дальний угол сундук, извлек широкий пояс потертой кожи, туго затянул его на талии, вложил кинжал в ножны и вышел из жилища.

Хорошо, что на ногах кроссовки, это удобная обувь, и она позволяет ходить бесшумно. Даже хромоту.

Радомир уже подходил к Двери, когда раздалось отчаянное:

– Подожди!

Он обернулся. Да, конечно. Милена. Как бы он ни старался не разбудить ее – услышала. Она же своя. Она такая же, как он.

В одной рубашке, босая, тяжело дышит, но – бежит. Бедная... Ей ведь не меньше досталось накануне...

– Ты бросил меня! – гневно выкрикнула Милена в лицо Радомиру. – Ушел тайком!

Он всмотрелся. Слез нет, есть боль.

– Прости, солнце мое, – мягко сказал он. – Я должен. Это совсем не то, что вчера... И я никогда тебя не брошу, но... Сейчас – вернись. И жди меня. Я должен.

– Ты бросил меня! – повторила Милена. – Говоришь, что должен, – верю. Почему один? Почему не взял меня с собой?

Радомир задумался. Рассказать, объяснить? Так ведь и рассказывать нечего, кроме ощущений. А как их передашь? Он ведь не поэт, он просто воин.

– Послушай, – проговорил он. – Я нужен там, в Городе. Я это знаю, но передать... ну, не умею. Прошу тебя. Приказываю тебе! Будь здесь до заката. Спросят обо мне – скажешь: решил рубежи обойти, в последний раз. После заката... любовь моя, ты почувствуешь, где меня найти, если мне понадобится помощь. Этого не объяснить, это как в бою. Понимаешь?

Милена опустила глаза, и Радомир залюбовался ею.

– Ты пройдешь? – еле слышно спросила она. – И вернешься?

Воин легонько коснулся губами чистого лба женщины, прошептал:

– Луна пошла на убыль... Даже к лучшему, Дверь уже не охраняют. Я пройду. И ты пройдешь, а вернемся вместе. Обещаю.

Милена строптиво дернула подбородком, потом коротко сжала руку Радомира, отстранилась и быстро пошла обратно.

Воин прошептал нужные слова, миновал Дверь и оказался на той стороне, на окраине кладбища, среди свежих могил; не теряя времени, двинулся по аллеям, забирая все левее. Что-то подсказывало ему, какое направление держать.

До восхода солнца оставалось около часа.

3

Дорога к Божьему озеру недлинна. Более того, эта дорога удобна и приятна, особенно по предутреннему холодку.

Но то – для взрослого, здорового человека. Андрейка же человеком не был, а был Андрейка маленьким жировичком-харчевником. Не первой молодости к тому же, хорохорься не хорохорься. Да еще тяготы прошедшего вечера, да ночная бесшабашная гулянка, да волнения с Кирушкой... приятные, радостные, но ведь все равно волнения! А уж неожиданное осознание – должен, должен! – такое кого угодно добьет. С ног свалит.

Эх, кого угодно – но не его, не Андрейку. Он брел по пустой – ни людей, ни машин – дороге, спотыкался, в поясицу тут же стреляло, и жировичок непроизвольно ойкал, а порой и слезу пускал. Но брел.

Еще болела коленка. И на полпути стало тянуть в паху – не то чтобы неприятно, но идти мешало. «Это все Кирушка, – подумал Андрейка, – это я ее, лапушку мою, вспоминаю».

Он всхлипнул: «Ну ведь надо же такое, разнесчастный я из разнесчастных. Только-только житье-бытье свое наладил, счастье отыскал, ребеночка зачал – даже двух, Кирюху-наследника и Ондреянку-сестрицу, – и вот тебе: иди куда глаза глядят, ищи незнамо что».

Эх, подпрыгнуть бы на месте, грянуть шапку оземь, повернуть – да к кикиморушке родненькой под крылышко. Сытно там, тепло, ласково...

Шапки нет, признался себе жировичок, а коли шапкой не грянуть, так и коленкор не тот. И вообще, не в шапке дело. Страшно, вот что. Мочи нет, до чего страшно. И идти туда, к озеру, страшно, а ослушаться еще страшнее.

Андрейка понимал: это Высшие его послали. Никогда ни с кем такого не случилось – ни с родителем покойным, память ему вечная, ни с другими домовиками, ни с какой нечистой знакомой. Никогда никого Высшие никуда не посылали. До нас ли им?

А вот до нас, оказывается. Вот его, бедного Андрейку, и послали. Почему они? Ну а кто ж еще, когда ноги словно сами идут? Почему его выбрали? Да вот спроси их...

Правая нога попала в ямку, поясицу пронзило болью. Несильно, если уж честно говорить, но измученный жировичок заплакал. Однако не остановился. Даже хода не замедлил. Отметил про себя, что нет худа без добра, в паху тянуть перестало. И – чап-чап-чап меленько да неуклонно.

Слева все тянулись поля, справа – домишки кончились, показались освещенные луной подступы к озеру: трава мягонькая, дальше осока-осот, а там и камыши пойдут.

Вот и тропка приметная. На нее-то Андрейка и свернул. С тяжелым сердцем свернул.

«Ох, – поежился он, – это ж ведь нырять придется, не иначе, а вода-то – она поверху еще ничего, а в глубине небось ледяная... Да и плавать не умею, – вспомнил жировичок, – хоть и зовет меня кое-кто, – он горько улыбнулся, – пузырем. На кой нам, домовикам, плавать, у нас завсегда банька под рукой была, ну а в нынешние времена – душ, ванна, а ежели при трактире, так котлы имеются, чаны просторные. Или, при палатке какой если, так тоже... под шланг всегда залезть можно, еще куда... Разврат один – плавать, разврат, и ничего больше... А придется...»

Блеснула водная гладь, и два ужаса переполнили Андрейкино сердечко. Первый – перед тем неведомым, что предстоит; второй – перед тем, что будет, коли назад повернуть.

Божье озеро – вот оно. Все берега в камышах и осоте, густо-прегусто, и только узенький подход имеется. Сперва посуху, дальше по воде. Людям – по колено, жировичку – по грудь, а где и по шейку. Это-то не страшно, страшно после, когда до настоящей воды дойдешь, там обрыв, и глубину никто не мерил. Хочется сказать – «и не измерит», – да вот ему, бедному, сейчас как раз ее мерить.

Жуткое место. Оно, озеро, почему Божье? А потому, что в стародавние места тут церква стояла. Церква-то сама по себе не подарок, это любая нечисть подтвердит. А особенно старая церква. Нет, в трапезных-то очень даже неплохо... Но не всякий домовик и в трапезную сунется. Андрейка, конечно, ходил с родителем, а вот, к примеру, охальник Борюнька, так тот кричал прошлой зимой, кефиру переброженного упившись, что, мол, всё ему нипочем, никакая церква не страшна, потому, дескать, что вера ныне слаба, вреда от церкви никакого. Только, голосил Борюнька, в Божье ни ногой, страсть там, в Божьем, потому что оно от прошлых времен, когда вера сильна была. А на церкви, распинался он, вот так мне наплевать!

Даже подрались тогда, помнится. Врал ведь Борюнька, он всех церквей как огня боится, а врать-то и нечего! Пустой он домовик, никчемный... Однако про Божье озеро правду баял: за три версты бы его...

Стояла тут церква, стояла, да в одну ночь под землю и провалилась. Со всей утварью, какая была. И вместо церкви – озеро вот это. Людям чудо Божье, нечисти страх не сказать чей.

Андрейка скинул одежонку, обувку, остался в одних подштанниках. Присел на бережку, высморкался как следует, слезы утер, головой помотал. Посмотрел вбок – край неба уж светом занимается. А велено-то – до рассвета.

Ну, пора.

Он встал, тут же поскользнулся, упал, весь измазался, снова встал и, прихрамывая, двинулся вперед. Шаг, другой, третий... Вода по колено, по пояс, по грудь. Не холодная, нет. Ласковая водичка. Так тем оно даже страшнее.

Показалось, что в животе шевельнулся ребеночек. Нет, это газы. Ребеночку еще рано.

Ладно, приободрился жировичок, чему быть, того не миновать. Еще с пяток шагов – и, ежели байки не врут, обрыв будет. Не забыть бы нос пальчиками зажать.

Шаг... другой... третий... предпоследний...

4

– Куда, э? – раздался властный голос – сразу слышать, нерусский. Ох, батюшки...

– Стой! – Это два баса, как один, аж вода задрожала.

Захлюпало-заплескало, Андрейка поднял руку, чтобы зажать ноздри, но худые, однако ж сильные руки ухватили его поперек живота, потащили назад. Жировичок заорал во все горло, лягнулся было, да в пустоту, потерял равновесие, опрокинулся набок, наглотался-нахлебался, отчаянно извернулся, чудом выставил голову наружу, выплюнул воду, судорожно, со всхлипом, вдохнул, а руки все тащили и тащили его. Неумолимо, безжалостно.

И вытащили. И отпустили.

– Уф, – тоненько произнесли сзади. – Умаялся! Маленький, а верткий!

Андрейка согнулся пополам, и его вырвало. И ликером, и пиццей, и пирожными, а пуще всего водой.

– Бедолага, – промолвил один бас.

– Да... – согласился другой.

Жировичок постоял, уперши руки в коленки, потом с трудом распрямился, медленно, обмирая от страха, повернулся и увидел перед собой четверых. Двое – как братья: зеленоглазые, длинноволосые, длиннобородые, длинноусые, и одеяния у них тоже длинные, до пят, просторные такие. Один всем обликом чуточку посветлее, а другой самую малость потемнее. Водяные старцы, узнал Андрейка, родитель как-то давно показывал издали...

Третий – совсем малец, бороды и в помине нет, а когда будет – то и сказать невозможно. Тощий, кожа да кости, а на голове вроде как гребешок из волос. Словно у петуха, только зеленый.

И – четвертый. Человек как человек... одет по-простому, лет средних, росту среднего, смуглый, черноглазый... бороды тоже нет... Бороды нет, а сила есть. Так и накачивает от него сила. Ух, смотрит как!

Андрейка вдруг схватился за живот: заурчало-заворчало, скрутило – мочи не стало; жировичок пискнул, шарахнулся в ближайшие камыши – спасибо, никто удерживать не подумал, – содрал подштанники, присел; с шумом пронесло.

– Беда-а... – протянул водяной посветлее.

– То не беда, – возразил тот, что потемнее. – Смоет в озере...

– Да понятно, Тимоша, – кивнул первый, – не тебе же чистить.

– Да и не тебе, Аника, – хмыкнул Тимофей. – А то вон Алексия наладим почистить, в евойном пруду и не такое плавает.

– Дяденьки... – пролепетал парнишка.

– Шуткуем мы, Алексей, – успокоил его Аникей.

– Шуткуем, – подтвердил Тимофей.

– Шутники, да, – вступил в разговор смуглый. – Начинать будем, э?

– Будем, – хором пробасили старцы.

Сгорая от стыда, Андрейка вытерся, как мог, подштанниками, зашвырнул их подальше и, прикрывая срам, выбрался из камышей в чем родитель породил. Поглядел на всю честную компанию, и как-то само собой сообразилось: это ж подмога пришла! Он прослезился было, теперь от благодарности и умиления, и тут же спохватился, приуныл: солнце вот-вот покажется. Хоть и краешком, а все – почитай, рассвет.

– Зачем такой грустный? – обратился к нему смуглый. Будто услышал Андрейкины мысли. – До солнца пришел? Пришел. В воду пошел? Пошел. Не опоздал, молодец, мужчина! Отцы водяные тебя научат, я слово скажу, снова в воду пойдешь, все сделаешь. До обеда все сделать надо. Мы тут будем, не бросим, да.

– До полудня? – уточнил Аникей.

Смуглый ответил односложно:

– Да.

– Эх... – вздохнул Тимофей. – Нам бы с ним...

– Нельзя, – отрезал смуглый.

– А мне? – с надеждой спросил Алексей.

– Э, совсем никому нельзя, – сказал смуглый. – Человеку можно, нам совсем нельзя. Из нас только маленькому можно. Отцы, учите, да? Обед скоро.

Старцы двинулись к Андрейке, но тут Алексей выпалил:

– Ой! Погодите! Я чего, я вот чего: дядя Мансур!

Смуглый едва заметно поморщился, но парнишка затараторил:

– Вы про людей сказали, а погода-то вон какая жаркая! Чуть солнце встанет, они и потянутся! Им бы только купаться! – Он заметно смутился и, запинаясь, закончил: – Это... Помешают же... Или ничего?

– Чего, – кивнул Мансур.

– Голова, – оценил Аникей.

– Будет толк, – согласился Тимофей. – Ну что, Аника, давай туман наводить. Белый, самый плотный.

– На озеро и на подход, – уточнил Аникей.

Водяные вскинули руки к светлеющему небу, замерли, потом закружились, словно в медленном-премедленном танце, постепенно опуская руки и неразборчиво приговаривая что-то.

Плотная молочно-белая пелена накрыла Божье озеро, язык тумана протянулся и к тропинке, ведущей от дороги. А все пятеро оказались в большом пузыре чистого, прозрачного воздуха, невидимом снаружи.

– Хорошо, – одобрил Мансур. – Молодец, Алексей, джигит! Теперь иди туда, не пускай никого. Говори, озеро чистим-шмистим, нельзя купаться. Говори, после обеда приходите. Карантин-шмарантин, э?

Юноша кинулся исполнять, а старики водяные придвинулись вплотную к дрожащему – от чувств, но и от холода тоже – Андрейке. В этот момент солнце выглянуло из-за горизонта, и джинн тихо сказал:

– Пора.

– Вот что, домовик-жировик, – сказал Аникей. – Учить нам тебя нечему, это уважаемый джинн немного преувеличил.

– Ага, – подхватил Тимофей. – Учить не станем, зато сделаем так, чтоб тебе в воде было как на суше. Стань-ка спокойно, расслабься, руки убери, что мы, срама не видели, что ли?

Андрейка повиновался.

– Ого, – прокомментировал Аникей.

– Ну... – произнес Тимофей. – Да. Знаешь, лучше садись прямо на песочек. А мы всё сделаем.

Жировичок покорно сел. Водяные направили на него руки с растопыренными пальцами и принялись бормотать. А джинн негромко заговорил.

– Андрюша-джан, – сказал он, – кто-то скажет тебе: «Ничего не бойся». Это глупый лжец, его не слушай, меня слушай. Бойся. Там, – Мансур махнул рукой в сторону озера, – страшно, да. Знай. Бойся. Не будешь бояться – пропадешь, да? Кто не боится, тот сам глупый, глупые пропадают, да?

Андрейка попытался кивнуть.

– Молодец, – оценил джинн. – Не глупый. Как бояться, знаешь? Вижу, знаешь. Надо правильно бояться! Понял? Туда-сюда не бойся, прямо бойся, себя помни, да? Слушай, Андрюша-джан, там, – теперь джинн показал на озеро движением подбородка, – что-то есть. Какой-то хурда-мурда. Может, на дно сядешь, увидишь сразу. Отцы тебе фонарь приделают, прожектор знаешь? Мужчина! Хватай хурда-мурда, плыви к нам, да? И все! А может, там кто-то драться будет. Бить тебя будет, кусать будет. Или шпарить будет... как это... кипятить, да? Или холодить. Э, отцы тебя защитили! Сам кусай! Увидишь хурда-мурда, хватай, плыви к нам, да? Никакой разницы! Ты, главное, правильно бойся, смотри там туда-сюда, кто кусать будет, ты кусай первым, не будь как ишак.

«Вы, русские, – хотел добавить Мансур, – ишаки и есть. Вас в кровь искусают, тогда сами кусаться начинаете. Сильно кусаетесь, да, только зачем ждать, когда тебя покусает? Совсем не надо ждать, кусай первым!»

Но говорить этого джинн не стал, а сухо пояснил:

– Хурда-мурда будет кубик. Или шарик. Вот такой. – Он развел руки на ширину Андрейкиных плеч, точно скромный, почти правдивый рыболов. – Красивый, мм, да! Светится. Кубик. Я так думаю.

– Мансур, – оторвался от дела Аникей, – а все-таки откуда ты все это знаешь?

– Э... – махнул рукой джинн.

– Пока все, что он говорит, сбывается, – вполголоса заметил Тимофей.

– Не спорю, – отозвался Аникей.

– Может, угадал. Может, ошибаюсь, – как будто извиняясь, сказал Мансур.

– Ха! – хором произнесли водяные.

Мансур пожал плечами и замолчал. Старцы возобновили бормотание, сопровождая его пассажами над Андрейкой.

– Дяденьки! – Это прискакал Алексей.

Как молодой пес, подумал жировичок, внезапно ощутивший себя старым-престарым. Тоже мне Алексей – Леха он, просто Леха...

– Дяденьки, – доложил паренек, – там дерево поваленное валялось, так я его притащил, положил поперек, а то джип какой поедет, джип-то я не остановлю! А народу пока не было, только этот показался, Василий, ну вместо которого я в пруду-то! И в ДЭЗе тоже! Я на него цыкнул, вот так вот, – Леха смешно ощерился, – он и того, дальше почухал! Послал меня, конечно, но так, для виду, а сам-то, видать, застремался!

Водяные переглянулись, а Мансур сказал:

– Мужчина! Теперь не мешай отцам, слушай. Иди сторожи. Молодец.

Леха умчался в туман.

Солнце, казавшееся сквозь пелену маленьким размытым белым диском, выползло на небо полностью, и Аникей произнес:

– Ну что, кажись, закончили?

– Закончили, – подтвердил Тимофей.

И водяные провозгласили хором:

– Встань! Войди в воду! Верь!

Никаких изменений в себе Андрейка не почувствовал, лишь, может быть, полегче стало: не бросят. И будь что будет. Снова навернулись слезы на глаза.

Он встал, двинулся к укрытой туманом водной глади. Пузырь прозрачного воздуха стал расширяться в том же направлении, словно торя жировичку путь.

С противоположной стороны приглушенно донесся высокий голос Алексея:

– Не ходите сюда, гражданин! Тут у нас это, карантин! Да куда ж... Стой!

Андрейка обернулся. Водяные протянули руки в том направлении, и язык чистого воздуха прорезал шапку тумана. Стали отчетливо видны и юный вуташ, и еще одна фигура – крупная, плотная и немного, совсем чуть-чуть, искривленная. Вся в черном. С огромными ножнами на поясе.

– Воин! – воскликнул Мансур. – Э, болотный, пусти человека, да!

Слегка припадая на левую ногу, человек подошел к джину.

– Я прошел бы и сам, – спокойно сообщил он.

– Здравствуй, воин, – сказал Мансур. – Думал: придешь, не придешь? Пришел, хорошо. Садись, говорить буду. А потом – тебе решать.

– Я пришел – значит, уже решил, – возразил воин.

– Говорить буду, – повторил джинн.

Разговор получился коротким. Жировичку слышно не было, говорили совсем тихо, к тому же над воином торопливо забормотали водяные старцы. Жалко, узнать-то хотелось, о чем они там. «А и ладно, – решил Андрейка, стоя по колено в воде, – они большие, а мое дело маленькое. Главное – его сделать».

Меньше чем через четверть часа жировичок погрузился в воды Божьего озера в сопровождении воина Радомира.

5

Виновод. 9:18. О! Ты чего не спишь?

Гипнопомп. 9:19. Здоров. Да не знаю, не спится. Ночью закончил про старуху, точку последнюю поставил, думал, залягу, отрублюсь, а ни в какую. Хоть развязывайся. Кстати, про старуху тебе заслал.

Виновод. 9:21. Ага, я видел. Нормально. Я тоже закончил, смотри-ка, синхрон какой.

Сейчас отправлю.

Виновод. 9:23. Лови.

Гипнопомп. 9:25. Поймал, чайку налью, гляну.

Виновод. 9:25. Ну что, финал остался... Приступаем, что ли?

Гипнопомп. 9:28. Да приступаем... Как договаривались, да? Общая канва есть, пишем порознь, потом смотрим вместе, совмещаем, так?

Виновод. 9:28. Угу.

Гипнопомп. 9:29. Только сдается мне, все не так выйдет. Этот, блин, финал сам нас с тобой напишет... Говорю, хоть развязывайся.

Виновод. 9:29. Слушай, ну вот не верю я в эту лабуду. Не верю и не верю! Хотя...

Гипнопомп. 9:30. Ну-ка колись, чего «хотя»?

Виновод. 9:30. Да хрен его знает. Часов в восемь на крышу я вылез.

Гипнопомп. 9:30. Зачем?!

Виновод. 9:33. Объясняю же – хрен его знает. Ну, посмотреть хотел, откуда дымом тянет, торфяники же как раз по моему направлению, а дом у меня высокий, над местностью господствует.

Гипнопомп. 9:33. И что? Что увидел-то?

Виновод. 9:34. Да чего ты так вскинулся?

Гипнопомп. 9:34. Я к твоей манере уже привык, различаю кое-что. Колись, колись!

Виновод. 9:36. Ну... Да, колбасило меня. Короче, дыма не увидел. Небо такое... аж звенит, такое выцветшее. А в той стороне, где озеро, которое у нас с тобой Божье, там облако. Похоже, прямо на земле лежит.

Гипнопомп. 9:36. Ну и?..

Виновод. 9:36. Ну и слез я оттуда. Не по себе сделалось. Не знаю... А еще до того, ни свет ни заря, Вася приперся. Который вуташ. Идиот. Хорошо, дома сейчас никого, да и я практически не спал.

Гипнопомп. 9:38. Хм. И что Вася? Кстати, он и правда такой, каким ты его пишешь?

Виновод. 9:42. Практически. Только он не сантехник, он водилой был, потом в автомеханики перевели, потом вроде и оттуда выгнали, сейчас – не знаю. А так – прямо с натуры пишу, ага. Позапрошлой зимой он учудил, я тебе не рассказывал? Сдал мне в аренду гараж, недорого. Деньги взял за месяц вперед. А через пару дней жена его является. Гараж, говорит, мой, этот козел, говорит, никакого права не имел, выметайтесь, говорит, я гараж продаю. Не рассказывал?

Гипнопомп. 9:43. Совсем ты мозги пропил. Нет, мне не рассказывал. Ты всем рассказывал. В Клубе эта история лежит уже год. Кстати, зачетная история ¹.

Виновод. 9:44. Блин, точно. Что-то я... Да, как там в Клубе?

Гипнопомп. 9:45. Да никак. А тебе я прямо завидую. Точно, развяжусь сегодня. Эх, семь лет ни грамма...

Виновод. 9:45. Ну и дурак. В каком-нибудь смысле – а дурак.

Гипнопомп. 9:46. Не отвлекайся. Так что Василий-то?

Виновод. 9:46. Да что, денег просил. Вонючий весь, уже изгваздаться успел. Пиджак я ему отдал, с тем и отправил. Вот только он и пришел-то в точно таком же пиджаке. Так что ушел с двумя.

Гипнопомп. 9:49. Ну и ну... А говоришь, не веришь... А я вот ночью от чего еще спать не мог: опять чушь какая-то в голову лезла. Между прочим, тоже облако, как у тебя, на земле лежит, плотное такое. Только не на озере ни на каком, а в лесу. Ночью. И так-то темно, так еще и облако это. Черное. Ты с крыши ничего такого не видел?

Виновод. 9:49. Не-а. Так не ночь же. Ночью, может, увижу.

Гипнопомп. 9:50. Вот-вот.

Виновод. 9:50. Слушай, я что-то устал, сил нет. Прилягу-ка.

Гипнопомп. 9:51. У меня тоже сил нет. Сейчас твою главу прочитаю и пойду

¹ См. Приложение 2. (Здесь и далее примеч. авт.)

пройду, пока пекло еще не раскопегарилось. Может, и правда развязать?

Виновод. 9:52. Финал писать надо, а не развязывать!

Гипнопомп. 9:52. Финал от нас не уйдет. Или, наоборот, мы от него не уйдем.

Виновод. 9:53. Ладно, вали уже... Все, пока. Увидимся. Когда-нибудь.

Гипнопомп. 9:54. Добро. Думаю, уже скоро. Предчувствие у меня.

Виновод. 9:55. Да?! Ну ладно, ладно. Все, до связи.

Гипнопомп. 9:55. До связи.

6

Солнце забиралось все выше и палило все нещаднее. Стекланный Вова потел, мучился и вообще парился, но в Василия он вцепился мертвой хваткой и скорее сдох бы от теплового удара, чем выпустил рукав вонючего пиджака.

«Я – это я», – сказал себе Вова, а вслух произнес:

– Бабки отдавай!

– Пошел ты... – откликнулся Василий.

«Надо же так лопухнуться, – ругнул себя Стекланный. – Стыд и срам, я – Я! – и такого маху дал!»

«Это, – подумал он, – из-за той драки, когда косоглазые друг дружку чуть не поубивали. Точно, из-за этого все. С толку сбили. Кого? Меня! Меня – с толку!»

От косоглазых все беды. И еще от черных, и, само собой, от жидов. Ну и от таких вот, как Вася, базара нет.

Вова повторил:

– Бабки отдавай!

Василий, как автомат, ответил своим неизменным «пошел ты». Стекланный попытался потянуть его за рукав – хоть приостановить, – но Вася будто не заметил: он мерно шагал по обочине, загребая пыль растоптанными ботинками и глядя строго перед собой.

Вокруг словно все вымерло. Никого, как и утром, после шоу. Джеккичаны, блин. С клыками. Честной народ небось разбежался от греха, один только Вася и нарисовался. Сперва вонь накатила, гниль какая-то болотная с дерьмом пополам, а после и сам Вася из-за угла выдвинулся, весь дрянью какой-то измазанный. Под мышкой, неизвестно зачем, второй пиджак, кое-как скомканный и вонючий даже на вид.

На привычное место сосед приземляться не стал. Вперился в Вову взглядом покойника, прохрипел:

– Жиды, суки... Дай двадцать четыре рубля.

Вот тут Вова и оплошал – дал. Сам даже не понял как, но – дал. Наверное, тоже водки захотелось, после пережитого-то... Ну да, захотелось. А на работу расхотелось, при таких-то делах и такой жаре. В своем праве!

Нет, конечно, он сразу спохватился. Отпускать Василия за водкой одного – дураков нет. То есть дураков-то полно, но он-то, Владимир-то Иваныч, не дурак! Он – это он!

И значит, подались в стекляшку на пару. Ну, внутрь Вова не пошел, нечего там пастись нормальному человеку. У входа подождать, на воздухе – дело другое.

Ждать пришлось долго, Вова даже забеспокоился: не улизнул бы упырь через служебную дверь. Заглянул в магазинчик – нет, нормально, там Вася, никуда не делся.

Потом Василий вышел и наладился было мимо Стекланного. Ха, не тут-то было! «Врешь, не уйдешь!» – вспомнилось Вове из какого-то кино, когда он ухватил гада за рукав и потащил за угол.

Тогда Вася еще поддавался. За углом он вытащил из кармана бутылку, ногтем скovyрнул крышечку и присосался, как клоп. Не, как пиявка. Не, как этот... как его... во, как вампир, тоже из кино. Точно, как вампир, вон даже и зубы о стекло клацают.

И в момент всосал в себя больше половины, сволочь такая. Вова резко выдрал бутылку из Васиной пасти, посмотрел – ну так и есть, грамм триста засадил, зараза, – сделал шаг

назад и еще один в сторону, пристроил портфель между ногами, крутанул бутылку, поднес ко рту, сделал глоток и едва не задохнулся. От омерзения и возмущения.

Нет, допить-то допил, не пропадать же добру! Но допив – сперва, конечно, отшвырнул пустую бутылку, а потом недобро посмотрел на соседа и объявил:

– Паленая! Вылакал, паразит, чуть ли не всю, так еще и паленой напоил! Отдавай бабки!

– Пошел ты... – отвечивал Василий. И начал мерное свое движение.

Тут-то и началось. Вторая серия. Нет, если считать побоище у подъезда, то даже уже третья. Кино и немцы. Вася пер неизвестно куда, Вова держал его за рукав, периодически требовал вернуть деньги, Вася однообразно посылал Вову, а на попытки остановить его или хотя бы сбить с курса не реагировал. Так и шли, один с драным тряпьем под мышкой, другой с приличным портфелем в руке.

Длинная получилась серия и скучная. Вове даже вспомнилось, как давным-давно жена затащила его на этого... как его... ну, там они тоже всё шли и шли, и разговоры разговаривали. Совсем баба спятила, такое кино смотреть. Но там, по крайней мере, прохладно было, а тут – еще и топка разгоралась.

Прошли мимо санитарного пруда. Мимо поля, заросшего зонтиками. На подступах к Темному озеру Василий свернул по дороге налево. Миновали здоровенный сарай, где каток крытый. Уперлись в опушку леса. Стеклянному почему-то захотелось в лес, но на Т-образном перекрестке Вася забрал вправо, в направлении Божьего озера. Вова понял: упырь купаться намылился. Отмываться. Вот засранец.

С религией Вова старался поддерживать отношения взаимного уважения, потому что – мало ли.

Солнце забиралось все выше и палило все нещаднее. Хотелось и окунуться, и попить, и отлить. Вова парился почти невыносимо, но отпускать Василия, хоть куда, хоть купаться, хоть топить, и не думал. Пусть сначала бабки отдаст.

Приблизились. Стал виден накрывший озеро туман – такой густой, что казался твердым. Путников обогнал, подъехал к ведущей к Божьему дорожке, постоял и отъехал здоровенный джип. Поперек дорожки лежало корявое сухое дерево, на стволе примостился, обгрызая ногти, парнишка лет двадцати, с зеленоватым панковским гребнем на голове.

«Я – это я», – для поднятия духа напомнил себе Вова, а вслух сказал, в который уже раз:

– Бабки отдавай!

– Пошел ты... – откликнулся Василий, явно нацеливаясь на озеро.

– Снова? – отчаянно закричал панк, вскочив на ноги и потешно растопырив пальцы. – А ну, вали отсюда! Кому говорят!

Прибить бы поганца, мелькнуло у Вовы. Но как ни странно, Вася поганца послушался и побрел – естественно, со Стеклянным вместе – дальше по обочине.

Они не видели, что туман над озером начал клубиться. А что близится полдень – это, наверное, чувствовали, но нельзя сказать, что знали.

И уж точно они не знали, куда приведет их этот путь к полуночи.

– Отдавай бабки, гад...

– Пошел ты...

7

Полдень близился, а вода в озере все так же кипела и бурлила. То у одного берега, то у другого, то на самой середине. Туман колыхался в такт этим перемещениям, вспыхивал, бросал на воду радужные блики. Время от времени возникали особенно сильные всплески, как будто что-то тяжелое, мощное выныривало на поверхность, взлетало над нею, падало и уходило вглубь. Тогда к берегам катились микроцунами.

Старцы неподвижными изваяниями стояли по сторонам входа в озеро. Леха дежурил у дороги по ту сторону тумана. Мансур сидел на корточках, рядом с аккуратно сложенными

Радомиром – футболкой, джинсами, широким кожаным поясом, кожаными же ножнами, носками, кроссовками. Все черное. Чуть поодаль валялись Андрейкины вещички, сброшенные впопыхах, но все-таки довольно кучно; лишь подштанники мокли где-то в камышах...

Хорошо, думал Мансур. Хорошо, что так бурлит. Значит, жировик Андрей и человек Радомир живы и сражаются. Плохо, что помочь совсем нельзя.

Джинн взглянул на водяных и понял: они и не сумели бы помочь. Очень боятся этой воды. Плохо боятся, неправильно. Мальчишка-болотный – тот не боится, но это потому, что молодой.

«А я боюсь? – спросил себя Мансур. – Боюсь, но я правильно боюсь, только помочь не могу, и это плохо. А почему я правильно боюсь? Ай, совсем плохо».

Он в который уже раз отогнал от себя мысль о собственной роли в этом деле. Силы нет, сказал он себе. Совсем мало силы, вся большая сила утекла, когда долго-долго сидел в кувшине. Через плохо притертую пробку или через невидимую трещинку в стенках утекла. И пусть. Той силы не жалко.

Мысль настырно, как муха, снова лезла в голову. Будет новая сила, больше старой. Будет, будет, будет.

«Зачем, не хочу, – сказал себе – и не только себе – Мансур. И добавил: – Э, потом!»

И прибил назойливую мысль, точно ту муху.

Но дело надо сделать. Вот сейчас – ждать. Мансур взглянул на солнце. Да, скоро обед. Пусть Андрей с Радомиром поторопятся. Только – правильно.

Раздался всплеск, каких до этого не было. В центре озера образовалась воронка, затем взметнулся столб воды. Бешено вращаясь, он пробурил шапку тумана, взмыл вертикально вверх, к солнцу, оторвался от поверхности озера, превратился в сверкающий шар, подобный второму светилу, – и с оглушительным треском разорвался в выцветшем небе.

Взвыл яростный ветер. На берега покатила мощная волна. Она обрушилась на старцев – но те даже не пошевелились, и их одеяния остались сухими, – достигла и обогнула Мансура, устремилась было к дороге, у которой тосковал Леха, выдохлась и отхлынула теми же путями.

Озеро успокоилось, ветер стих, отверстие в облачной пелене затянулось. Все стало, как было прежде. Озеро уже не бурлило.

Мансур напряженно смотрел на эту мирную гладь. Все закончилось?

Нет. Вот показалась голова Радомира, а вот рядом с ним, отплываваясь и фыркая, всплыл Андрейка. Они стали медленно приближаться к берегу, и джинн увидел: воин поддерживает жировичка, тянет его за собой.

Мансур встал, поджидая – он надеялся – победителей.

Выбравшись на берег, Андрейка повалился на мокрый песок и свернулся калачиком, прижимая к животу тряпицу, в которую было что-то завернуто. Плечи жировичка подрагивали. Водяные присели над ним, шепча что-то и делая пассы руками.

Согревают, понял Мансур.

Примчался Алексей – но, вопреки обыкновению, без криков. Встал рядом и замер.

Радомир нагнулся, поднял пояс с ножнами, аккуратно вложил в них кинжал, распрямился, взглянул на джинна и четко сказал:

– Увидели сразу. Куб с закругленными ребрами, сияет, переливается. Немного меньше, чем ты говорил малышу. Тяжелый, дно промял. Малыш попробовал поднять, и тут на нас напали.

– Змеи, – раздался дрожащий голосок жировичка. – Ой-ой-ой, сколько змеюк...

– Не змеи, – без улыбки поправил Радомир. – Щупальца. Пытались душисть, я рубил. А он, – воин кивнул на Андрейку, – хм... кусал...

Мансур кивнул.

– Одни нападали, – продолжил Радомир, – другие все время пытались то закопать куб,

то перекатить. Закапывать у них не получалось, а катать катали. Мы уже уставать начали, дышать стало трудно... Хорошо, что там не потеешь. – Он впервые улыбнулся, и Мансур залюбовался героем. Ай, орел! – В общем, – подвел итог Радомир, – дело получилось долгое, а рассказ короткий. Отбились, отогнали, взяли, что нужно, вернулись. Малыш молодец, я бы такого в отряд взял. Ну, может, не в Неистовые, но в Стражу точно взял бы.

– Он не ваш, – спокойно заметил джинн.

– Да, – согласился воин. – Знаю. И сожалею. Ничего, что он плакал там, внизу, особенно когда какая-то жгучая пакость зацепила. Я-то привычный, и уворачиваться умею, а он... неловкий он, неуклюжий. Но в нем есть настоящее боевое неистовство, понимаешь? Он плакал – да он почти все время там плакал в голос, – но сражался изо всех сил.

– Значит, правильный выбор, – сказал Мансур. И добавил, подняв руку: – Э, не мой выбор, что ты, дорогой! Я только помогаю, как умею. Спасибо, воин. Спасибо, Андрей-джан.

Водяные подвели Андрейку, все прижимавшего к животу завернутую в тряпицу добычу. Жировичок уже немного пришел в себя.

– Слушай, материю где взяли? – спросил Мансур.

Радомир засмеялся:

– Видел бы ты, сколько там всего на дне! Бутылки, банки, тряпки, ботинки...

– Там такое – даже стыдно говорить, – тихо дополнил Андрейка.

– А церковь? – осведомился Тимофей.

– Храм затонувший видели? – уточнил Аникей.

Андрейка помотал головой:

– Нету. Должно, под землю ушел, глубже.

Все немного помолчали.

– Уважаемый джинн, – в унисон произнесли водяные. И запнулись, сердито глядя друг на друга.

– И вам спасибо, отцы. – Мансур прижал руку к сердцу.

– «Отцы»... – Аникей пожевал губами. – Ну, мы пойдем.

– Нам пора, – подтвердил Тимофей. – Туман уберем и пойдем.

– Приходите к ночи. – Мансур внимательно посмотрел на одного, потом на другого. – Вы знаете куда. Ученика с собой возьмите, молодой, заблудиться может. Тебе тоже спасибо, болотный.

– Да я... – Голос Лехи едва не сорвался от волнения. – Да я... я приду, а сейчас к себе побегу, только дерево вон уберу. Открываем же озеро? Пусть народ купается? Жарко ведь!

– Да, – кивнул джинн.

Туман стал рассеиваться, медленно, потом все быстрее, и наконец растаял, как не было. Троица водяных, двое старых и один молодой, скрылись за поворотом.

– И мне пора, – вздохнул Мансур. – Двор-шмор мести, ай, сколько дел, даже покушать не успел!

– А я? – подал голос Андрейка. – А... а мы? А этот... эта штука?

Радомир усмехнулся.

– Воин понимает, – сказал джинн. – И ты поймешь. Твое дело...

– Долг, – поправил Радомир.

– ...да, долг, плохо русский знаю... Твой долг – принести хурда-мурда... тебе сердце скажет куда. Сердце не скажет – ноги скажут. Ноги не скажут – воин скажет. Да, воин, так?

– Я постараюсь, – проговорил Радомир. – До полуночи, наверное?

– Да.

– Нам ждать плохого в пути?

– Ты воин, – ответил Мансур. И добавил, словно нехотя: – Чем смогу – помогу.

Он уходил с тяжелым сердцем. Эх, помочь бы по-настоящему! Пойти бы с ними! Нельзя, запрещено, таков закон или что-то на него похожее, не писаное, даже не говоренное, но несомненное. Только люди имеют право помогать – и удача, что рядом с маленьким жировичком пойдет воин.

Ну и еще... еще – все-таки и правда пора было мести дворы. До темноты.

8

Солнце уже вовсю склонялось к горизонту, но облегчения это не приносило. Город, состоявший в основном из асфальта, бетона и металла, аккумулировал тепло и теперь щедро отдавал его людям.

В метро было легче, там вентиляторы. Выскочив наружу, Гипнопомп первым делом зажмурился, должным образом принимая удар, а немного адаптировавшись, принялся искать нужную ему маршрутку. Прежде он никогда не бывал в Новокузине, а теперь понесло, но перед выходом из дому ему хватило ума заглянуть в Интернет, так что хотя бы номера рейсов знал.

Маршрутка вскоре нашлась, Гипнопомп запрыгнул в нее, спасаясь от жара, заплатил за проезд, получил сдачу и понял, что поторопился. Пассажиров было раз-два и обчелся, водитель, очевидный кавказец, явно собирался ждать наполнения салона, а солнце пробивало этот самый салон насквозь.

Изнемогая, Гипнопомп щелкнул замочком сумки типа «планишет», вытащил бутылку «Туборга», свернул крышку и с удовольствием глотнул.

Нет, правильно развязался! Ведь завязывался-то чего? Вернее, пил-то раньше чего? От жары пил... Обитал на юге, семью даже завел, но жара достала, оттого и пить начал. И почувствовал, что пропадает. Подвернулась командировка в Москву, поехал, восхитился прохладой, пусть и промозглой, в Москве и остался. И зашился. И жизнь потекла, пусть не без трудностей, но потекла!

И вот опять, жара достала и тут. Гипнопомп глотнул еще и заставил себя быть честным: это не жара достала. Это роман, чтоб его. И соавтор, чтоб его аналогично.

Черт его еще знает, Виновода, действительно он в Новокузине живет или нет. Если да, то ему легче, всё под боком, париться не надо ни в метро, ни в маршрутке. Обидно. Если врал – а мог врать, дело простое, – то тем хуже для него, заключил Гипнопомп, не уточняя, что именно хуже.

Он добил бутылку, сунул ее в планишет и подумал: а ведь не в жаре дело и не в соавторе, а именно в романе. И конечно, в гипнопомпии – способности, если примитивно, предвидеть во сне.

Он, Гипнопомп, давний гипнопомп. Но такого с ним раньше не бывало. Чтобы придумался персонаж, а потом до него совершенно самостоятельно допер соавтор? Хуже того, чтобы у соавтора на балконе обнаружился наряд персонажа, изобретенный именно им, Гипнопомпом?! Да что там изобретенный – он своими глазами видел эту бабу, ровно в том же самом цветастом балахоне, еще до того, как решили с Виноводом писать роман! Она еще коляску толкала...

Нет, о нет, как говорят в каком-то мультфильме. Гипнопомп поверил, что виртуальная реальность, придумываемая нами, перестает быть виртуальной и, более того, может стать реальнее, чем придумавший ее автор.

В общем, оттого и развязался. Ну так, несильно.

Он обнаружил, что маршрутка уже едет, и, по-видимому, давно. И места какие-то неприятные – гаражи, а с другой стороны печальные девятиэтажки брежневской эпохи.

– Скажите, – вежливо обратился он в пространство, – до кладбища я доеду?

Откликнулось сразу несколько голосов. Хоть и вразнобой, но говорили они одно и то же: нет, до кладбища не доедете, а надо вам выйти на Новокузинской улице, остановка «Универсам», а там пройдете минут пятнадцать, вот оно и кладбище, да вы водителя попросите.

Водитель мрачно пообещал, что нужную остановку объявит. Чукча в оранжевой футболке, сидевший рядом с Гипнопомпом, почему-то скептически хмыкнул, не открывая глаз.

– А вам тоже на кладбище? – вежливо спросил Гипнопомп.

Чукча не ответил.

Духота делалась невыносимой, и Гипнопомп был страшно рад выскочить из маршрутки около пресловутого универсама.

– Вам вон туда! – хором напутствовали его, и маршрутка уехала.

Гипнопомп посмотрел в указанном направлении, увидел потную оранжевую спину и двинулся вслед, закуривая на ходу.

* * *

Переться к гаражам категорически не хотелось. Виновод обругал себя ленивым ублюдком: до стоянки идти одну минуту, до леса, если пешком, минут двадцать. По пеклу. А на машине – три минуты, под кондиционером.

Идиот, обругал он себя еще раз, спускаясь в лифте. Надо было и домой кондиционер ставить. Ну, как всегда – дескать, климат у нас холодный, жара если и бывает, то пару недель в году. Вот тебе: она стоит уже не две недели, а восемь, и конца не предвидится, а очереди на установку кондишна – три месяца. К ноябрю и установят, ага, самое время...

Он вышел наружу, словно космонавт на чужую планету, и сразу попал под пресс беспощадного зноя. Скорее, к гаражам!

У соседнего подъезда, на своих обычных местах, восседали Вася с Вовой. Их требовалось обойти стороной, чтобы кто-нибудь из них, не дай бог, не вцепился как клещ.

Бросив мимолетный взгляд, Виновод отметил, что Стекланный выглядит хуже обычного: помятый какой-то, изможденный, глаза выпучены, совсем уже как у краба. Непременный портфель Вова почему-то стискивал коленками, а рукой держал Васю за рукав пиджака. По всему было видно: держит мертвой хваткой, и давно.

А дышит-то как тяжело! Жара, жара, решил Виновод.

Вот Василию – тому ничего не делается, все такой же. Только еще один пиджак, двойник основного, зажатый под мышкой, дополняет привычную картину.

Содрогаясь от нездорового тепла, пышущего отовсюду, а особенно от раскалившегося за день асфальта, Виновод перебежал улицу, пересек пустырь – трава выгорела, смотреть жалко – добрался до машины, открыл ее, запрыгнул внутрь, завел. Кондиционер сначала дунул горячим, накопленным, но уже через полминуты в машине стало хорошо.

Виновод облегченно закурил. Пришлось снова объявить себе выговор: клялся же не курить в салоне! Но выходить наружу было немыслимо, и в порядке компромисса он просто опустил все стекла. Мелькнула мысль: «Атмосферу охлаждаю...» И тут же ушла, сменившись другой: «Куда и зачем меня несет?»

Ну ладно, сказал себе Виновод, то, что выпил и сел за руль, – это пустяки, тут ехать три минуты, никто не остановит. А вот вообще – зачем?!

Пришлось признаться себе – расколбасило. Это все чертов роман и чертов соавтор. Нет, действительно, что-то вроде бы не так: рожи за окном чумовые; тетки на ступах; балахон, о котором он сам в итоге и написал, хотя предсказал его Гипнопомп; второй пиджак вуташа Василия... Ой, блин... Соседа Василия... Или все же вуташа?

Да, если припомнить, много всего...

А еще – сегодняшнее облако над озером. А еще – эти разговоры Гипнопомпа, что, мол, не мы напишем финал, а финал напишет нас...

Да, растеребило, расколбасило. «Ну и что? – спросил он себя, паркуясь в хорошем, укромном месте, около районной поликлиники. – Вот как быстро, даже докурить толком не успел. И ничего, приехал, погуляю по лесу, подышу, успокоюсь... Фляжку бы не забыть прихватить».

Виновод запер машину, уронил и затоптал окурочок, пересек совершенно пустую Божьеозерскую улицу, из трех асфальтированных дорожек выбрал левую и углубился в лес.

Он точно знал, куда идти.

Немного перекусив, Андрейка почувствовал себя лучше. А то ведь с ночи ни крошки... Да какое там с ночи – на берегу-то, вспомнил он, вывернуло наизнанку и еще пронесло вчистую.

Жировичок поерзал на поваленном стволе, что выбрал для отдыха Радомир, нашел позу, в которой меньше всего болели ноги, руки, поясница, и замер. Очень устал, очень. Так устал, что даже плакать уже не хотелось.

Оно ведь как бывает? Сделаешь что-нибудь трудное и страшное, переживешь смертный ужас, и вот вроде бы всё позади, а нет: оказывается, еще что-то нужно делать, может, даже не такое трудное, но силенок-то уже поубавилось, и решимость уже не та, и весь ты уже никакой не герой, которым час назад себе казался, а... маленький, слабенький...

Путь от берега Божьего озера до этой лесной опушки оказался труден, а помнился Андрейке смутно, хотя вот только что и добрались. Помнилось, что Радомир не захотел идти напрямки: сказал – опасно, меня, мол, узнать могут, ни к чему это. Да и ты, малыш, сказал он, приметен слишком. Что, удивился Радомир, тебя, говоришь, людям не видно? Ошибаешься, очень хорошо видно. А, понял Радомир, это, наверное, временно у тебя: способностей-то сколько есть, столько и есть; значит, старики твои наделили тебя подводной живучестью вместо невидимости, а вернуть все на место – забыли в суматохе.

Андрейка тогда затосковал – век бы ему больше не видать этой подводной живучести, – но Радомир успокоил: дескать, вскорости встретишься со стариками, поправят всё.

В общем, двинулись кружным путем, через старый поселок, прилегающий к Новокузину. Знаменитое место, фулюган на фулюгане тут спокон веку, еще родитель покойный рассказывал.

Но Радомиру фулюганы были нипочем. Попробовали разок пристать – а чего ж, идут двое, один совсем малюсенький, другой хромой, на руке пальцев нету, лицо в свежих синяках, да еще старые шрамы, – к таким пристать самое удовольствие для фулюганья. Да не тут-то было! Разогнал их Радомир, как слепых котят! Ну хорошо, не слепых, слепые и бегать-то не умеют, а эти фулюганы разбежались – аж пыль столбом!

Потом еще раз пристали, но тоже Радомир справился. Легко справился, даже посмеивался. Андрейка, тогда еще не такой уставший, на душевном подъеме восхитился воином, а тот отмахнулся. Это, сказал, пустяки. Для этого, сказал, боевого неистовства не нужно, одна только внимательность требуется.

И принялся понемногу рассказывать Андрейке про свой Лес. Вроде и скупое рассказывал, как бы неохотно, а доходчиво получилось, ровно сказку Андрейка глядел по телевизору. Народ Леса, Мудрейшие, Неистовые, друзья, враги, сражения, страшные ранения, великие победы, Стража, обменыши, любимая женщина... И вот этот кинжал, смотри – он вытащил ножны из-под просторной футболки, извлек клинок, провел по лезвию ногтем, добившись тихого звона, повернул оружие так, что оно ослепительно блеснуло на солнце.

Жировичку даже захотелось туда, в этот самый Лес, а Радомир будто этого и ждал: приходи, говорит, будешь моим гостем, а там – мол, увидим. С Кирушкой? А что ж, милости прошу с Кирушкой!

Но тут, в разгар приятной беседы, случилась неприятность. И без того жара несусветная, так еще вдруг как дохнет сверху, с неба, словно от раскаленной печи! Как завоет – хотя и неслышимо, однако прямо уши заложило! Как навалится жуть чернущая, ни с чем не сравнимая! Андрейка упал лицом вниз, прикрыл собой драгоценную добычу, попытался, кажется, в землю зарыться – да куда там... Радомир что-то выкрикивал, в воздухе свистело и ревели, а потом ударила волна холода, и злобный вой стал удаляться, удаляться, да и стих вовсе.

И снова они шли, теперь тропинкой через старое поле, заросшее высокой травой, сухой и ломкой от зноя. Разговоры прекратились, Радомир поглядывал по сторонам, а жировичок

еле волок ноги – устал как-то разом. Ноги болели, в поясницу стреляло, добыча, хоть и соорудил воин хорошую котомку и привязал ее к удобной палке, чтобы на плече нести, делалась все тяжелее, слезы катились из глаз сами по себе. И покушать хотелось, и попить, даже о страшном озере вспомнилось как о чем-то приятственном. И безумно хотелось спать.

Радомир предложил было понести котомку, но Андрейка только крепче ухватил ее да переложил с одного плеча на другое, и воин понимающе усмехнулся. Поблуднел-то он как, заметил тогда жировичок. А после и перестал замечать что-либо вокруг себя – держал груз, переставлял ноги да отмахивался головой, точно лошадь, от здоровенных мух, норотивших облепить потное лицо.

Путники дотащились до окраины Новокузина, и тут Радомир остановился. Постоял, повертел головой, велел ждать и нырнул в среднего размера магазин. Обернулся быстро, с собой нес полиэтиленовый пакет. Быстро, быстро, малыш, постарайся, прошипел воин, и Андрейка из последних сил постарался. Так постарался, что снова стало хватать внимания на окружающее. Ну да трудно было не обратить внимания на загородившего им путь человека. Серый костюм с иголочки, белоснежная сорочка, галстук – в такую-то погоду! – черные туфли, черные очки. Из-под очков сверкало... не выразить словами, что сверкало, и Андрейка понял – это не человек. И это – враг, хотя и не очень злой сейчас, но все равно у Андрейки ушла душа в пятки.

А Радомир вроде не понял, что перед ним не человек, и угрожающе ухмыльнулся, но тут раздался – и сразу прекратился – пронзительный свист, и этот, в костюме, поколебавшись, уступил дорогу.

И Андрейка снова старался, и наконец они достигли опушки. Тут же появилась троица молодых наглых лешаков, но их-то жировичок уже не испугался. Фулюганье, как в том поселке, чего их пугаться. А может, слишком устал.

Он оскалился, попытался растопырить пальцы, это было неудобно – мешала добыча, – лешие заржали, один из них стал заходить сзади. Но тут в глубине леса что-то ухнуло, и фулюганов как ветром сдуло. Еще мелькнула и растворилась в кустах пара здоровенных котов, рыжий и черный, но от них никакого беспокойства не случилось.

Тогда-то Радомир и присмотрел эту крохотную полянку с удобным бревнышком. Усадил Андрейку, присел сам, вытащил из пакета пачку творожка, баночку сметанки, пару глазированных сырочков, бутылочку газированной водички. Сам кушать не стал, сказал, что не ест такого. Вот Андрейка все и смел в одно мгновение. И жажду утолил – жаль только, не сладкая оказалась водичка.

– Да, Мансур, – произнес вдруг Радомир куда-то в сторону. – Да, спасибо тебе. Верно-верно. Да. Ну, пока отдыхать будем, он совсем выдохся. Накормил я его... Что? Украл, как еще... Ладно, ничего... Что? Понял, не буду вслух.

Силен джинн, рассеянно подумал Андрейка. Все вокруг плыло, сознание так и норовило отключиться.

– Поспи, малыш, – сказал Радомир. – Устраивайся-ка поудобнее. Вот, спиной к дереву привались. Котомку боишься из виду потерять – на колени ее положи. Вот так, хорошо. Теперь отдыхай, до темноты еще далеко.

10

Беспокойный день заканчивался. Но предстояла ночь, а за ней новый день – и кто знает, какими они окажутся?

Луна только-только двинулась на убыль, потому силы еще не утратила и заливала все под собой ярким белым светом; лес играл причудливыми тенями. Набежавшее откуда-то маленькое облачко напоззло на луну, остановилось и странным образом почернело.

Сделалось темно.

Виновод ткнул в клавишу мобильного телефона. Экран осветился. 23:00, увидел

Виновод. Пора. Наверное, пора. Подсвечивая себе телефоном, он прошел по дорожке, свернул с нее, осторожно направился по тропинке в глубь леса – туда, где уже пару часов, как ухало, а то и подвывало.

Да, собственно, места знакомые, нашел бы ту поляну и без звуковых маяков. Ну, вот и она. Что ж, гипнопомпия соавтора опять сработала: поляна была укрыта черным облаком, раза в два, прикинул Виновод, чернее окружающей тьмы. Или в три.

Изнутри доносился слабый шум – похоже на гул голосов в фойе какого-нибудь театра перед началом спектакля, усмехнулся Виновод.

А снаружи топталась высокая тощая фигура. Светлое на черном фоне.

Приблизившись, Виновод не то спросил, не то констатировал:

– Гипнопомп.

– Я, – отозвалась фигура. – Здравия желаю, Виновод.

«Ишь какой, – подумал Виновод, пожимая руку соавтора. – Длинный ведь – ну, нормальный, с меня ростом, – а кажется маленьким. И очки... сколько у него, минус десять? У меня-то поменьше... хотя я постарше... а, чушь какая...»

– Как добрался-то? – участливо спросил он.

– Нормально, – ответил Гипнопомп. – Можно сказать, на ощупь. Пиво будешь?

Он встряхнул сумку, похожую на мини-портфель. В сумке звякнуло.

– Таки развязался? – хмыкнул Виновод. – Нет, спасибо, я крепкого.

Он достал из заднего кармана джинсов плоскую фляжку, предложил соавтору, тот показал жестом – нет, вытащил бутылку, содрал крышку.

– Ну, за что?

– За знакомство, конечно, – хохотнул Виновод. – Только по чуть-чуть!

– Добро...

Соавторы чокнулись, сделали по глотку.

– Перекурим, – предложил Гипнопомп, – да и пойдем?

Он мотнул головой в сторону черного облака.

– Давай, – согласился Виновод. – Только там, – он повторил жест соавтора, – мы тихонько, ага?

– Естественно, – подтвердил Гипнопомп. – Стоим в сторонке, сечем поляну...

Партнеры выкурили по сигарете и шагнули в черное облако.

Внутри поляна была (или казалась) гораздо просторнее, чем казалась (или была) снаружи. И ее заливал свет, но не яркий, не ослепительный, а приглушенный, мягкий, однако позволявший разглядеть все. Впрочем, время чего-то ослепительного уже подходило...

– Ух, – выдохнул Гипнопомп.

Виновод промолчал. Соавторы нашли свободное место на краю поляны и принялись оглядываться.

Рядом с ними неподвижно стояли высокие старики водяные, Аникей со Светлого озера и Тимофей с Темного. Здесь же возбужденно приплясывал юный Алексей.

– Как эти... – вполголоса проговорил Гипнопомп, скособочивая рот. – Ну как их? Статуи на носу корабля?

– Не помню, – прошептал Виновод. – Не мешай.

Чуть поодаль примостилась на бревнышке источавшая свежесть чета Зорченковых – все трое. Злата спала, положив голову на колени Зои.

Над Зорченковыми нависала строгая женщина средних лет. Виновод прислушался: она втолковывала приемным родителям, что ребенку в такой поздний час необходимо спать, потому что режим... Захар молча улыбался, Зоя, тоже с улыбкой, отвечала: дескать, ребенок как раз спит, все в порядке, Ангелина Яковлевна, чщщщ.

Виновод толкнул Гипнопомпа локтем, кивнул на строгую и спросил шепотом:

– Она?

– Даже не сомневайся, – едва слышно заверил его соавтор, потирая бок. – Она самая,

только сейчас у нее рука обычная, без вил.

Коровья Смерть погрозила зюзям пальцем, потом повертела головой, нашла новую жертву и направилась к ней: высокий, нескладный боканон Матвей обреченно ссутулился и стал покорно выслушивать от Ангелины длинную речь. Слышно не было, но Гипнопомп не сомневался, что это выговор. В конце концов, Коровья Смерть еще не так давно работала с боканоном в одной школе и знала о нем много, если не все.

Несколько молодых лешаков топтались в центре поляны, похохатывая и пуская по кругу самокрутку с какой-то – это было очевидно – дрянью. Старый леший Викентий, смотрящий леса, густо заросший похожей на мох бородой, поглядывал на свою молодежь с неодобрением, но пока не вмешивался.

Потный и расхлюстанный сержант Шишенко, в мятой форме летнего образца и с фуражкой в руке, вился вокруг лешаков и поглядывал, то ли прикидывая, как прекратить безобразие, то ли надеясь присоединиться.

На противоположном краю поляны, обнявшись, чтобы не упасть (а может, не только затем), устроились на нешироком пеньке ебосаны – Тосихиро и новообращенная Мария.

Гораздо более широкий пенёк единолично занимала древняя старуха с замысловатой бородавкой на подбородке и бельмом на глазу. Перед ней распинался о чем-то явно похабном толстячок боровичок, трясая остроконечной шляпой и аж подпрыгивая. Время от времени Лиха отгоняла его скрипучим возгласом «Вот я тебе!», Колька отскакивал, но тут же возвращался и начинал все сызнова.

Стояли, напряженно поглядывая друг на друга, лощеный, одетый будто на прием в Кремле... ну, не ниже, чем в мэрии, Ырка и ужасный, как в кошмарном сне, абасы Иван. Ираклий Витальевич вертел в руке темные очки, Иван сопел и порой выдвигал клыки, тогда Ырка натянуто усмехался и демонстрировал свои.

Плотно сдвинув коленки и положив на них руки, идеально прямо держа спину, сидела на самом маленьком пеньке напоминающая сухую веточку кикимора Кира. Вокруг нее шныряли какие-то мелкие домовые, но Кира смотрела прямо перед собой и, казалось, даже не моргала.

На ветвях огромного дуба удобно разлеглись коты: Люб, рыжий или, скорее, медовый, как свет на поляне; и Нелюб, черный, даже чернее черноты укрывавшего поляну облака.

А под самым дубом скромно сидел на корточках джинн Мансур.

Присутствовали и люди. Два Федора старались держаться подальше как друг от друга, так и от Мансура. Ошарашенно озирались, словно не понимая, как попали сюда, что здесь делают и кто все эти существа вокруг, упитанный дядька и полная дама с немыслимой халой на голове; примерно так же вели себя, только еще и успевали вполголоса переругиваться красотка с лицом стервочки и парень, почему-то весь идущий красными пятнами.

Как же, как же, узнал Виновод: шеф ДЭЗ № 22 Павел Викторович и его сотрудница-любовница Алла Валентиновна; истеричная Вика Смирнова и слабохарактерный Смирнов Дима...

А вон пригорюнились авантюристки-неудачницы Наташа и Люба; а там, дальше, за спинами девчонок, конкретный пацан Славик Черепанов, явно старающийся не попадаться на глаза ни им, ни Ырке, ни Ангелине Яковлевне, да лучше бы вообще никому... Впрочем, чтобы узнать Славика, надо было постараться: сплошной синяк вместо лица, нога в гипсе, сам на костылях.

И в полном одиночестве, как будто поляна совершенно пуста, – яркая, ладная Милена в джинсовом костюме.

– Эх, – прошептал Виновод, – надо было балахон ее захватить. Не сообразил...

– Слушай, все здесь! – невпопад отозвался Гипнопомп. – Ты только посмотри, феерия!

– Не все, – возразил Виновод.

– Ну, остальные, видимо, вот-вот подойдут, – утешил его соавтор. – И подарок принесут. Хе-хе, стишок получился.

– Да уж. Стишок. Ты не нервничай.

- Да я и не нервничаю.
- А с ноги на ногу чего переминаешься?
- Так пиво...
- А... Ну так сбегай, лес же кругом.
- Думаешь, можно?
- Да кому мы тут нужны?

– Тоже верно, пока – пока! – Гипнопомп внушительно поднял палец. – Никто даже внимания не обратил. Пришли и пришли, как будто нету нас. Ладно, сбегаю.

Он быстро вышел, а через минуту на поляне раздался оглушительный треск. Все замерли, и только Коровья Смерть укоризненно произнесла:

- Ай-ай-ай, Матвей! Ну надо же уметь сдерживаться!

Боканон отчаянно покраснел и пролепетал:

– Это не я, Ангелина Яковлевна, честное слово, не я... Я и уголь активированный принял...

Повторный звук, такой же самый, заглушил оправдания несчастного, и на этот раз стало ясно, что это – рыдания кикиморы. Треснуло в третий раз, и Кира завела высоким ломким голосом:

– Ой да ты горюшко горькое! Ой да на кого ж ты меня покинул, Ондрушенько ненаглядный! Ой да ты лихо-лишенько мне!

Первой среагировала Зоя. Она аккуратно передала девочку мужу, в мгновение ока оказалась рядом с кикиморой, прижала к себе ее голову, зашептала что-то.

Кира сразу успокоилась, но возбудились другие. Одноглазая старуха отпихнула боровичка, проворно вспрыгнула на пень, сгорбилась-скрючилась, уперла руки в боки и взвыла тягучим басом:

– Вот я тебе, окаянная! Чуть что, сразу Лиха! Да штоб тебе, сухостоина шершавая, повылазило! Да штоб тебе...

Страшно зарычал абасы. Немедленно откликнулись на два голоса ебосаны; вскочив, они приняли боевые стойки. Милена выхватила из-под куртки длинный тонкий стилет. Ырка надел темные очки. Захар, придерживая так и не проснувшуюся Злату, поднял руку. Боканон повернулся ко всем задом. Истошно заорали коты. Началась трансформация рук Коровьей Смерти. Лешаки разразились глухим уханьем. Заверещала мелкая нечисть.

Прозвучало – негромко, но слышали все:

– Э!

Воцарилась тишина. Мансур, все так же негромко, сказал:

– Зачем кричите? Кричать – хозяина не уважать, да! – И, не вставая с корточек, умудрился поклониться старому Викентию.

– Что было? – задыхаясь, спросил вернувшийся как раз в этот момент Гипнопомп. – Каркаладил прилетал?

– Сам ты каркаладил, – поморщился Виновод. – Я думаю, никакого каркаладила не будет. А тут... Ну, ничего особенного. Все подумали, что боканон пернул, а это на самом деле Кирушка стала по Андрейке убиваться. Публика завелась, начали орать, как в кабаке, Мансур всех утихомирил. Всё.

– Эх, – сокрушенно прошептал Гипнопомп, – такое пропустил...

– А меньше надо пива пить, – буркнул Виновод.

Он посмотрел на экран мобильного. Пора вроде бы...

Мансур поднялся на ноги, сделал несколько шагов, остановился. На поляне появились Андрейка и Радомир.

– Принесли, – сказал воин и отошел в сторону.

Милена, с сияющими глазами, кинулась к нему.

– Уважаемый Викентий, – проговорил Мансур. – Хочу попросить тебя. Пусть твои молодые друзья отойдут. Пусть на середине свободно будет.

Викентий издал низкий вибрирующий звук. Лешаки шарахнулись к краям поляны.

Джинн сделал приглашающий жест. Жировичок, кряхтя и обливаясь потом, положил котомку на землю, развернул, шмыгнул к ломающей руки кикиморе, уткнулся в нее и разрыдался.

На тряпице лежал куб со слегка скругленными ребрами. Он переливался всеми цветами радуги и еще множеством оттенков – может быть, миллионами оттенков. Поначалу – тускло, но чем дальше, тем ярче, и наконец ослепительный свет залил поляну.

Куб оторвался от земли, взмыл метра на полтора. Покачиваясь, неторопливо поплыл к Мансуру. Остановился перед ним.

– Нет, – сказал джинн.

Он поднял руки и мягко толкнул куб в другом направлении – к Виноводу и Гипнопомпу. Куб двинулся к соавторам, приблизился вплотную, завис неподвижно.

– Красивая вещица, – шепнул Виновод.

– Да уж, – подтвердил Гипнопомп.

– Тебе нужна такая?

– Только если единолично.

– Согласен.

Виновод заговорил в полный голос:

– Мы не можем это принять. Этот... э-э... атрибут...

– Артефакт, – подсказал Гипнопомп.

– Ну да, артефакт. Этот артефакт является... э-э... атрибутом Высшего. А мы – просто люди.

– Вы создатели, – возразил Мансур.

– Кто кого создал – это большой вопрос, – философски заметил Гипнопомп.

– Выпить бы, – прошептал Виновод.

– Терпи, – откликнулся Гипнопомп. – Давай говори, что там дальше?

– Мансур, – спросил Виновод, – может, передумаешь? Мы-то считаем, что эта вещь по праву твоя. Ты, наверное, не осознаешь своей силы.

– Э, – возразил джинн. – Зачем мне? Мне этот хурда-мурда совсем не надо. Что я, дворцы строить буду? Города ломать буду? Да не найдут мира имена Сулейман-шайтана и кривоногой Бислик... Мету дворы, смотрю туда, смотрю сюда, надо – помогаю, что еще нужно старому джинну? За почет спасибо, за уважение спасибо, мне приятно, да и пребудет это со мной. А хурда-мурда ваш, берите и делайте, что должны. Вы правильно сделаете.

Соавторы переглянулись.

– Ну что ж... – проговорил Виновод. – Мы решили вот что. Место артефакту – там, откуда он взят. В озере. Пусть лежит. Понадобится – вы знаете, где искать. Мы сами доставим его туда сегодня до рассвета. Хорошо бы Мансур сопровождал нас.

– Как в озере? – вскричал Андрейка. – Как это? Это что же, все зря?!

– Не зря, – сказал Гипнопомп. – Совсем не зря. Этим днем и этой ночью произошло такое... многое изменится. Очень многое.

– Уже изменилось, – добавил Виновод.

Мансур кивнул.

Куб мягко опустился на землю.

– Вот видите! – Виновод потянулся было за своей фляжкой, но спохватился и продолжил: – Ну, наверное, пора. У нас только еще просьба. Сделайте так, чтобы людям, которые сейчас тут, казалось, что все это было сном. И пусть их сны немножко отличаются каждый от другого. Да, конечно, Радомира с Миленой это не касается.

– Сделаем, почему не сделать, – пожал плечами Мансур.

– Ну и надо бы этих людей доставить по домам, а? – предложил Гипнопомп.

– Уважаемый Викентий, – сказал джинн. – Пусть твои ребята проводят наших уважаемых гостей, э? В лесу совсем темно, идти трудно, время позднее...

Викентий пронзительно свистнул, молодые лешаки устремились к людям и, деликатно поддерживая их за локти, повели к выходу.

- Спасибо! – крикнули вслед соавторы.
- Пора, – сказал Виновод. – Вам всем тоже спасибо.
- Всем! – подтвердил Гипнопомп. – И... ну, в общем, мы еще увидимся.
- Очень может быть, – добавил Виновод.

Стали расходиться. Сдержанно поклонившись, покинули поляну водяные. Успели, заметил Виновод, задержаться около Андрейки, простереть длани... тьфу, сказал он себе, какие длани, почему простереть, к чему этот пафос? Но тем не менее водяные именно простерли длани над головой жировичка. И беззвучно пошевелили губами. Забрали, стало быть, подводную живучесть, вернули своеобразные способности домового.

- И все? – дрожащим голосом спросил Андрейка.
- Делать долго... – начал Аникей.
- Рушить коротко! – закончил Тимофей. И пробормотал: – И пора бы выпить...

Проковыляла Лиха в сопровождении боровичка. Поджав губы, ушла Коровья Смерть, за собой она влекла крепко взятого под руку боканона. Корректно кивнул, проходя мимо, Ырка. Сопя, протиснулся мимо соавторов абасы Иван, за ним, покачиваясь, последовал шиш. Шустро выбежала в ночь стайка мелких домовых. Обнявшись и помахав всем на прощание, взмыли в воздух Тосихиро с Марией; прорезали облако и скрылись из вида. «Пока!» – улыбаясь, крикнул Захар, несущий на руках Злату. «Пока», – пропела Зоя.

Радомир с Миленой подошли к Андрейке и Кирушке.

- Помнишь, малыш, – сказал воин, – я тебя приглашал? Приглашение в силе.
- Да я... да мы... – промямлил жировичок. – Мы ж на сносях...
- Ой ты ж охальник! – воскликнула кикимора. – Стыд и срам-то какой! – Она прикрыла рот уголком платка. Потом тихонько прошелестела: – Да и не на сносях покуда... На сносях – это еще не скоро...

– Ну так пошли? – весело предложила Милена.

Андрейка замаялся.

– Ты вот что, Ондрюшко, – строго проговорила Кирушка. – Хорошие ведь зовут, хотя и люди они. Отнекиваться не след. Ай ты устал?

– Устал он, – кивнул Радомир. – Страшно устал, на ногах не стоит. Что ж, пусть отдохнет. Но в следующее полнолуние мы вас ждем, договорились?

– Ну хорошо, – сказала Милена. – В следующее полнолуние будем встречать вас на краю кладбища. Знаете, где это?

– А то, – попытался приосаниться Андрейка.

– Пошли уж, горе ты мое. – Кикимора обняла его за плечи. – Поклонись честному народу, да и пошли. Держись за меня, упадешь...

Поляна почти опустела. Остались соавторы, Мансур, Викентий и Радомир с Миленой. Да, и коты, вспомнил Виновод. Он поднял глаза к ветвям мощного дуба – никого...

– Гхм... – кашлянул старый леший. – Пойду я... дела...

И исчез.

– Пора и нам, – сказал Радомир.

– Пора, – откликнулась Милена.

– Спасибо тебе, воин, – проговорил Мансур.

– И тебе спасибо, джинн, – ответил Радомир. – Ну, пошли, солнце мое? Счастья всем.

Вот и все, подумал Виновод. Теперь можно чутко выпить – он вытащил фляжку, сделал короткий глоток, – и надо двигаться.

– Поехали? – спросил Виновод. – Подвезу с ветерком.

– Добро, – сказал Гипнопомп. – Артефакт только не забыть бы захватить.

– Поехали. – Мансур поднял куб. – Подержу его пока, э? Тяжелый...

Черное облако рассеялось, и стало видно, что одинокая туча больше не закрывает луну. И еще – что рассвет уже близко.

Виновод гнал машину по Новокузину и размышлял о неизведанных свойствах времени. Не так уж много его прошло после полуночи, не так уж много событий свершилось после того, как на укрытую черным облаком поляну вошли, словно в шатер, жировичок Андрейка и воин-обменыш Радомир. А поди ж ты – вот-вот рассветет.

Должно быть, выстраивал схему Виновод, тут напрямую проявляется связь пространства и времени. Ведь поляна-то, вроде небольшая, вместила уйму народу, так? Стала внутри существенно больше, чем снаружи, верно? Во-от. Значит, пространство исказилось, а соответственно исказилось и время: снаружи протекло быстрее, нежели внутри. Согласно Эйнштейну. Наверное.

Виновод похвалил себя. «Все-таки мы, люди с инженерным складом мышления, понимаем... ну, буквально все понимаем. А если и не до конца понимаем, то уж точно можем объяснить. По крайней мере, гипотезу выстроить. Инженерное мышление – это... Впрочем, – хмыкнул он, – попробуй-ка объясни с помощью инженерного мышления все случившееся – и со мной, и с Гипнопомпом, и, например, с Мансуром».

– Ты чего хмыкаешь? – встрепнулся соавтор.

– Да так... – отмахнулся Виновод.

Поди объясни, подумал он, эти инженерные схемы. Гипнопомп небось свое что-нибудь сейчас придумывает... мистическое... оккультное... гуманитарное, в общем. А уж что у Мансура в голове – то и вовсе узнать невозможно; разве только сочинить...

Вон они сидят, примолкли. Соавтор рядом, джинн сзади – бережно придерживает куб. Потускневший, между прочим...

Он доехал до широкой тропинки, ведущей к озеру, притерся к обочине, остановил машину, бросил:

– Дальше своим ходом.

По тропинке почти пробежали. А когда озеро раскрылось во всей красе, увидели две нелепые фигуры. Огромная, костлявая, одетая – даже издали было видно – в отрепья и державшая под мышкой тоже отрепья, вяло перебирала ногами, будто пыталась войти в воду, но буксовала. Другая – кряжистая, широкая – двумя руками изо всех сил удерживала первую и монотонно повторяла:

– Бабки отдавай... Сука... Отдавай бабки...

Первая столь же однообразно откликалась:

– Пошел ты...

Под ногами у второй фигуры валялся портфель.

Виновод тихо засмеялся – сильно опоздали, голубчики... Гипнопомп сказал:

– То-то я все гадаю, где ж эта сладкая парочка...

А Мансур произнес свое «э» и издал странный горловой звук.

Бывший вуташи Василий и вцепившийся в него Стекланный Вова как по команде повернули голову. Василий медленно развернулся и двинулся прочь. Этому Вова мешать не стал – подхватил портфель и устремился вдогонку, выкликая свое требование и получая все тот же ответ.

– Ну вот, – протянул Виновод. – К делу, что ли? Гипнопомп, ты плавать-то умеешь?

– Ха, – отозвался тот. – Я на Дону вырос!

– Хорошо... Ты с нами, Мансур?

– Нельзя, – коротко ответил джинн, с усилием подтянул куб к груди и протянул его раздевшимся до трусов соавторам.

– Бери ты, – предложил Гипнопомп. – Ты поздоровее...

– Ладно, – согласился Виновод. – До воды, а там уж вместе.

Они вошли в озеро, Виновод бросил: «Помогай» – и опустил куб в воду. Помогать, однако, не пришлось – артефакт вдруг обрел плавучесть.

Придерживая его, соавторы достигли середины озера.

– Слушай, – спросил Гипнопомп, – а ты бы его на полку поставил? Ну, над письменным

столом или где ты там работаешь? Как кубок – поставил бы?

– Поставил бы, – признался Виновод. – Только нас же двое, а пополам эту штуку не распилишь...

– Аналогично... Ну ладно... Как мы ее топить-то будем? Плавает же...

– Давай, может, подтолкнем книзу?

– Добро, давай попробуем...

Они возложили руки на куб, и даже не пришлось его подталкивать – артефакт сам начал погружаться и пошел, пошел вниз, сначала медленно, потом все быстрее. В глубине озера радужно блеснуло в последний раз, и куб пропал из вида.

Взошло солнце.

Соавторы выбрались на берег. Мансур стоял молча, неподвижно. Помолчали и они. Потом Виновод предложил:

– Давай довезу. Мне все равно туда же.

Джинн покачал головой:

– Пешком пойду. Торопиться некуда.

Он прижал руку к груди, с достоинством поклонился, выпрямился, развернулся и не спеша двинулся в сторону Новокузина.

– Спасибо, Мансур! – крикнул Виновод.

– И до свидания! – добавил Гипнопомп. – Глядишь, еще увидимся!

Джинн неопределенно махнул рукой и скрылся за поворотом.

– Ну что? – сказал Виновод, натягивая одежду на мокрое тело. – Вот и все?

– Кто знает... – пробормотал Гипнопомп. – Меня-то подбросишь? До метро, а?

– Конечно. Слушай, финал давай я напишу.

– Да естественно, теперь что уж... Дня за три управишься?

– Сегодня отсыпаться буду. А там – да, дня два-три.

– Добро, добро... А смотри, как чудно вышло: я авантюрный роман писать хотел, ты... Я уж забыл, ты что хотел-то?

– Про двадцатый век хотел, – с сожалением сказал Виновод. – Сагу. Да, получилось, мягко говоря, совсем другое. Хотя я не жалею.

– Да я тоже...

– Слушай, в конце концов, как тебя зовут-то?! Меня... – Виновод представился.

– А я... – И Гипнопомп тоже назвал свое имя.

Они пожали друг другу руку, сели в машину, Виновод вырулил от обочины, повел неторопливо. Молчали до самого метро.

– Ну, пока? – вопросительным тоном произнес Виновод.

– Ага... – подтвердил Гипнопомп.

– Что-то грустно мне, – признался Виновод. – Прикипел я к ним, что ли...

– Аналогично... Может, этот финиш на самом деле промежуточный?

– А знаешь, похоже на то. Ну да жизнь покажет.

И жизнь показала. Но только случилось это немного позже.

Приложения

Приложение 1 Из Черного Реестра¹

¹ Все известные варианты Черного Реестра составлены не в алфавитном порядке, а в произвольном, который и порядком-то назвать трудно. В силу этого обстоятельства практическое использование Черного Реестра как поисковой системы крайне затруднительно. Единственный эффективный способ – заучить Черный Реестр наизусть, после чего при необходимости вынимать требуемые сведения непосредственно из памяти (предпочтителен прямой доступ, применение последовательного не рекомендуется).

Джинн – нечто вроде ангела, хотя и не совсем. Считается, что джинны бывают как добрыми, так и злыми и способны творить чудеса. На самом деле джинны – потомки (отродье) царя Соломона (Сулеймана) и царицы Савской (Бислик). Первые несколько веков или даже тысячелетий своей жизни проводят заточенными в глиняных кувшинах, в результате чего становятся весьма злобными. Главная специализация – постройка роскошных дворцов и разрушение городов, но способны творить и другие чудеса. Толком не изучены. Есть версия, что джинны наиболее близки к Высшим и иногда превращаются в них.

Шиш – нечистая сила, живущая в вихрях на обочинах дорог. Любит озорничать. Принимая человеческий облик, чаще всего оборачивается инспектором ГАИ.

Ырка – злой дух, крадущий жизненные силы у жертв, заблудившихся в ночи. В человеческом облике Ырки предпочитают внешнюю респектабельность и лоск. Вероятно, именно поэтому пишутся всегда с заглавной буквы.

Леший (лешак) – дух и хранитель лесных угодий. Вопреки легендам, к людям в целом равнодушен, однако по нраву склонен к мелкому хулиганству, особенно в молодом возрасте.

Боровик – разновидность лешака, смотритель грибов. Скабрezen и похотлив.

Абасы – демон монголоидного типа, ведающий мясом и дичью. Крайне злобен, находит особый вкус в страшных мучениях жертв, равно как и в их мясе. Правильный абасы одноног и однорук, а также одноглаз, что сближает его с Лихами Одноглазыми. При этом, в отличие от последних, абасы не являются потомками киклопа Полифема, а происходят неизвестно от кого.

Ебосан – в корейской мифологии злой дух японца, в облике красного перца обольщающий корейянок в вечерних сумерках. На самом деле ебосаны злы только в сексуальном смысле, в остальном они добрые и даже благородные. Непримиримо враждуют с абасы, хотя и являются дальними родственниками последних.

Боканон – тварь безобидная, однако ж к преследователю тылом оборачивающаяся и ветрами оного поражающая. Боканоны влюбчивы, застенчивы и одиноки.

Водяной – дух и хранитель водоема. Характера степенного и строгого. Любят выпить.

Болотник – разновидность водяного, специалист по болотам и сточным водам. В сравнении с обычными водяными болотники более желчны.

Вуташ – водяной из утопленников. Обычно вуташей иницируют водяные, желающие по каким-либо причинам покинуть свой водоем. Характер у вуташа, как правило, скверный.

Зюзя – дух холода. Зюзи красивы, веселы и покладисты, хотя в обиду себя не дают. Поселяясь среди людей, стремятся устроиться на работу, связанную с холодом: специалистами по различным зимним видам спорта, операторами морозильных установок на мясо- и рыбокомбинатах, продавцами мороженого, реже – работниками моргов. Отличные полярники. От природы склонны к пьянству, но чаще всего спасает хороший характер.

Каркаладил – бесформенное, невидимое, злобное, безмозглое. Летает. Пышет огнем.

Коровья Смерть – в легендах женщина с вилами вместо рук, зачем-то закалывает коров. На самом деле вилы использует для самообороны, а также ради поддержания порядка и справедливости.

Лиха Одноглазая – существо из рода киклопа Полифема, ослепленного Одиссеем. Лихи женского пола доживают до глубокой старости, сохраняя исключительную сварливость. Никого не любят – ни добрых, ни злых. Особо враждуют с овиными дедушками. Лихи мужского пола утратили жизнеспособность в процессе эволюции.

Овинный дедушка – дух и покровитель овина, а также гумна. Один из овиных дедушек прославился тем, что прятал Одиссея от ослепленного Полифема. К нашему времени овиные дедушки практически вымерли.

Домовой (домовик) – дух и хранитель жилища. Нрава домовики бывают самого разного.

Жировик – подвид домовика, дух и хранитель кухни.

Харчевник (он же трактирник, он же корчмарник) – жировик, обитающий в тех или иных предприятиях общественного питания. Характера доброго, но несколько вздорного. Харчевники часто отличаются повышенной мнительностью. Размножаются партеногенезом.

Кикимора лесная – более или менее агрессивное существо женского пола, шныряющее по лесам и особенно любящее болота. Водяные обычно гоняют кикимор почем зря.

Навы, наяды, русалки – разновидности кикимор лесных.

Кикимора домашняя – хранительница кладовых. Суха, строга и неподкупна. Не следует путать с кикиморой лесной, хотя происхождение у обеих кикимор общее.

Коты – волшебные животные, по большей части разумные.

Люди – широко распространенный вид существ. Некоторые бывают разумными.

Двойник – одно и то же существо, существующее в разных вариациях одной и той же реальности. Каждая ипостась двойника уверена в своей единственности.

Обменыш – существо, рожденное в одном мире, а живущее в другом. Как правило, обменыши обладают высокоразвитой интуицией.

Автор (соавтор) – разновидность человека. Крайне мало-изучена.

Приложение 2

Царица

(рассказ Виновода о Василии, еще не вуташе, и жене его Ольге) ¹

Есть женщины в русских селеньях

Поскользнувшись на заляпанной грязью ступеньке, Ольга Ивановна едва не выпала из автобуса. Но удержалась, благополучно выбралась на тротуар и заторопилась домой. Сумки оттягивали руки, ноги болели, особенно правая, так что по-настоящему быстро идти не получалось. Но все-таки она старалась.

Да, не молодая. Не старая, конечно, – сорок два в наше время не возраст. Поизносились, вот что...

В зеркало Ольга уже много лет заглядывала, только чтобы причесать волосы, ставшие тонкими и ломкими. Пакля, а не волосы. То ли дело в молодости – это были волосы! Тяжелая пепельно-русовая грива, на которую мужики ох заглядывались, а подружки – завидовали. А к этим волосам – большие серые глаза под тонкими бровями, точеный нос, высокие скулы, неяркие, но в меру пухлые губы, твердый подбородок; а к этому лицу – осанка как у балерины, тонкая талия, сильные бедра, крепкие, красивые ноги... Русская красавица, аутентичный образец, как говорила классная руководительница Елена Григорьевна. В школе Ольгу так и называли – Царица. Фамилия, конечно, влияла – была она тогда Царькова. Но не только фамилия, нет.

Эх, где это все?..

Поскорее бы домой, да чтоб дома без шума, без скандала, без хлопот лишних. Устала. Сесть перед телевизором, посмотреть, ни о чем не думая, «Кривое зеркало», а уж потом – сготовить, Сережку накормить, ну уж и Василия, если, конечно, домой придет и если ужинать станет. Посуду перемыть, простирнуть того-сего, в квартире убратся – и все, можно спать. Мертвым сном. До полседьмого.

Да, хорошо бы успеть. Петросяна Ольга уважала. «Аншлаг» – так, не очень, Регина эта ее раздражала. А «Комеди клуб» – вообще не любила. Кривляются, ржут без причины...

А вот успеет или нет – это зависело от того, где сейчас находится Василий. Обычно он по вечерам сидит изваянием на одной из двух скамеек – либо около своего подъезда, либо около соседнего. С утра нажрется, днем проспится – и снова выходит. Как на работу. У

¹ Упомянут в главе «Те же плюс соавторы: финиш», п. 5.

соседей деньги клянит. Дай, мол, полтинник, с получки отдам. Ну хоть чирик дай, отдам же с получки. Все знают, что никакой получки у Василия давно уж не бывает и не отдаст он никогда ни копейки. А некоторые все ж дают, чтоб только отвязаться. Стыдно перед людьми...

Насшибает рублей тридцать – и в ближний магазин, а там ему продавщица Люська вынесет бутылку паленой, в газету завернутую... Так и живет муженек. «На работу» ходит в гаражи. Там армяне авторемонт держат, нелегальный, наверное, вот Василий и ходит – вроде как помочь, поддержать что-нибудь, больше-то ему не доверяют. А ведь раньше классный шофер был. Да и не только шофер, а вообще мужик классный. Высоченный, широкоплечий, сильный. И по характеру – самостоятельный, не боялся ни черта, прямо бесшабашный.

А потом, мало-помалу – покатылся... Прав лишился, устроился слесарем в автосервис, да и оттуда выгнали. Пьяницы, сказали, не нужны, да еще на руку нечистые.

А армяне – то ли скандалов не хотят, то ли еще что – не гонят. Подержит Василий ключ какой-нибудь, посуется, совет даст никому не нужный – ему рублей тридцать или даже пятьдесят. Вот на пол-литра и заработал. А то, глядишь, в тех же гаражах из соседей кто-нибудь нальет.

Выгнать бы его, пусть вон к матери переезжает, в Солнцево. Жить-то куда как легче станет. Да нельзя, пропадет ведь... Хоть сантехником устроился бы, в ЖЭК, что ли. Всё какая-никакая, а работа, какие-никакие, а деньги. Правда, вымогать с жильцов станет, а то и прямо воровать... А что заработает, то и пропьет...

Ничего не поделаешь. «Ладно, сдюжу, – сказала себе Ольга, – силы есть пока еще». Сережку бы только успеть поднять. Денег вот не хватает, надо все-таки гараж сдать. Машины-то уж давно нет, разбил ее Василий полтора года назад. Разбил, на запчасти продал за тысячу, которую конечно же пропил. Ольге только сто рублей дал, и на том, как говорится, спасибо.

А гараж можно, наверное, тысячи за три сдать. Ну хоть за две, все подспорье, и немалое.

Так, на скамейке у подъезда Василия не было. Значит – у соседнего. И слава богу, не будет у нее деньги выпрашивать. Успела, стало быть, на Петросяна.

Ольга вошла в подъезд, вызвала лифт, поднялась на свой тринадцатый этаж, открыла дверь в квартиру. В нос сразу ударил тяжелый запах. Так и есть, мужнина телогрейка тут, в прихожей, на полу валяется. Это как понимать? А Сережки, наоборот, нету. Ну, это как раз не загадка: с пацанами баклуши бьет, на семнадцатом этаже или, может, на восьмом. Интересно, уроки-то хоть сделал?

Ольга разделась, сунула ноги в разношенные шлепанцы, отнесла сумки на кухню и прошла в большую комнату. Василий, одетый, в грязных стоптанных ботинках, разумеется, пьяный, лежал, похрапывая, на расхристанной кровати, и было ясно, что он успел настрелять денег еще до прихода жены. Чтобы это понять, не требовалось даже видеть то, что Ольга увидела не сразу: пятисотенная бумажка, три сотенные и несколько десятков валялись на полу около кровати, очевидно выпав из кармана брюк.

– Господи, – простонала Ольга, – это-то откуда?

Ей стало страшно. Ограбил, что ль, кого? С него станется... И так жизнь не в радость, так теперь милицию жди, и от соседей совсем уж позор. А Сережке-то как?..

А может, не ограбил? Может... нашел? Заработал? Ох, вряд ли...

– Вася, Вася, – позвала Ольга.

Василий что-то промычал и отвернулся к стене.

– Вася, проснись! Снова напился? Где деньги взял, Вася, а Вася? – Ольга трясла мужа за плечо, потом попыталась перевалить его на спину, но где там... Ел Василий в последние годы совсем мало, видать, доставало ему калорий, какие в водке есть, но все равно тяжел был. Кость такая, плотная кость.

Ничего не получалось. Ольга, некстати подумав, что «Кривое зеркало» ей нынче улыбнулось, заплакала и побежала на кухню. Набрала в стакан воды, вернулась в комнату,

склонилась над Василием и прыснула ему в лицо, на поросшую седой щетиной левую щеку.

Не сразу, но подействовало. Василий неразборчиво выругался, повернулся на спину, открыл глаза и тупо посмотрел на жену.

– Сукабля... – просипел он. – Чё те? Чё плюешься? Щас вот угандошу в лобешник...

– Я тебе угандошу! – плачущим голосом закричала Ольга. – Я тебе угандошу, ирод проклятый! Только тронь, горло ночью перережу! Гад ползучий!

Василий опять завел было глаза, но Ольга выплеснула ему в лицо остаток воды, проворно подняла с пола деньги и закричала еще пронзительнее:

– Говори, откуда деньги? У кого украл?

Василий, борясь со сном, пробормотал:

– Дура, блядь... Украл... Дура сраная... Гараж я сдал, поняла?

– Гараж сдал?... Кому? За сколько? Да что ж за наказание на мою голову?!

– Этому, сука, как его... ну его нах, чё ты прилипла, манда тупая? Иинахх, дура толстожопая, дай поспать, устал я...

Он снова повернулся лицом к стене и захрапел.

Ну, слава тебе господи, подумала Ольга, хоть не украл и не зашиб никого. Плакать она перестала, однако, если подумать, хорошего было мало – надежда по-нормальному сдать гараж таяла.

Зазвонил телефон. Кого еще черт несет?

– Слушаю, – глухо сказала Ольга в трубку.

– Ольчик, привет, это я, – раздался голос Ирки, подруги и соседки. – Давай покурим, а? Угощаю.

– Давай, – вздохнула Ольга. – У тебя на этаже.

Перекурить сейчас было в самый раз.

С Иркой они дружили с детства: учились в одном классе, да и жили в одном подъезде, только Ольга – на тринадцатом этаже, а Ирка – на шестнадцатом. Жизнь у Ирки сложилась получше, чем у Ольги, – и муж нормальный, и работа непыльная с неплохой зарплатой, и детей двое, всегда прилично одетых, и вообще...

Ирка уже ждала ее около лифта. С площадки этажом выше доносилось бряканье гитары и голоса подростков. Точно, и Сережкин голос вроде бы слышен.

Ирка, в джинсиках и свитере – все в обтягечку, с модной короткой стрижкой, протянула Ольге тонкую сигарету и щелкнула зажигалкой.

– Ну и видос у тебя, – заметила она, выпустив струйку дыма. – Не виделись – сколько, недели две? – я уж и отвыкла от тебя. Оль, ты бы все-таки хоть чуток за собой следила.

– Да что видос-то? – возразила Ольга. – Обыкновенный...

– Вот именно, что обыкновенный, – с напором сказала Ирка. – Ты посмотри на себя: кожа дряблая какая-то, волосы – даже и не говорю, ужас один, талии нет, сиськи до пупа, задница обвисла, ноги отекие. Кошмар! А что это за кофта, а? Оль, ну вспомни, в школе я с тобой рядом вообще никто была. А сейчас? Что ж ты с собой делаешь? Это все урод твой, так решаться же на что-то надо. Ну зачем он тебе, можешь объяснить? У него и не стоит давно, уверена, так что и там у тебя паутиной все заросло...

– «Решаться», – вполголоса откликнулась Ольга. – На что ж мне решаться, мне бы Сережку поднять...

– Тьфу ты, вот же ты дура! – повысила голос Ирка. – И как, скажи, пожалуйста, ты его с этим уродом поднимать собираешься? Ишачишь шваброй своей на двух работах, старухой стала в сорок лет, получаешь – это не деньги, это слезы, на Сережку ни сил, ни времени у тебя не остается, а он на папашу глядит – а чего, нормально! Учиться не надо, работать не надо, сшибай по мелочи у соседей да пьянствуй по-черному. Ничего, баба вытянет! Урод захребетный, а ты дура и еще раз дура! Кормишь его, обстирываешь...

– Да вы что ж, сговорились? – обреченно сказала Ольга. – И он мне «дура толстожопая», и ты туда же!

К ее горлу подкатил ком, в голосе опять зазвучали слезы.

– Он тебе?! – возмутилась Ирка. – Да он вообще молчал бы, урод уродский! Да ты хоть знаешь, где он сегодня деньги взял, чтоб пропить?

– Знаю, – сказала Ольга. – Гараж он сдал. Только не говорит кому и за сколько. А что он меня обедает, это ты, Ирка, не права, – торопливо вставила она, – он и не ест почти. Вот Сережке, тому много надо, растёт же, и одевать-обувать его надо, как же мне не работать-то на двух работах, я б и на трех работала, только Сережку тогда совсем заброшу, а надо ведь...

– погоди, Ольчик, не части, – прервала её Ирка. – Гараж он сдал Прохоренке, знаешь его? Ну, Виталий, из второго подъезда, такой в очках, симпатичный, на «ниссане» ездит. За тысячу в месяц. Я как раз с Лариком возвращалась, он там, у подъезда, унюхал что-то, долго нюхал, так что вся сделка, можно сказать, при мне произошла. За тысячу, поняла? Нет таких цен, хоть лопни, а ему-то, уроду, по барабану! А ты дура и есть, что терпишь!

– За тысячу? – растерянно проговорила Ольга. – Я-то думала за три сдать, а он – за одну...

– Ну, три – это ты, положим, махнула, – сказала Ирка. – А две – две с половиной, это реально. Вполне. Только тебе-то что? Он эту тысячу все равно пропьёт...

Постояли, помолчали. Потом Ирка сказала:

– А насчёт Сережки – вот послушай меня. Ты его, может, и поднимешь. Школу кое-как окончит, в армию пойдёт, если, конечно, в тюрьму не загребут. Ага-ага, что ты на меня уставилась? Ты его компанию видела? Вот то-то. Ну, предположим, обойдётся. Отслужит. Может, и там обойдётся, почки не отобьют или что там... А дальше? Как папаша? Оль, заниматься надо сыном, за-ни-мать-ся, а не просто кормить-одевать! – Она затынулась, резко выдохнула и тихо спросила: – Вот скажи мне, подруга дорогая, чего ты хочешь? Так, по-крупному. Так и будешь все терпеть? На себе крест поставила, сына, того и гляди, потеряешь... Чего ради? Почему ты его, уroda твоего, не прогонишь раз и навсегда?

– Чего хочу? – переспросила Ольга. – Сережку поднять хочу. Ничего больше не хочу. – Она аккуратно положила сигарету в консервную банку, стоявшую на батарее, и добавила: – Нет, ещё хочу. Что бы он сдох, наконец. А пока жив, тянуть буду. Пропадёт он без меня. Я, может, сама виновата: не уследила. Он ведь раньше хороший был...

– «Хороший»... Жлоб он всегда был, – ответила Ирка. – Ну тебя, живи как знаешь. А насчёт гаража – я тебе, значит, рассказала.

– Спасибо, – сказала Ольга. – Ну пойду, надо ещё Сережку покормить. Пока.

Ирка ушла к себе, а Ольга выглянула на лестницу и крикнула сквозь шум:

– Сергей!

Секунд через тридцать Сережка неторопливо спустился на полмарша и угрюмо спросил:

– Чего?

– Ты уроки сделал? И ужинать иди!

– Нам не задавали, – ответил Сережка. – Ужинать потом буду, сейчас не хочу. Оставь на кухне, я тут пока.

– Серый, твоюматьблянах! – заорал кто-то невидимый. – Сколько тебя ждать, бля?

Раздался звон разбитого стекла, заржало несколько голосов, среди них два или три девчоночьих.

– Да иду, иду! – закричал Сережка и, не глядя на мать, кинулся вверх.

Ольга вздохнула и отправилась домой.

Василий по-прежнему спал. Ольга стала готовить ужин, размышляя тем временем, что этот Виталий поступил нечестно. Он ведь наверняка знает, сколько нынче стоит снять гараж. Надо будет к нему сходить и поговорить. На этот-то месяц уж ладно, а со следующего, скажет она, две с половиной платите. А то съезжайте, я другому сдам. А он скажет: я, мол, не у вас снимал, Ольга Ивановна, а у мужа вашего. А я ему скажу, совести у вас нет, Виталий, не знаю, как вас по отчеству, обманули вы Василия, вот что. А он мне...

Что-то нескладно выходило. Ладно, решила Ольга, утро вечера мудренее, завтра подумаю да и поговорю. Все равно сегодня уже сил никаких нет.

Она поела немного, выпила стакан жидкого чая, перемыла посуду, оставила Сережке ужин под салфеткой, убралась на кухне, в прихожей и в Сережиной комнате, подстирнула по мелочи.

Посмотрела на часы. «Кривое зеркало» давно закончилось. Можно «Дом-2» посмотреть, только телевизор-то – в большой комнате, а там Василий храпит, и дух тяжелый.

Она вытащила из кладовки раскладушку, поставила ее в прихожей, постелила, принесла будильник, проверила – все правильно, на полседьмого – и легла спать.

Спала, как всегда, без сновидений.

Эту и многие другие книги мира фантастики и фэнтези вы можете скачать на <http://fantasy-worlds.org>